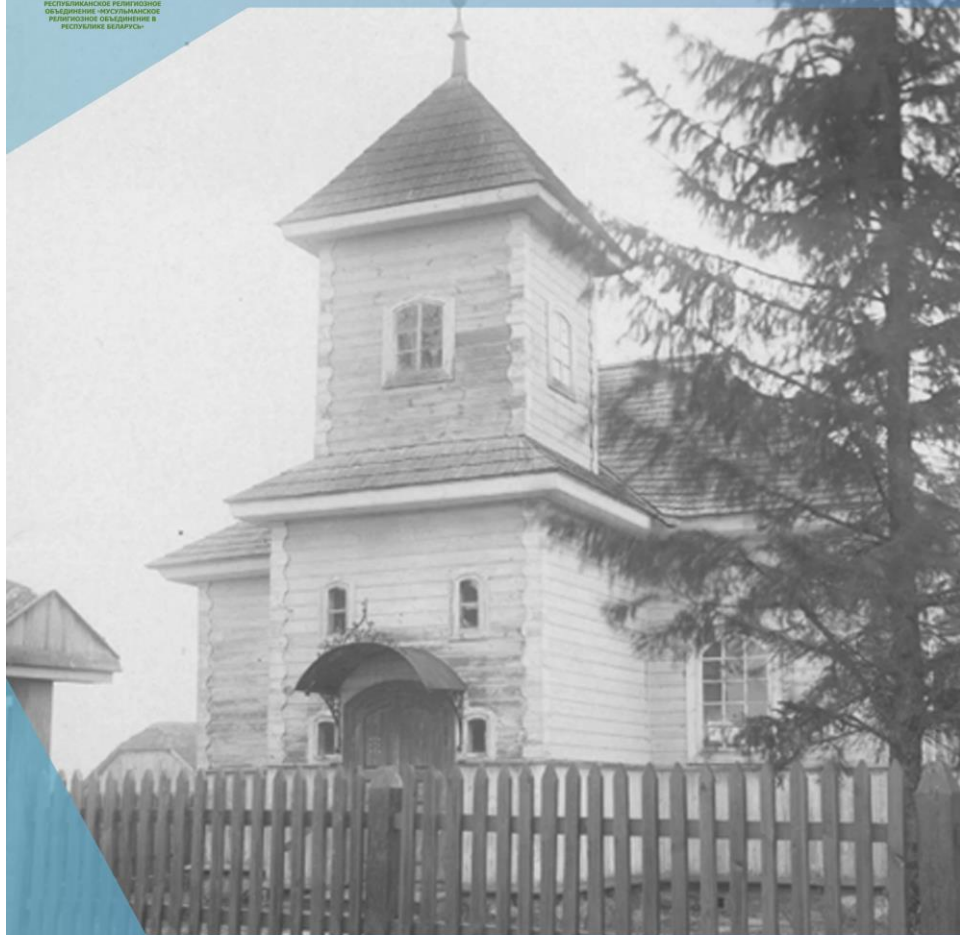

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «МУСУЛЬМАНСКОЕ
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ»

АЛЕКСАНДРОВИЧ ХАСЕНЬ МУСТАФОВИЧ

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ 20-ГО СТОЛЕТИЯ

(краткие воспоминания и фотохроника)

**РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «МУСУЛЬМАНСКОЕ
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ»**

АЛЕКСАНДРОВИЧ ХАСЕНЬ МУСТАФОВИЧ
Доктор химических наук, профессор

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ XX СТОЛЕТИЯ
(краткие воспоминания и фотохроника)

МИНСК
2022

Набор и верстка: Жанна Мурзич
Корректурa, примечания: Бекир Мурзич, Давуд Радкевич
Ответственный за выпуск: Овезов Максат

Оглавление

Оглавление	4
Предисловие	5
В многовековом содружестве	8
Межэтнические взаимоотношения	29
Религия и этнические процессы	50
О духовной культуре и роли семьи в жизни татар	73
На тернистом пути к знаниям	87
Вторая мировая война и участие в ней татар	100
Период 1939-1941 гг.	103
Великая Отечественная война	115
Участие татар в партизанском движении.....	132
На пути к возрождению	142
Татары в полиэтническом обществе XX столетия	154
Миграционные явления	157
Этнические процессы	172
Послесловие	181

Предисловие

Народы центральной части Европы вошли в третье тысячелетие. На пороге тысячелетий было бы полезным осмыслить историческую судьбу отдельных народностей через их участие в важнейших событиях минувшего времени. Предлагаются краткие воспоминания о некоторых особенностях жизни в XX столетии белорусско-польско-литовских татар, о специфике их этнической, материальной и духовной культуры, а также влиянии различных экономических, политических и других факторов на их развитие в прошлом и настоящем.

Прошедшее XX столетие оставило в жизни народов и народностей мира много тяжелых и противоречивых воспоминаний. Тяжелым оно оказалось и для татарского национального меньшинства, проживающего уже более шести веков в центре Европы среди гостеприимных и толерантных белорусского, польского, русского и литовского народов. Двадцатое столетие в жизни этих народов характеризовалось многими историческими и политическими событиями: первой и второй мировыми войнами, буржуазными и социалистическими революциями, изменениями идеологий у народов, военными и послевоенными разрухами, миграцией населения, экономическими и политическими кризисами и др. Участниками этих событий было также татарское национальное меньшинство, которое, кроме непосредственных демографических последствий, ощутило значительные изменения в количественном составе этнической группы, в ее ассимиляции другими народами и в изменении ее национального самосознания.

Вследствие бурно развивающихся в этот период этнических процессов и губительного влияния на них более чем 75-летнего периода атеистической и коммунистической идеологии, татарское меньшинство пыталось сохранить и частично сохранило свой этнический островок со сравнительно небольшой (6-10 тысяч человек) этнической общностью людей с религией ислама, с

особым бытом, психическим складом, традициями, духовной культурой и этническим самосознанием.

В последние десятилетия в польской и белорусской исторической литературе появились публикации, посвященные жизни и этническим процессам белорусско-польских татар, например, монографии А. Миськевича «Tatarzy Polscy, 1918-1939» и С.В. Думина и И.Б. Канапацкого «Беларускія татары. Мiнулае і сучаснасць» (Минск, 1993 г.). Однако в них мало уделяется внимания влиянию социально-экономических факторов и политических событий XX столетия, и особенно послевоенного времени, на этническую структуру татар и на их будущее. Автору этих воспоминаний довелось познать все радости и невзгоды жизни белорусско-польских татар, поэтому хотелось бы по возможности объективно и правдиво с точки зрения очевидца и участника многих событий тех лет показать влияние исторических и демографических факторов XX столетия на судьбу этой небольшой этнической общности татар в центре Европы.

В XX столетии этнически гомогенных государств в мире было немного, а многочисленные конфессиональные общества для обеспечения стабильности своего развития вынуждены были жить в мире, согласии и взаимопонимании большинства с меньшинством. Этническое меньшинство белорусско-польских татар отличалось своей этнической, религиозной и культурной спецификой, что способствовало их самоидентификации и отличительному восприятию другими народами.

Публикуемые краткие воспоминания и фотохроника о жизни и самобытных традициях белорусских татар позволяет глубже понять состояние трансформационных процессов в белорусском обществе и причины мирного сосуществования их в течение многих столетий с другими народами. Историографических публикаций по изучению материальной и духовной культуры этнических меньшинств, особенно татар в Беларуси, их жизнедеятельности в прошлом и настоящем в исторически сложных условиях 20-го столетия, известно немного. Публикации такого рода особенно полезны в наше время, когда началось возрождение татар и других национальных меньшинств,

проживающих в общем котле различных религий и культур, и будут способствовать сохранению 600-летней истории польско-белорусских татар, бережно хранящих ислам в центре Европы.

Выражаю глубокую благодарность моим дочерям Галине и Наталье за помощь в публикации и оформлении предлагаемой брошюры.

В многовековом содружестве

В связи с развитием процессов возрождения национальных меньшинств в последние годы заметно вырос интерес к историческому прошлому этнических общностей, к их межнациональным и межличностным контактам и отношениям, а также к системам взглядов и норм поведения людей в процессе их длительного сосуществования. На этнические, или национальные процессы в жизни людей, как в прошлом, так и настоящем, и будущем, большое влияние оказывали и оказывают политические и экономические устройства государств, экономический и культурный уровень жизни людей, мировые и локальные войны с последующими многочисленными потоками мигрантов и другие факторы.

Белорусско-польские татары, недавно отметившие 610-летие¹ своего поселения в центральной части Европы, как элемент истории народов имеют достаточно большой опыт проживания с другими народами. Они имеют свою историю, которая интересует каждого, кто не безразличен к судьбе и жизни людей далекой южной и восточной культуры. Вместе с другими этническими группами они дисперсно были рассеяны в пределах других более крупных народов. По данным С.В. Думина и И.Б. Канапацкого (кн. «Беларускія татары. Мінулае і сучаснасць», Минск, 1993 г.) эта особая этническая группа исчезнувшего в 15-16 веках золотоордынского этноса была немногочисленной, территориально отделенной от своей родины, и поселена была на территории Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Татарская этническая группа, составляющая ядро тюркских народов в Европе, на этом длительном периоде проживания знала и взлеты, и падения, испытала пагубное влияние «воинствующего атеизма», ужасы репрессий и многих войн. Эта общность людей имеет определенную специфику существования в центре Европы: во-первых, она немногочисленна, поэтому, как правило, она

¹ Брошюра была издана впервые в 2007 г. – Прим.ред.

отсутствует в перечне «главных народностей» государств, в том числе в статистических и демографических материалах, в которых она отнесена к категории «прочие»; во-вторых, она не рассматривалась властями как нечто большое и серьезное, поэтому и не существует больших публикаций о событиях, касающихся этой общности людей. Эти люди происходят от бывших служилых татар, привезенных в конце XIV века князем Витовтом в ВКЛ после разгрома татар в Орде для несения воинской службы и улаживания военных конфликтов. Впоследствии татары пополнялись добровольными поселенцами за счет мигрантов из Орды, а возможно также за счет крымских татар после разгрома их под Клецком в 1506 г., когда тысячи пленных татар с разрешения, скорее всего, князей Радзивиллов поселились в Клецком регионе.

В течение 18-19 веков численность этой группы составляла несколько десятков тысяч человек, что объяснялось не только продолжавшейся их иммиграцией, но и высоким уровнем естественного прироста, начавшегося еще в эпоху позднего средневековья. Татары оказались сосредоточенными, главным образом, на территории тогдашнего польско-литовского государства, которое стало центром их расселения на долгие годы. Они мало селились в крупных городах, в большей степени в сельской местности или местечках как промежуточных пунктах между городом и деревней, особенно характерных для Западной Беларуси. Например, поселение татар в Клецком районе мало чем отличалось от других поселений татар на Беларуси, Польши и Литвы. Среди них следует назвать поселения в местечках Клецк, Ляховичи, Мир, Слоним, Узда, Смиловичи, Копыль, в деревнях Иваново, Орда, Осмолово и др. Большая часть татар имела земельные наделы в несколько десятков десятин. До начала 20-го столетия эти наделы были большими, однако позже они стали делиться между членами семей, в основном мужского пола, и перед началом Второй мировой войны проживавшие на территории Польши когда-то богатые татары превратились в обычных середняков и бедняков в сельском хозяйстве, а также в местечковых рабочих и безработных.

Так, к началу XX столетия в составе татарской общины г. Клецка было около 15 татарских семей, причем 6-7 из них были крупными и более зажиточными, каждая из которых владела примерно двадцатью десятинами полевой земли и несколькими десятинами огородных участков вблизи своих поселений; 3-4 семьи не имели пахотных земель, однако обладали большими огородными участками; остальные семьи были безземельными. Часть семей была дворянского происхождения, например, семья Якубовских, семья Александровичей и др. Все семьи были многодетными и имели в среднем 6-8 детей. Среди семей, занимающихся сельским хозяйством и огородничеством были семьи Александровича Алея и Зейнаб, Александровича Юсупа и Фурши, Рафаловича Ибрагима и Эльмиры, Якубовского Бекира и Евы, Якубовского Ибрагима, Шегидевич Лимы. Со временем, когда дети этих семей начали отпочковываться и создавать свои семьи, то и количество семей в первые десятилетия 20-го столетия, уже с меньшими наделами земли, возросло до 20 и более. Женская часть семей выходила замуж с получением определенного приданного, но без надела земли. Семьи, не владевшие пахотной землей, занимались в основном переработкой кож (гарбарством²) и огородничеством. Это были семьи Ждановича Якуба и Амини, Абрамовича Ибрагима и Фатимы, Ильясевича Сюлеймана и Айши и др. Было также несколько семей, занимавшихся только огородничеством и работавших по найму у более зажиточных татар (семьи Байрашевских, Богушевичей, Ясинских и др.)

В деревнях Осмолово, Иваново и Орда, что в 10 км от Клецка, также существовали татарские общины. В д. Осмолово до начала Второй мировой войны было 15 дворов с 92 татарскими жителями. Татары дворянского происхождения в этих общинах были крупными землевладельцами. Так, Абрагимович Мустафа имел 70 десятин земли в д. Иваново, Юшинский Бекир – 70 десятин в Осмолово, Коруцкий Амурат – 40 десятин в Осмолово, дворянка Сафаревич Фелиция имела 70 десятин земли в Иваново, а еще одна дворянка Богданович Софья – 65 десятин в Осмолово и

² Здесь и далее – обработка кож, кожевенное ремесло (бел.). – Прим.ред.

др. В д. Орда еще в 1567-75 гг. князь М. Радзивилл поселил 27 татарских семей, у которых было 43 волюки земли, а в начале 20-го столетия Орда принадлежала татарину Мустафе Карыцкому, который имел здесь около 100 десятин земли. К концу 20-го столетия по причинам, изложенным ниже, некогда крупная община г. Клецка сократилась более чем наполовину, а в д. Иваново, Орда, Осмолово, в местечках Ляховичи, Копыль, Мир они практически исчезли.

Многовековая история развития малых народов и народностей мира показывает, что длительное сосуществование и взаимодействие небольшого народа с более крупными по численности народами, особенно при благоприятных отношениях к ним со стороны окружающих этносов, завершается, в зависимости от влияния многих факторов, этническим поглощением или ассимиляцией этого небольшого народа.

Изначально татарские поселения в ВКЛ были островками социально-исторических групп людей с религией ислам, со знанием родного языка, с особым психологическим складом, традициями, культурой, национальным самосознанием и общим происхождением. Благоприятные географическая среда и климатические условия проживания оказывали положительное влияние на характер их трудовой деятельности, на специфику повседневной жизни, а компактное проживание их в начальные периоды поселения способствовало сохранению ими своих элементов национальной культуры и специфики жизни. Татары быстро идентифицировались с окружающими их народами, что положительно сказывалось и на культурно-хозяйственном их развитии, и на последующей их консолидации и интеграции с белорусским, польским, русским и литовским народами. Поселившись более чем в двух десятках поселений и получив определенные наделы земли и привилегии, они строили мечети и соблюдали религию ислам, занимались сельским хозяйством, огородничеством и гарбарством. Они женились, создавали семьи, обучали детей религии, благодаря чему при компактном и

анклавном³ проживании длительное время, вплоть до 20-го столетия, сохранили свой небольшой этнический островок (порядка 10-15 тысяч) верников⁴ ислама. Такой характер расселения татар в деревнях и местечках способствовал тому, что здесь дольше, чем в других городах, сохранились религия и традиционная татарская культура. Консервативная роль местечек и патриархальный образ жизни в них, наряду с религиозно-общинной их обособленностью, способствовали сохранению татар как этнической общности людей в течение такого длительного времени.

Однако последующая жизнь и развитие человечества сопровождалась смешением народов, массовой миграцией людей между странами, регионами и местами их поселения. Поэтому родной язык сохранился только в пределах коренной национальной территории, а когда представители разных национальностей начали жить в смешении и в состоянии расселения, то появилось двуязычие; фамилии татар стали белорусскими и польскими, хотя имена еще сохранялись, а затем для татар наступила потеря родного языка. Двуязычие способствовало приобщению к многонациональной культуре, к достижениям мировой цивилизации, расширяло интернациональное мировоззрение татар и благоприятно воздействовало на их общение с представителями других национальностей, что явилось началом процесса их ассимиляции другими народами. По-видимому, основная масса белорусско-польских татар уже к концу 16-го века не разговаривала на своем родном языке вследствие существования уже тогда смешанных браков и необходимости несения воинской службы. Определенную роль здесь сыграло также то, что татары не вели здесь замкнутый образ жизни в своей среде и стремились подражать социальным условиям местного общества, а более знатные и влиятельные роды

³ Анклав (фр. enclave от лат. inclavatus «заключенный, запертый») – часть территории государства, полностью окружённая территорией другого государства. – Прим.ред.

⁴ Верующих (бел.). – Прим.ред.

стремились уравниваться в правах со шляхтой. Это способствовало процессу замены родного тюркского языка славянскими языками окружающих народов. Таким образом, жизнь свела навсегда судьбы и дороги белорусско-польских татар с окружающими народами.

Белорусско-польские татары в первой половине 20-го столетия жили в сложных историко-политических, экономических и культурных условиях. Первые двадцать лет они проживали на окраине царской России, находившейся в начальной стадии капитализма со слаборазвитой экономикой и частной собственностью на землю, но при благоприятном отношении государства к религии. В течение следующих двадцати лет после подписания Рижского договора 1921 г. большая часть татар (около 6 тысяч) оказалось в буржуазной Польше с рыночной экономикой, низким уровнем научно-технического прогресса и значительном влиянии польской ассимиляции на другие национальности. Последующие пять лет были периодом военных потрясений с насильственным подавлением, расстрелами, депортацией отдельных групп населения, а последние 50 лет татары жили в условиях социалистического государственного устройства, коммунистической морали и атеистической идеологии. Татары по-разному воспринимали и переживали эти исторические периоды XX столетия. В целом они сохранили присущее им гостеприимство и терпимость к окружающему населению немусульманской веры. Большинство из них считало, что и на Западе, и на Востоке было много и положительного, и отрицательного, что оказывало различное влияние на людей в зависимости от их возраста, образования, национальности, происхождения, уровня материального достатка и т.д.

Экономика России и Польши конца 19-го и начала 20-го столетий в целом характеризовалась мелкотоварным хозяйством и началом капиталистического устройства, тогда как экономика национальных окраин носила ярко выраженный аграрный характер, подавляющая часть населения была занята сельским хозяйством и кустарно-ремесленным производством. Царский режим в отношении поляков, так же, как и татар, был

недружественным. Дворян (шляхту) под различными предложениями старались изгнать, и на их место поселить россиян, поэтому переселение народов, которое стало обычным явлением в 30-х и 50-х гг. XX в., большевики унаследовали от царского правления. Местных жителей, в том числе и татар, сокращали из учреждений и с воинской службы, заменяя их теми же россиянами. Царское правительство вмешивалось и в религиозную жизнь татар: например, разрешение на открытие мечети в Клецке в 1884 г. было дано только после обращения татар к царю Александру III. Таврическое мусульманское религиозное управление запрещало имамам на территории бывшей Польши вести хутбу⁵ на польском языке. На бывшей польской территории царский режим вел грабительскую политику, как в отношении народа, так и промышленности, и всего хозяйства. Практически не было никакого прогресса, были ограничения в образовании, в культуре. Молодых людей брали в солдаты, а затем отправляли на захватнические войны на Кавказ, в Турцию, Иран, Грузию, на Первую мировую войну, на подавление освободительных движений и т.д. Эти войны не представляли никакого интереса для поляков и проживающих среди них татар, поэтому и царская власть, и сами россияне воспринимались как враги польского и татарского народов. Татары в течение многих лет из-за влияния царской политики были отрезаны от европейской цивилизации, однако прежними, какими-то историческими узами были связаны с Польшей. Польша была им не чужой, поэтому, когда после столетней неволи она встала на борьбу за свою независимость, то на ее общем фронте оказались и некоторые представители татарского народа. В войне Польши против молодого советского государства в 1920 г. также многие татары воевали на стороне Польши, что потом им горько отозвалось в 1939 г. после вступления советских войск в Западную Беларусь.

Жизнь белорусского, польского и татарского народов в панской Польше перед второй мировой войной была тяжелой. С точки зрения социально-экономических условий она была очень

⁵ Проповедь (араб.). – Прим.ред.

тяжелой для трудового народа, малоземельных и безземельных крестьян, и более легкой для небольшого количества интеллигенции, крупных землевладельцев, фермеров и более богатых слоев общества. В целом население в условиях частной собственности и рыночной экономики материально жило лучше, чем за рубежом, в советской Беларуси. Польское государство гарантировало неприкосновенность частной собственности и уважительное отношение к трудолюбивым людям, что в свою очередь вызывало соответствующее отношение народа к власти. Люди свободно распоряжались плодами своего труда, благодаря чему рынки и магазины были обеспечены необходимыми товарами и продовольствием.

Хотя формально провозглашалось юридическое равенство, социальные права трудящихся в Польше часто не соблюдались, в результате чего положение национальных меньшинств, составляющих около 30% населения, было тяжелым. К татарскому национальному меньшинству и к их религии ислама польские власти относились лояльно и не вмешивались в их дела. При достаточном материальном обеспечении родителей их дети могли получить образование в разных средних и высших учебных заведениях, в том числе в различных офицерских и военных школах. Молодежь в ряде татарских общин вступала в молодежные организации, такие, как гарцерство⁶, стрелецкие организации⁷, союзы молодежи и др., которые заботились о начальном образовании детей и готовили их к самостоятельной жизни. Во всех этих организациях, так же как в польских школах, государственным языком был польский, что вело к

⁶ Или, иначе, харцерство (польск. harcerstwo) – польское общественно-воспитательное движение детей и юношества, первоначально созданное по образцу скаутинга, делающее упор на службу, самосовершенствование и братство. Иначе говоря, «гарцежи» (харцеры) – это что-то вроде скаутов на Западе или пионеров в СССР. – Прим.ред.

⁷ Имеются в виду польские военизированные организации, объединявшие патриотическую молодежь, которые готовили ее к службе в польской армии. – Прим.ред.

«ополячиванию» всего белорусского и татарского населения, длительное время остававшегося белорусскоязычным. На этой почве возникали конфликты – в повсехных школах, при поступлении в высшие учебные заведения, на государственную службу. Они были вызваны тем, что в сельской местности и в малых городках белорусское население было преобладающим, которое искренне любило свою родную Беларусь, родной язык и болезненно переживало случаи насильственного внедрения польского языка. Например, конфликт возник в середине 30-х гг. в Клецке из-за того, что белорусскоязычная гимназия была закрыта из-за несогласия ее руководства перейти на польский язык обучения несмотря на то, что делегация родителей белорусских детей была на приеме по этому поводу у маршала Ю. Пилсудского⁸.

Особенно тяжелой была жизнь тружеников сельского хозяйства, ведь Беларусь в предвоенной Польше была аграрным придатком промышленно развитых центральных и западных частей Польши. В целом сельское хозяйство было малоинтенсивным, низкопродуктивным, с отсталой организацией производства. Существовали крупные помещичьи землевладения, особенно у потомков бывших князей Радзивиллов, Потоцких и др. Существенный вклад в решение продовольственной проблемы вносила более зажиточная часть крестьянства, владевшая хозяйствами в 10 и более гектаров земли, большим количеством крупного рогатого скота и всем необходимым для развития сельскохозяйственного производства. Таких «крепких» фермерских хозяйств в городе Клецке было несколько десятков, в том числе несколько и у татарских семей.

Однако большая часть крестьянства, куда относилось большинство татарских семей, была малоземельной и страдала от малоземелья и безземелья, поэтому их хозяйства отличались малой производительностью, отсталой агротехникой, а, следовательно,

⁸ Юзеф Клеменс Пилсудский – польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого польского государства, основатель польской армии. – Прим.ред.

низкой урожайностью и продуктивностью животных. Мелкие хозяйства не могли приобрести технику, что приводило к постоянному дефициту продуктов питания и их недопотребления основной частью населения. В сельском хозяйстве еще сохранялись пережитки феодальных отношений, поэтому преобладал ручной труд, землю обрабатывали примитивными орудиями (конными плугами, боронами), хлеб убирали ручным способом (косой, серпом), обмолачивали цепами; часто не хватало рабочего скота, инвентаря, семян. Налоги при этом необходимо было платить государству своевременно и только деньгами, а не натурой. Основная тяжесть в существовавших индивидуальных хозяйствах ложилась на плечи взрослых членов их многодетных семей, которые очень много работали физически и часто жили в условиях, далеких от физиологических потребностей человека. Их жизнь была непродолжительной и протекала в условиях антисанитарии, производственного травматизма, несовершенства платной медицины и малой ее доступности. В условиях тяжелого физического труда в сельском хозяйстве и гарбарстве для нормального существования и восстановления трудоспособности тружеников необходимо было достаточно калорийное питание, которое было ограниченным и малодоступным. Они питались в основном натуральными продуктами со своего хозяйства, а кто не имел его – питались из магазинов, в которых цены были высокими, тогда как цены на продукты, реализуемые тружениками села, были низкими. Основная причина этому – избыток продукции сельского хозяйства при отсутствии ее рынка сбыта, что вело к отсутствию денег у людей и общей их бедности. Физический труд был дешевым, безработица росла, а рабочих мест в малых поселениях практически не было.

Особенно тяжелой была жизнь татар, занятых в гарбарстве. Гарбарство – это специфическая и тяжелая татарская профессия, унаследованная ими от своих предков в глубокой древности. Она мало известна широкому кругу читателей, поэтому хотелось бы рассказать о ней более подробно. Отличие ее от других профессий состояло в том, что работа выполнялась вручную, без каких-либо средств механизации и в тяжелых антисанитарных условиях.

Переработка кож, как правило, велась в одной из пристроек жилого дома – гарбарне⁹, специально отведенной для этих целей, либо в жилых помещениях. Это была пристройка дома площадью 30-40 квадратных метров, с бетонным полом и большой печью для обогрева в зимних условиях. Никакой канализации и вентиляции в ней не было. Переработка кож велась в жидкой водной среде непрерывно круглый год при температуре не ниже 10°C. Для выполнения важнейшей стадии обработки кож – чистки от шерсти и обезжиривания, а также для последующего их дубления проводилась предварительная обработка кож химическими препаратами, а затем ручной механической обработкой. Для этих целей в гарбарне было 3-4 круглых деревянных чана объемом 3-4 м³ каждый, один или два из них находились на втором ярусе (уровне), где обработку кож можно было вести только в полусогнутом состоянии. Чаны заполнялись водой вручную из обычного колодца с коловоротом, затем загружались кожи и добавлялись гашеная и негашеная известь, сода, щелочь или кислота. После выдерживания несколько суток кожи вытаскивались вручную на цементный пол и металлическим скребком очищались от волоса, а затем вручную косой на специальном сооружении (кобылке) удалялся оставшийся на коже жир. Эти тяжелейшие операции выполнялись в атмосфере вредных химико-биологических испарений без вентиляции и противогазов. Последующее дубление велось с применением коры лесных деревьев, предварительно высушенной и измельченной вручную до порошкообразного состояния (меньше 1-2 мм). После дубления кожи доводились до требуемой кондиции. Овечьи кожи после дубления тщательно очищались специальными скребками. Производство хромовых изделий проводилось без дубления с использованием химикатов типа алюмокалиевых квасцов, также вредных и применявшихся в антисанитарных условиях.

Все это вело к тому, что татары, занимавшиеся гарбарством, рано старились, имели очень бледный и нездоровый вид и рано умирали. Производственная атмосфера в их гарбарнях была

⁹ Кожевенной мастерской. – Прим.ред.

примерно такой, какой она была в цехе хлорной извести Уральского химического комбината, на котором экскурсоводы сообщали, что «в этом цехе могут работать только татары, люди других национальностей больше двух-трех недель не выдерживают». Изделия из кожи ручной выработки, особенно хромовые и овечьи кожи (на полушубки), в военное и послевоенное время пользовались большим спросом и, несмотря на запреты, это ремесло оставалось исконно татарским. В такой сложной экономической ситуации предпосылок для роста жизненного уровня татар было очень мало. У многих из них преобладали мелкособственнические интересы в жизни, которые сопровождалось проявлением зависти и изолированности в коллективах и семьях. Отдельные более богатые люди целиком находились во «власти земли» и жаждали накопления богатства, а более бедная часть общества отличалась замкнутостью, подавленностью и терпеливостью по отношению к тяжелым условиям жизни.

Естественно, что такой образ жизни в довоенной Польше не мог удовлетворить все население, он вызывал глухую, а то и открытый протест и возмущение. Были аресты, тюрьмы, некоторые из молодежи убегали за близлежащую границу – в Советский Союз, желая там найти свое счастье. Однако, как показывало время, их там принимали за польских шпионов и одних расстреливали, других ссылали в Сибирь. Красную Армию, освобождавшую Западную Беларусь 17 сентября 1939 г., многие встречали с цветами, хлебом-солью. Это неудивительно, ведь война шла уже более двух недель, и поэтому приход Советов воспринимался многими как спасение от фашистской агрессии. Среди встречающих Красную Армию были и поляки, которые вначале считали ее союзницей Польши, но в целом среди них преобладали настороженные и даже враждебные настроения, особенно после развернувшейся в Западной Беларуси так называемой политики советизации. Через некоторое время пришло разочарование: люди увидели, что советская власть оказалась не такой, какой она себя широко афишировала раньше, какой ее представляли в радиопередачах. Эта политика была направлена на

подавление любых проявлений самостоятельности, частной собственности, «польскости» как в политической, так и социально-экономической жизни. Как оказалось, в дальнейшем, эта политика, созвучная трагическим событиям 1937 г. в Советском Союзе, сопровождалась многими ошибками, просчетами и злоупотреблениями. Началась тотальная слежка за «социально опасными элементами», их аресты и репрессии. Репрессии касались в первую очередь польских солдат и офицеров, помещиков, осадников¹⁰, бывших польских чиновников, кулаков – всех их рассматривали как врагов советского государства. Большинство из них были либо расстреляны, либо сосланы вглубь СССР. Вслед за арестами началась депортация – за этот короткий срок 1939-1941 гг. прошли три волны депортации, в результате которых в Западной Беларуси было депортировано, арестовано и осуждено более 125 тыс. человек.

Многие из тех, кто сидел в польских тюрьмах за сочувствие большевикам, оказались также не в почете у советской власти, а у вчерашних сторонников новой власти появились страх и неуверенность в завтрашнем дне, опасность потерять свою землю и собственность при начавшихся процессах ликвидации частной собственности, ее национализации, коллективизации и конфискации. Большое влияние на отношение населения Западной Беларуси к советской власти оказали как первые встречи с Красной Армией, которая не вызывала особого восторга внешним видом красноармейцев, вооружением, их материальным оснащением, так и более низкий уровень культуры прибывших с востока советских людей. Поэтому вступление Красной Армии в 1939 г. на территорию Польши многие считали очередным разделом польского государства. Народ видел, что советское государство, по сравнению с Западной Европой, находится на более низком уровне

¹⁰ Осадники (польск. «поселенцы») – польские колонисты-переселенцы, вышедшие в отставку военнослужащие Войска Польского, а также гражданские переселенцы-граждане Польши, получившие земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Беларуси, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. – Прим.ред.

развития. Их государственная система, также, как и прежний царский режим, не могла существовать без репрессий, подавления и казни народа. Советская система, основанная на идеологии марксизма, была чужда человеческой природе, и удерживалась благодаря террору, который велся в небывалых для человечества масштабах. Поэтому марксистская идеология оказалась чуждой и мало воспринималась народом Западной Беларуси.

Татары Западной Беларуси вместе со всем коренным населением «кресов восточных» оказалось в поле влияния Польши, что потом в военное и послевоенное время сказалось на отношении к ним советской власти. Население Беларуси, проживавшее при Польше и находившееся в период войны под немецкой оккупацией, стало в послевоенном Советском Союзе населением второго сорта. Основанием этому, как стало недавно известно (газета «Советская Белоруссия» от 19.10.2002 г.), был вышедший 9 августа 1937 г. в СССР секретный приказ № 00485 и сопровождавшее его закрытое письмо «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР».

Это была мотивация для антипольских репрессий, так как Польша воспринималась как плацдарм европейских государств для подрывной деятельности против диктатуры пролетариата и опасным средоточием зла. Такое отношение советской власти к жителям Западной Беларуси подтверждалось многочисленными примерами из довоенной и послевоенной жизни этих людей. Так, еще в начале XX в. из-за тяжелых социально-экономических условий жизни и труда, низкого уровня материального обеспечения, безработицы многие люди, в том числе и татары, покидали Беларусь и эмигрировали в другие страны (в Россию, Турцию, США и др.). До начала второй мировой войны о них ничего не было известно, а после сентября 1939 г. стало известно, что многие татары, в том числе и наши родственники, проживают длительное время в Москве. Эмигрировав в Россию и получив там высшее образование, они впоследствии стали там крупными специалистами и уважаемыми людьми. Среди них были:

- **Хасень Якубовский** – перед I мировой войной был начальником Московско-Смоленской железной дороги;

- **Иосиф Якубовский** – перед II мировой войной был помощником министра черной металлургии Тевосяна, а в период ВОВ – ответственным за производство танков на Урале;

- **Степан Ильяевич** – генерал, специалист в области мостостроения;

- **Фуад Якубовский** – министр монтажных и специальных работ СССР;

- **братья Степан и Александр Миськевичи**, – один заслуженный учитель РСФСР, а второй – генерал Московского военного округа и др.

Эти татары, проживавшие в довоенное и послевоенное время в тоталитарном советском государстве, не поддерживали никаких контактов с родственниками в Польше и Беларуси из-за опасений быть уличенными в польском шпионаже против Советского Союза. Многие родственники клецких татар после 1920 г. оказались на территории восточной Беларуси в татарских поселениях городов Минска, Копыля, Узды, Смиловичей. Однако переписки со своими родными в Польше они не вели вплоть до сентября 1939 г. и не признавались в существовании их родственников за рубежом.

После освобождения Западной Беларуси от «польских оккупантов» в сентябре 1939 г. из-за недоверия к местным жителям на все ответственные посты назначались массово прибывающие посланники и доверенные кадры их Советского Союза. Даже члены КПЗБ¹¹, активно боровшиеся в подполье с белополяками и сидевшие в знаменитой тюрьме «Картуз-Береза»¹²,

¹¹ Коммунистическая партия Западной Беларуси – партия, существовавшая в 1923–1938 гг. Партия выступала за право на самоопределение для Западной Беларуси, за объединение всех белорусских земель в единую Белорусскую советскую республику, за ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли крестьянам без выкупа. – Прим.ред.

¹² Берёза-Картузская – концентрационный лагерь, созданный властями Польши в 1934 году в городе Берёза-Картузская (ныне г. Берёза, Брестская обл.) в

не назначались на ответственные государственные посты. Учителя, директора школ, служащие административных и судебных органов вплоть до районов, комплектовались исключительно лицами, прибывшими из восточной части Беларуси. Такое недоверие к местному населению, подозрительность, шпиономания, опасение буржуазной идеологии особенно проявлялись в начальный период войны 1941 г. при наступлении немецко-фашистских войск на Советский Союз. Только семьи военнослужащих могли уехать на Восток перед наступлением немецких войск, тогда как большинство бывших советских и партийных работников оставалось под немецкой оккупацией.

Выходцам из Западной Беларуси советская власть и в послевоенное время продолжала уделять особое внимание. Будучи занятыми на более ответственных постах народного хозяйства, они подвергались особо тщательной проверке соответствующими органами. Например, известен случай, когда главным инженером на одном из заводов Беларуси был выходец из Западной Беларуси. Он был грамотным высококвалифицированным специалистом, окончил после войны политехнический институт и прошел путь от рядового специалиста до главного инженера завода. Впоследствии предполагалось назначить его директором новостроящегося завода, для чего необходимо было пройти дополнительную проверку на более высоком уровне. Проверка показала, что в период немецкой оккупации в юношеском возрасте он был бухгалтером на небольшом предприятии районного масштаба, и при отступлении немецких войск пытался с ними уехать. Но вскоре одумался, вернулся на родину и продолжал жить и учиться в Советском Союзе. Этого факта было достаточно для того, чтобы он не продолжил свою работу не только в качестве директора нового завода, но и в прежней должности главного инженера.

качестве места внесудебного интернирования противников правящего режима. С 1934 по 1939 г. в нём содержались по обвинению в «антигосударственной деятельности» противники правившего режима: коммунисты, деятели еврейского, украинского и белорусского национальных движений, а также политические оппоненты Ю. Пилсудского. – Прим.ред.

Не обошла советская власть своим «особым вниманием» и коренных белорусов Клецка, истинно любящих свою родину и свой белорусский язык. Эти люди еще в довоенное время боролись за легализацию белорусского языка, за обучение детей в белорусскоязычной гимназии, за равные условия в политической жизни довоенной Польши. После освобождения Западной Беларуси в 1939 г. все владельцы земель, частной собственности и недвижимости, и особенно более зажиточные из них, стали чужими и неблагонадежными гражданами Советского Союза. Именно они после польских осадников, военных и полицейских были в числе первых на депортацию в северные и восточные регионы Советского Союза. О том, как сложилась судьба некогда трудолюбивой и уважаемой в городе белорусской семьи Сидоровичей, проживавшей многие десятилетия в тесном содружестве с татарами, хотелось бы рассказать подробнее.

Проживавшая по соседству с нами семья Сидоровичей состояла из трудоспособных ее членов: хозяина, хозяйки и пятерых взрослых детей – двух дочерей и трех сыновей. Еще в довоенное время у них было около 30 га пахотной земли, большой жилой дом, стадо домашнего скота и все необходимые хозяйственные постройки. Из сельхозтехники были только конная жатка и молотилка. Все работы выполнялись собственноручно, без наемной рабочей силы. Семья была дружная, трудолюбивая, жили зажиточно, однако и работали до седьмого пота – от зари и до зари. Урожай у них еще в довоенное время составляли 30 и более центнеров с гектара, и это при использовании натуральных органических удобрений. После начала войны судьба семьи резко изменилась в худшую сторону. Вся земля, имущество и скот были национализированы, хотя колхозы еще не образовались. Старшая их дочь была замужем за православным священником, что после прихода Советов в 1939 г. не предвещало ничего хорошего. Младший сын Сергей еще при Польше окончил гимназию в Несвиже, хорошо знал немецкий язык, и в первый месяц немецкой оккупации немцы забрали его, девятнадцатилетнего юношу, переводчиком в комендатуру. Однако проработал он недолго, по словам очевидцев, старался защищать людей, попавших в руки

немцев, пытаясь им помочь и выручить из беды. Кому-то это не понравилось, и юноше с провокационной целью подложили в карман листовку антифашистского содержания. Конечно, ее сразу же нашли, и в этот же день немецкие жандармы вывезли Сергея в Барановичи и там же расстреляли. Второй сын, двадцатилетний Федор, окончил до войны польскую семилетнюю школу и работал с родителями на сельском хозяйстве, а в период оккупации работал в городской налоговой инспекции, где занимался сбором налогов с частных владельцев земли. Ходил он в гражданской одежде, без оружия и вел себя вполне прилично. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков он вместе с мужчинами мобилизационного возраста, в том числе со своим старшим братом Владиславом, был мобилизован в Красную Армию. Владислав попал в пехоту и вскоре погиб на фронте в Восточной Пруссии, а Федор попал в запасной артиллерийский полк, где его, как и всех тех, кто работал при оккупации даже на малозначащей работе, тщательно проверяли в органах «СМЕРШ», однако его не арестовали, а отправили на фронт. После окончания войны он демобилизовался в звании старшины и возвратился со многими боевыми наградами. Однако в Клецке Федор не мог жить спокойно, так как находился как в запертой клетке, поэтому он переехал в Минск. В Минске его арестовали органы НКВД, и вскоре он умер в тюрьме. Оставшиеся в Клецке родители этой семьи умерли, не выдержав таких потрясений. Старшая дочь с мужем выехала в Ленинград, а младшая жила в Минске, где вскоре умерла. Такая судьба постигла трудолюбивую и некогда уважаемую в городе Клецке белорусскую семью. К сожалению, в период войны такие случаи на Беларуси были не единичны.

Недоверие и подозрительность со стороны советской власти проявлялись также и к тем, кто всю свою сознательную жизнь боролся за советскую власть и был ее ярким сторонником. Так, по рассказу проживавшего в Польше татарского деятеля, ныне покойного Романа Соболевского, тяжелая и трагическая судьба постигла отца его жены Яна Казакевича. Родился он в конце 19-го века в деревне Иваново. В первую мировую войну служил рядовым солдатом в царской армии, где и познакомился с

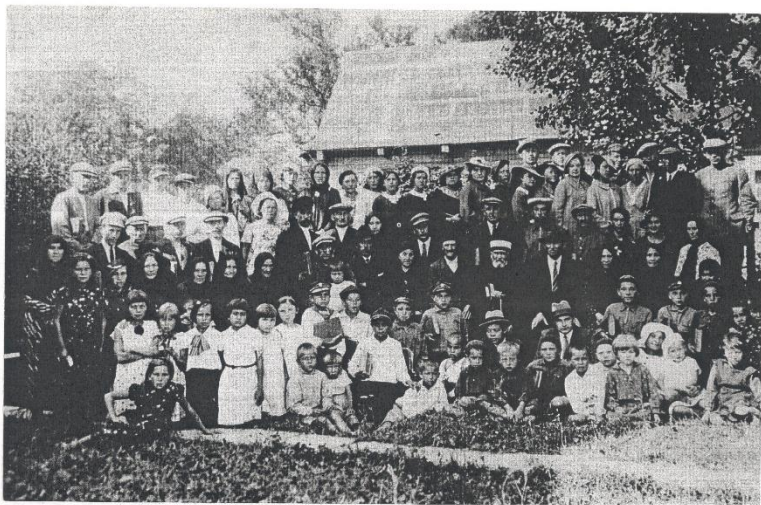
марксистскими идеями социализма и коммунизма. В конце войны он оказался в плену в Германии, где среди пленных русских и немецких солдат продолжалась агитация за революцию. В Германии в то время также опасались революционных волнений, поэтому он вместе с группой русских солдат был возвращен назад в Россию, в Петроград. Здесь он продолжал заниматься революционной агитацией, знал и видел Ленина и, по-видимому, мог бы после победы революции 1917 г. получить там высокий пост в большевистской России. Однако, Ян Казакевич уже тогда увидел, что большевики не все делали так, как обещали до революции, начались расстрелы, разгромы всего и вся, вывозы и изгнания людей за рубеж и т.д., и поэтому он решил возвратиться к себе на родину в Беларусь. В 1920 г. после победы Октябрьской революции в Беларуси он был начальником милиции в Клецке. После подписания Рижского мирного договора и занятия Западной Беларуси Польшей, несмотря на определенные трения с польской полицией, он проживал в деревне Иваново и работал секретарем сельсовета в деревне Лани Несвижского района, оставаясь сторонником коммунистических идей. После освобождения Западной Беларуси в 1939 г. Ян Казакевич продолжал работать в том же сельсовете, однако все больше приходил к убеждению, что освободившие их большевики не те, за которых он боролся и о которых мечтал всю жизнь... В связи с этим он часто стал слушать зарубежное радио и иногда высказывал окружающим его людям свои негативные взгляды на Советский Союз, на колхозное строительство и на советские трагические события в 1937 г. В 1940-м г. он был арестован органами НКВД, осужден на 8 лет и сослан в Архангельскую область. После окончания Великой Отечественной войны он был амнистирован, однако домой не вернулся, а был второй раз осужден и сослан в Казахстан на поселение. Там он прожил до 1955 г., после чего возвратился сначала в Беларусь, а затем в Польшу, где проживала его семья, и где вскоре он умер.

После Джума-намаза у Клецкой мечети в начале
30-х годов 20-го столетия.

Имам Клецкой мечети Мустафа Александрович (в центре)
среди участников съезда мусульман Советского Союза
в г. Уфа (СССР, 1948г.)

После Джума-намаза у Клецкой мечети (июль 1936 г.), сидят в I-м ряду справа налево: три женщины-мусульманки, Адам Александрович, имам Якуб Жданович, годжий Яхья Байрашевский, внизу среди детей сидят Эдиге Шинкевич и Амурат Якубовский (в шляпах).

Клецка-1939

Община татар г.Клецка после Джума-намаза в 1939 г. В центре имам г. Варшавы Али Воронович, имам клецкой общины Мустафа Александрович, сзади него Якуб Александрович и Бекир Александрович - имам Клецкой общины в 60-70-е годы 20-го стол.

Межэтнические взаимоотношения

В начале XX столетия белорусско-польские татары проживали преимущественно в деревнях и малых местечках в условиях сильного смешения с белорусским, польским и еврейским народами. Этнические контакты происходили на уровне населенных пунктов, когда представители разных национальных групп проживали в одном поселении, на отдельных улицах, или в виде отдельных семей, что было особенно разрушительным для сохранения внутриэтнических связей. Это видно на примере клецкой татарской общины, где татары компактно населяли окраинную часть города вблизи реки Лань, образуя как бы небольшой анклав из построенных татарских деревянных строений. В центре местечка проживали, в основном, еврей-ремесленники и торговый люд, которые владели большим количеством магазинов и торговых точек. Многие еврейские и польские семьи не имели своих домов, поэтому жили на съемных квартирах в татарских и белорусских домах, что создавало основу для регулярного и более близкого межнационального общения.

В первой половине XX столетия в Клецкой общине было около 250 татар (около сорока семей), составляющих примерно 4% населения города, в котором проживало приблизительно шесть тысяч жителей, в том числе других национальностей: белорусов – 20%, евреев – 70%, поляков – 6%. Они тесно сотрудничали друг с другом и занимались исторически присущими им ремеслами: белорусы – сельским хозяйством, евреи – торговлей и ремесленничеством, татары – сельским хозяйством, огородничеством и переработкой кож, поляки же больше были представлены служащими и интеллигенцией. Народ в целом не отличался высокой культурой, национальным самоосознанием, патриотизмом, в период военных конфликтов он никогда не выступал инициатором каких-либо активных действий. В городе не было промышленности, кроме одной еврейской ткацкой фабрики, были две православные церкви, один католический

костел, одна еврейская синагога со школой подрабинеков¹³ и одна татарская мечеть для двух сотен верников ислама. Благодаря длительному совместному проживанию характер этих людей формировался под влиянием биологических, социальных и национальных факторов белорусского, польского, еврейского и русского народов. В результате наблюдения за поведением, поступками и действиями этих людей, в том числе в экстремальных ситуациях, можно сказать, что большинство из них отличалось высокой степенью интернационализма, миролюбия, законопослушания, трудолюбия, доброжелательности и толерантности. На татар, проживавших в этом регионе, часто оказывали влияние традиции прошлого, однако никогда среди них не возникало осложнений на национальной почве, а воспитание подрастающего поколения было направлено на преодоление сохранившихся у части татар и окружающего их населения национальных предрассудков.

По своей идеологии и по используемым орудиям труда татары ничем не отличались от окружающих их белорусских тружеников. Это были люди-созидатели, чувствовали себя хозяевами на своей земле, а не временщиками, уважительно относились к труду, который выполняли добросовестно и качественно, экономно и бережливо использовали сырьевые, денежные и материальные средства. Татары и белорусы обогащали друг друга трудовыми навыками в сельском хозяйстве, в кожевенном производстве, заимствовали друг у друга отдельные приемы труда, быта, участвовали в проведении совместных культурных мероприятиях и гуляниях. Белорусы, евреи и татары контактировали не только на бытовом уровне, но и в сфере производства, сбыта и торговли необходимыми товарами. От татар многие белорусы, особенно в сельской местности, научились простейшим способам переработки кож, выращиванию некоторых распространенных огородных культур и др. В свою очередь татары учились у местных ремесленников и осваивали новые для себя

¹³ Podrabinek (польск.) – заместитель раввина (согласно «Словарю польского языка» под ред. В. Дорошевского).

профессии в сфере заготовки обуви, пошива одежды, производства хромовых кож, пошива кожухов, торговли специальными товарами, заготовки и консервирования овощей, фруктов и т.д. Взаимная заинтересованность в производстве, переработке и использовании продукции сельского хозяйства, огородничества и кожевенного производства была экономической основой безбедного существования этих народов в предвоенной Польше.

Особенно тесная связь существовала с евреями, которые были основными потребителями сельскохозяйственной продукции татарских огородников – их ранних овощей и фруктов, а также основными посредниками и потребителями их кожевенного производства. По своему характеру, этническим традициям, предпринимательским способностям татары были даже ближе к еврейской этнической диаспоре¹⁴, чем к белорусской и польской. Находили они общий язык как в торговых отношениях, так и в ремесленном промысле и предпринимательстве. Обе диаспоры относились к национальному меньшинству в Польше и часто ощущали это во взаимоотношениях с правящей властью. Однако представители татарской диаспоры имели определенные преимущества в отношениях с местными властями: например, в довоенной Польше в Клецке было только два ресторана, лицензии на содержание которых имели татары Абрамович Хасень и Халембек Александр, а адвокатскую лицензию имел татарин Александрович Адам (см. об этом ниже).

Отношения как внутри национальных групп людей, так и с окружающими членами общества были уважительными и доброжелательными. Татары с уважением относились к людям других конфессий, они ничем от них не отличались и часто имели общие интересы, за что их любили и уважали окружающие. Так, некоторые из них, не имея даже высшего образования, были очень уважаемыми людьми. Среди них был, например, татарин **Хасень Ибрагимович Якубовский**, который еще до Первой мировой войны длительное время работал на железной дороге в Таганроге и

¹⁴ В оригинальном тексте употребляется слово «конфессия», но в данном контексте оно не подходит по смыслу и заменено на «диаспора». – Прим. ред.

в Минске. Возвратившись после Первой мировой войны в Клецк, он пользовался большим уважением у польских властей – был членом городского магистрата, работал в банке г. Клецка, активно содействовал капитальному ремонту мечети и развитию клецкой татарской общины.

Известный в Клецком регионе татарин **Александрович Мустафа Иосифович**, впоследствии имам Клецкой мечети, еще перед Второй мировой войной был избран на общественных началах доверенным лицом магистрата в качестве уполномоченного по оказанию материальной помощи малообеспеченным людям (Oriekun Spoleczny). В 30-х годах двадцатого столетия в период проведения хуторизации земель он же на общественных началах был избран крестьянами г. Клецка своим уполномоченным при инженер-геофизическом управлении – мерничим¹⁵ – для улаживания конфликтных ситуаций при выделении новых участков земли. С этой обязанностью он хорошо справлялся: им совместно с геофизическим управлением была разработана оптимальная система перераспределения узких длиннополосных участков в локальные хуторные участки. По этой системе предусматривалась свобода выбора участков, а всем желающим частично увеличить количество земли предлагались места на более отдаленном от города расстоянии или расположенных вблизи транспортных сообщений. Примерно для двадцати татарских семей была выделена земля в одном определенном месте. После проведения этого довольно сложного мероприятия жалоб от крестьян в городские власти практически не поступало.

Другой татарин **Александрович Адам Алеевич**, благодаря своей рассудительности, коммуникабельности, стремлению к образованию и доброжелательному отношению к окружающим его людям пользовался большим авторитетом среди жителей города. До Первой мировой войны он окончил реальное училище и,

¹⁵ Представитель в составе комиссии по хуторизации земель, землемер. Мерник (мерничий) – должностное лицо, занимавшееся межеванием и измерением земельных участков.

возвратившись в 1920 году после эвакуации из России в Клецк, начал активно изучать польский язык, польскую грамоту и юриспруденцию, в результате чего он стал высококвалифицированным юристом города. Перед Второй мировой войной он единственный в Клецком районе на правах адвоката имел лицензию на содержание офиса по оформлению и представлению дел в судебные и административные органы (Biuro pisania podan do władz administracyjnych i sądowych).

А вот пример более современный: в деревне Иваново еще в довоенное время жил татарин **Соболевский Ромуальд Матвеевич**, известный татарский общественный деятель в области возрождения ислама, традиций и культуры татар в Польше и Беларуси. Родился он в 1923 году в крестьянской семье Матвея и Розалии Соболевских. Он был трудолюбивым, доброжелательным и рассудительным человеком, непрерывно стремился к знаниям, к повышению самообразования. В довоенное время окончил польскую семилетнюю школу и религиозную школу у годжия¹⁶, а во время Второй мировой войны учился в белорусской средней школе, окончил бухгалтерские курсы в Несвиже и административно-торговую школу в г. Барановичи. Обладая врожденным трезвомыслящим и рассудительным складом ума, прекрасной коммуникабельностью с людьми различного интеллектуального уровня и разных политических и этнических взглядов, он пользовался большим уважением в различных коллективах. Он отличался своей верностью исламу и большой солидарностью с белорусско-польскими татарами. Еще в довоенное время поддерживал тесные контакты с мусульманской молодежью Виленского края и активно занимался просветительской работой среди татар с целью повышения их национального самосознания и культурного уровня. Во время Второй мировой войны Р. Соболевский из-за инвалидности не был призван в армию, а после ее окончания работал бухгалтером финотдела в Барановичском облисполкоме. Он очень любил

¹⁶ Учитель религии (предположительно искаженное от турецк. «ходжа»). – Прим.ред.

Беларусь, родной белорусский язык, свою родину в Несвижском и Клецком районах. Однако по семейным обстоятельствам и некоторым общественно-политическим соображениям он в 1946 году со второй волной эмиграции был вынужден выехать в Польшу. Там он вначале работал в районных и областных комитетах партии (PZPR), а затем в течение ряда лет был секретарем польского консульства в Китае. Неоднократно награждался польскими грамотами и медалями. Находясь на заслуженном отдыхе, длительное время возглавлял Высшую мусульманскую Раду в Польше и много работал по возрождению ислама в послевоенной Польше. Он способствовал упреждению реакции поляков в отношении татар на события 11 сентября в Нью-Йорке, выступая в прессе и на телевидении с разъяснением позиции польских татар. Неоднократно участвовал в татарских съездах и Ориентах¹⁷ в Польше и Беларуси, а также в других общественно-культурных и политических мероприятиях. Ромуальд Соболевский умер в августе 2006 года и похоронен в Польше в г. Тштянка. На его памятнике высечены слова: «W gościnnej Polsce czułem się szczęśliwy, choć często tęskniłem za Kresami Wschodnimi»¹⁸.

На примере одной татарской семьи Клецкого региона хотелось бы показать влияние социально-экономических и политических условий жизни татар Западной Беларуси на их межнациональные контакты и межличностные отношения с белорусским и польским народами. Представитель этой семьи **Мария Александрович-Збарашевская**, 100-летие со дня рождения которой отмечалось в 2005 году, в этот исторический период предвоенного и военного времени двадцатого столетия была многими узами (родственными, культурными, профессиональными) связана с русским, польским и белорусским народами.

¹⁷ Научные и культурные мероприятия, посвященные востоковедению, исламу и татарам.

¹⁸ «В гостеприимной Польше я чувствовал себя счастливым, хотя часто скучал по восточным окраинам (т.е., по Беларуси, «кресам восточным»)».

Мария родилась в деревне Осмолово в многодетной семье Мустафы и Зони Александровичей. В то время ее отец был имамом Осмоловской мечети, он родился в деревне Орда, где прошли и детские годы Марии. Перед Первой мировой войной семья Мустафы Александровича переехала из деревни Осмолово в город Новогрудок, где Мустафа стал имамом Ловчицкой мечети. Во время Первой мировой войны и последующие за ней годы немецкой и польской оккупации семья Александровичей эмигрировала в город Киев, где Мария училась в русской школе и окончила реальное училище, а ее брат окончил корпус кадетов и во время войны воевал на турецком фронте. В дальнейшем их родители с тремя сыновьями и двумя дочерьми с отступающими русскими войсками эмигрировали в город Уфу в Башкирии, а после установления там советской власти они возвратились на родину. Во время возвращения их отец Мустафа умер и был похоронен в Минске, а семья возвратилась в Новогрудок. Здесь они долго не могли найти работу, а затем брат Марии Яхья стал имамом в Ловчицах, а Мария стала работать сначала секретарем в суде в Новогрудке, а затем перевелась в суд города Барановичи. В этот период Мария в возрасте 30 лет, сравнительно образованная и хорошо воспитанная, оказалась одной из немногих татарских девушек среди белорусского и польского населения города. Естественно, что ежедневные контакты на работе и в быту привели к созданию смешанного брака. Ее избранником стал поляк Феликс Збарашевский. В результате образовалась счастливая и любящая молодая семья, прекрасная как по внешнему виду, так и по внутреннему содержанию. Феликс был ровесником Марии и работал в суде города Барановичи. Он окончил польскую гимназию, отлично владел несколькими иностранными языками, был интеллигентным и доброжелательным, прекрасно воспитанным в благородной семье, которая с радостью приняла Марию как желанного равноправного члена. Поженились они в сентябре 1941 года и стали одной из первых пар межнациональных браков в Западной Беларуси. Мать Марии очень тяжело

переживала смешанный брак дочери¹⁹, однако со временем с этим смирилась, и перед своей смертью ее простила. Проблема межэтнических браков среди белорусско-польских татар особенно стала заметной перед Второй мировой войной в связи со значительной миграцией и урбанизацией татарского населения, их концентрацией в городах и дисперсным²⁰ расселением среди городского населения. Следует при этом заметить, что в то довоенное время большинство молодых людей, в основном соблюдавшие ту или иную религию, обряды и традиции, вступая в смешанный брак, принимало веру другой стороны и отказывалось от своей веры. В послевоенное время, особенно при советской власти, ситуация изменилась: молодые люди, воспитанные в атеистическом и прокоммунистическом духе, вступая в смешанный брак, не отказывались ни от какой веры, а продолжали оставаться этнически нейтральными.

Несмотря на создание смешанной семьи (детей у них не было), национальное самосознание у Марии как мусульманки было высоким и сохранилось таковым в течение всей последующей жизни. Оно частично передалось и ее мужу, благодаря чему их отношение к татарам Польши и Беларуси было очень теплым, почти родственным. Так, в тяжелое время немецко-фашистской оккупации Беларуси Мария с Феликсом жили в Барановичах в своем доме вблизи железнодорожной станции. В это время татарские юноши и девушки с Орды, Иваново и Клецка в возрасте 16-19 лет, пытаясь избежать вывоза на принудительные работы в Германию, учились в медицинских и торговых школах в г. Барановичи. Среди них были Лилия, Хальция и Геннадий Байрашевские из Орды, Тамара Казакевич и Ромуальд Соболевский из Иваново и автор настоящих воспоминаний из Клецка. В тяжелых условиях военного времени Мария и Феликс с радостью приняли всех нас на квартиру, потеснились сами, но

¹⁹ Который является запретным с точки зрения ислама. – Прим.ред.

²⁰ Тип расселения, при котором отдельные, небольшие населенные пункты (или места расселения) практически не взаимодействуют, находясь на значительном расстоянии друг от друга.

разместили всех, и жили, как говорят, «в тесноте, да не в обиде». Мария взяла шефство над молодежью и стала нам матерью в полном смысле этого слова. Она обеспечивала всех питанием, независимо от количества привозимых нами продуктов. При этом все мы были совершенно равными, чувствовали со стороны Марии и Феликса постоянную заботу и внимание и получали практические советы в сложных жизненных ситуациях. По характеру эти люди были добрыми, отзывчивыми, общительными, доброжелательными и очень интеллигентными, что было для нас поучительно и необходимо в начале жизненного пути. Мария и Феликс отличались человеколюбием и гуманным отношением к людям. Так, Мария в 1941 году участвовала в захоронении убитого возле их дома красноармейца; в 1942 году Феликс дал постуцавшемуся ночью неизвестному военнопленному гражданскую одежду, а в 1943 году он своевременно предупредил учащихся торговой школы о готовящемся вывозе их в Германию, и т.п.

После освобождения Беларуси в 1944 году они выехали в Польшу. Там осенью 1944 года вблизи Варшавы органами НКВД Феликс был арестован по подозрению в связи с Армией Крайовой и вывезен на принудительные работы на шахты Урала. Отработав там три года, он возвратился в Польшу, встретился опять с Марией, окончил высшую экономическую школу и до конца жизни работал в народном банке г. Вроцлава. Мария более тридцати лет работала начальником канцелярии суда города Вроцлава. В 1946 году она способствовала переезду из Новогрудка своего племянника Стефана Александровича, который жил у нее на правах родного сына, окончил там юридический институт и с 1962 года работал прокурором в городе Гданьске. В последнее время выехавшие в Польшу бывшие квартиранты Марии и Феликса, белорусские татары, поддерживали тесные связи с ними, а также часто посещали друг друга во Вроцлаве, Познани, Тштянке, Гданьске. Все они сохранили самые теплые воспоминания о тех человеческих связях, которые образовались в суровые годы Второй мировой. Мы на всю нашу жизнь сохранили близкие, почти родственные отношения и с Марией, которая

всегда оставалась верной мусульманкой, и с ее мужем Феликсом. Эти люди до последних дней (умерли они в 1982 году) хранили добрую память о татарах и времени, прожитом ими вместе в Беларуси.

Взаимоотношения татар клецкой общины с различными этническими группами людей в первой половине двадцатого столетия были дружественными, уважительными и доброжелательными как на бытовом уровне, так и на межэтническом. Наши воспоминания представляются интересными с исторической точки зрения, так как очевидцев и участников событий тех лет становится все меньше, а сами исторические факты по мере их забвения часто субъективно искажаются.

В связи с тяжелым материальным положением татар и постоянной нехваткой денежных средств, кроме дохода со своих натуральных хозяйств, многие из них сдавали в аренду часть своих домов или квартир нуждающимся в жилплощади польским, еврейским или другим квартирантам. Особенно большим спросом пользовались те квартиры, хозяева которых не занимались переработкой кож, не держали свиней и другой живности, и содержали квартиры в опрятном виде. На квартирах татарских улиц в течение многих довоенных лет проживали учителя польской повшехной²¹ школы: пан Монджеевский с женой и ребенком, пан Гибкий с женой и ребенком, садовод маентка²² пан Гродский с женой и двумя детьми, единственный почтальон города Клецка пан Ковальский с женой, сотрудник полиции пан Рудек с женой и ребенком. После освобождения Западной Беларуси в 1939 году у татар часто квартировали семейные

²¹ Всеобщая трехступенчатая школа с семилетним сроком обучения. Повшехная (общеобразовательная) школа в зависимости от числа учащихся и учителей делилась на три ступени. К школам I-ой ступени относились школы с I-IV классами, ко II-ой ступени с I-VI классами и к III-ей ступени с I-VII классами. Полностью программа всеобщей школы реализовывалась только в школах III-ей ступени, т.е. в полной повшехной семилетней школе. – Прим.ред.

²² (польск.) имения, поместья.

офицеры Красной Армии, дислоцированной в бывших казармах польского пограничного батальона.

Ежедневные контакты татар с проживающими у них членами других национальностей как на бытовом уровне, так и во время различных национальных и государственных праздников способствовали взаимному ознакомлению их с другой материальной и духовной культурой, традициями, обычаями и, естественно, с достижениями в жизни различных народов Запада и Востока. Конечно, эти квартиранты, как представители польской и советской интеллигенции, резко отличались от местных жителей Западной Беларуси как по уровню своего развития, культуры, морали, идеологии и взглядов на жизнь, так и различными взглядами на события назревающей Второй мировой войны. Это оказывало свое положительное влияние на приобщение татар клецкой общины к западной культуре, затем к русской культуре и к советскому образу мышления. Особенно запомнились контакты членов нашей семьи с бывшим у нас на квартире поляком паном Гродским, работавшим садоводом Радзивилловского имения недалеко от Клецка, в котором было несколько десятков гектаров фруктового сада. От него мы узнали много полезного о научном и практическом обеспечении садоводства как отрасли сельского хозяйства: например, о том, что иметь сад с фруктовыми деревьями – это не только (по нашим понятиям) осенний сбор низкокачественных, поврежденных и полугнилых фруктов, идущих затем на корм скоту, но кропотливая и тяжелая, почти круглогодичная работа по досмотру сада, его обрезке, прививке, подкормке, борьбе с вредителями, и по научному обеспечению его плодоношения.

После освобождения Западной Беларуси от белополяков в период с 1939 по 1941 годы в нашем доме квартировал командир пехотного батальона, размещенного в казармах города Клецка, лейтенант Романов с женой и двухлетним сыном. Его как своего начальника и сотоварища по службе часто навещали такие же по званию и образованию офицеры Красной Армии, но они были в основном холостыми и жили в казарме. Среди них было несколько лейтенантов татарской национальности, в основном из Татарстана

и Башкирии. Узнав о существовании татарской общины в Клецке, эти лейтенанты (среди них были и старшие, и младшие) с большим желанием и радостью стали посещать татарские семьи и особенно вечеринки (с танцами), устраиваемые местной татарской молодежью в выходные, пятничные и другие праздничные дни. Естественно, что мораль и духовное воспитание у них были советские, атеистические, резко отличавшиеся от морали и воспитания девушек и молодежи белорусско-польских татар. Поэтому все они предстали перед нашими девушками как неженатые холостяки, жаждущие обзавестись быстро семьей с такими «родными» для них мусульманками. Такая поспешность и такой способ женитьбы вскоре принесли свои плоды: были тайные никахи²³, разводы, аборт, в том числе со смертельным исходом, и, наконец, после окончания войны, их письма с сообщениями о наличии у них других, довоенных, семей.

Одна из причин таких легких и поспешных браков с татарскими девушками состояла в том, что воспитанные в духе мусульманской веры и польской культуры, эти девушки не признавали обмана в жизни, легко верили всему, что им говорили новоиспеченные женихи, притом женихи в погонах советских офицеров. Разве могли бы они услышать что-либо подобное от польских офицеров, или даже подофицеров²⁴? Никогда! Народ Западной Беларуси был законопослушным и воспитанным в уверенности, что, если представитель власти или человек в форме (любого уровня и ранга) что-то говорит, значит, это правда, не подлежащая сомнению. И когда 17 сентября 1939 года, да и в другие дни, лейтенант-комиссар на танке отвечал встречавшему его местному населению, что в Советском Союзе полное изобилие и всего в магазинах полно, проводя при этом рукой по шее, то ни один из его слушателей не сомневался в его словах и не бежал в магазины за распродававшимся там товаром. Все это было очень смешно уже в начале 1940 года, когда жена нашего лейтенанта

²³ (ар.) бракосочетания.

²⁴ Категория сержантского и старшинского состава в вооруженных силах ряда государств (Венгрия, Польша, Румыния и др.).

Романова в течение нескольких дней подряд рано утром просила нашу мать посмотреть пару часов за ее ребенком, пока она сбегает в магазин. После нескольких дней на вопрос матери: «А зачем Вы ежедневно бегаєте в магазин?» – она ответила, что там распродается ситец на платье и она хочет его купить и послать посылкой родным в Тулу. Мать после этого от души рассмеялась и сказала, что ситцевые платья у нас уже давно не носят, тем более лейтенант-комиссар уверял, что у вас в Союзе полное изобилие. Тогда рассмеялась уже жена лейтенанта и сказала: «Не верьте Вы этой советской лжи и пропаганде». Так мы впервые познакомились с ложью и обманом со стороны советского государства.

Грозовые тучи Второй мировой войны приближались все ближе к Западной Беларуси. Это чувствовало и гражданское население и, особенно, военные, которые все чаще вызывались посыльными «по тревоге» в расположение воинской части. Вначале это были учебные тревоги, а накануне 22 июня 1941 года по боевой тревоге все воинские части направились в сторону Бреста на Запад. По-разному вели себя с начала войны, квартировавшие у татар военные офицеры. Так, лейтенант Романов через месяц-два после начала войны после боевой стычки с немецко-фашистскими войсками возвращался лесными тропами на Восток и вечерними сумерками из леса зашел к нам, встретился с отцом и попросил кратковременного ночлега в гумне²⁵. На оборудованной лежанке среди стога сена он прожил более одной недели, незаметно для окружающих отец его подкармливал и иногда приводил знакомых ему оставшихся в оккупации сослуживцев. Затем лейтенант переделся во все гражданское, поменял белье, взял кое-что из продуктов и ушел в лес. По дороге он хотел захватить с собой знакомого ему лейтенанта из соседнего дома, однако, получив отказ, ушел в одиночку. Как сообщил нам в письме Романов после войны, он был в партизанах в Пинском районе, после войны некоторое время был секретарем райкома партии, а затем уехал на родину в Россию. Многие из бывших

²⁵ Гумно – большой деревянный сарай, хозпостройка, предназначенная для сушки и обмолота снопов зерна.

военнослужащих офицеров не успели уйти с Красной Армией и остались под немецкой оккупацией, а после освобождения Беларуси в 1944 году все они были осуждены советской властью на 10-15 лет тюрьмы и ссылки на Восток и Север Советского Союза.

Воспоминания о жизни татарского национального меньшинства и его межэтнических связей с окружающими народами в первой половине двадцатого столетия будут неполными, если кратко не рассмотреть его взаимоотношения с польской и еврейской национальными группами, которые в военное время доминировали в Клецке, а затем были безжалостно уничтожены в период немецко-фашистской оккупации. Для материальной поддержки нашей семьи в предвоенное время наши родители в течение ряда лет также сдавали в аренду вторую половину своего деревянного дома площадью около тридцати квадратных метров, мало похожего на современную квартиру с удобствами, но достаточного для проживания нуждающихся, сравнительно бедных людей. Такими оказалась одна еврейская семья по фамилии Ужанские, которая состояла из главы семьи Мовши-Боруха, его жены Баси, трех взрослых дочерей – Ривы, Рохли (Рахиль), Майи – и двух взрослых сыновей Осера и Шолума. Благодаря хорошему воспитанию в этой семье и прекрасной организации ее труда, эта семья мирно, дружно и незаметно для окружающих прожила в нашем доме около пяти лет. Все члены этой семьи успешно занимались своим ремеслом и любимым ими делом: Мовша-Борух был бейгером, т.е. заготовщиком кожаных вытяжек, Осер – портным, Шолум – сапожником, Рива и Рохля – продавцами-лоточницами²⁶, Майя готовилась уезжать (и уехала) в Израиль, Бася была домохозяйкой. Удивительная эта была пролетарская семья – все ее члены были глубоко верующими евреями, четко соблюдали все иудейские²⁷ праздники, обычаи и

²⁶ Человек, занимающийся мелкой розничной торговлей на улице, использующий в качестве витрины открытый прилавок или большой плоский ящик

²⁷ В оригинальном тексте – «еврейские».

традиции. Все они уважительно и доброжелательно относились к хозяевам дома, соседям и всем окружающим людям других национальностей. Во избежание вредных запахов, обработку и вытяжку кож с применением химикатов Мовша-Борух проводил только сезонно на открытом воздухе; когда Бася проводила кошер всей домашней посуды²⁸, то никому, особенно лицам нееврейской национальности, не разрешалось входить в квартиру. В тесной квартирке соблюдались чистота и порядок, не было никаких пьянок, гуляний и скандалов на бытовой почве. Все дети были молодого возраста, но в таких условиях проживания, к сожалению, они не могли жениться и обзаводиться новыми семьями. Им чужды были мелкие частнособственнические пороки и чувство зависти, по-видимому, психический склад этой еврейской семьи формировался в первую очередь под влиянием религиозного и семейного воспитания, а также в соответствии с обычаями, привычками, жизненными порядками, воспринимаемыми от старших поколений и окружающей среды.

С диаметрально противоположным характером оказалась семья Ивановых, поселившаяся на этой квартире вскоре после убывшей в другой город семьи Ужанских. Это была чисто пролетарская советская семья, состоящая из отца, матери, взрослых сына, дочери и маленького ребенка. Они несколько раз переходили польско-советскую границу в ту и обратную сторону, так как из-за слабой материальной и духовной устойчивости эта семья плохо воспринимала реалии советского общества, но и не находила жизненной основы в буржуазной Польше. Большую часть жизни эта семья прожила в Советском Союзе, поэтому была воспитана в духе советской идеологии, ей чужды были семейные обычаи, национальные традиции и нравы. По профессии хозяин этой семьи был на все руки мастер («многостаночник»). Он неплохо знал столярное дело, умел плотничать, сапожничать, самодельно изготавливал и успешно реализовывал на рынке бритвы для бритья, простейшие музыкальные инструменты – мандолины, скрипки, мандолы и др. В этой небольшой квартирке

²⁸ Имеется в виду ритуальное очищение посуды.

вскоре появилось пополнение – сын женился, а дочь вышла замуж за сержанта Красной Армии, вскоре у них родились дети. В общем, жизнь этой семьи была яркой противоположностью прежней еврейской семье и сопровождалась непрерывными скандалами и пьянками, а окончательное выселение ее с квартиры происходило с помощью милиции.

Количество евреев в городе Клецке в то довоенное время было преобладающим, их было 70%, и особенно выросло в первые дни после нападения фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Клецк, как и другие города приграничной зоны, был последним, где останавливались еврей-беженцы из Польши, так как дальше на восток им ехать запрещалось из-за опасности совместного проникновения в Советский Союз польских шпионов, а также из-за языкового барьера. В Клецке и Несвиже в то время были ткацкие фабрики, которые были особенно притягательны для беженцев из таких городов с развитой текстильной промышленностью, как Лодзь, Белосток и др., поэтому перед началом Великой Отечественной войны евреев в Клецке было даже за 80%. При таком большом количестве евреев в городе жизнь остального нееврейского населения была тесно с ним переплетена во всех сферах их жизни. Это в первую очередь касалось торговли, когда в городе буквально все магазины и торговые точки были еврейскими, и только перед началом войны где-то в 1938 году был открыт единственный продуктово-хозяйственный магазин белорусско-польской кооперации. Поэтому все хозяйственное и материальное обеспечение населения, также, как и все сделки купли-продажи движимого и недвижимого имущества проходили в тесных контактах с евреями-продавцами, посредниками и маклерами²⁹. Только еженедельные базары наполнялись сельским белорусским народом, однако в центре

²⁹ Торговый посредник. Как правило, маклер занимается посредничеством при покупке и продаже товаров, услуг, страховании, способствует заключению сделок купли-продажи путём сведения партнёров. Получает вознаграждение, как правило, от каждой из сторон, участвующих в сделке, в зависимости от суммы сделки. – Прим.ред.

проходивших там торговых сделок также были евреи. Учеба в повсехной школе, хотя и велась на польском языке, но при бесплатном и свободном обучении наполнялась более чем наполовину еврейскими детьми, которые между собой контактировали на языке идиш³⁰. Лучшие мастерские, также, как и лучшие ремесленники в городе были еврейскими, поэтому неудивительно, что окружающий их белорусский, польский и татарский народы принимали все это как нормальное явление. Среди евреев идиш был широко распространенным, и многие люди, контактирующие с евреями, частично знали и понимали этот язык. Со стороны польских властей не чувствовалось особого притеснения не-поляков, кроме принудительного распространения польского языка в школах, в учреждениях, а также негласного ограничения лицам еврейской национальности поступать на государственную службу и в средние и высшие учебные заведения.

После освобождения 17 сентября 1939 года Западной Беларуси советскими войсками жизнь в городе существенно изменилась: частная собственность была ликвидирована, частные еврейские магазины с изобилием товаров исчезли и появились государственные советские с весьма ограниченным ассортиментом товаров. Межэтнические взаимоотношения людей при этом мало чем отличались от прежних довоенных. Татары продолжали заниматься переработкой кож в новообразованных артелях, работали в огородничестве и сельском хозяйстве, которые еще оставались частными, а еврей-ремесленники продолжали заниматься своим ремеслом и, в меньшей степени, торговлей. Приближалась Великая Отечественная война, которая по

³⁰ Идиш (дословно: «еврейский») – еврейский язык германской группы, основной язык ашкеназов, в начале XX века на нем говорило около 11 млн евреев по всему миру. Возник в Центральной и Восточной Европе в X–XIV веках на основе средневерхненемецких диалектов с обширными заимствованиями из древнееврейского и арамейского (до 15-20 % лексики) и (в восточной ветви) славянских (в диалектах достигает 15 %) языков, а позднее – и из современного немецкого языка. Слово *идиш* для обозначения отдельного языка стало широко использоваться только в XIX веке. – Прим.ред.

ограниченной тогда информации должна была начаться между Германией и Советским Союзом. Газет тогда было мало, они были малодоступны, радиоприемники были только у зажиточных людей, а единственный громкоговоритель был установлен только на центральной площади города, который сообщал последние известия в 23 часа 30 минут ночи, слушать которые собиралось немало заинтересованных людей. Эвакуировавшиеся из Польши евреи, а тем более местные, ничего не знали и не предполагали о возможном геноциде, который задумал для них Гитлер. Об этом, как видно из прессы в настоящее время, не знали даже евреи, проживавшие в центре Германии, поэтому после начала войны и выступления Молотова 22 июня 1941 года евреи не впали в панику и не бросились выезжать из Клецка дальше на восток³¹. Возможно, причиной тому, кроме молниеносности (немцы в Клецке были уже утром 26 июня), было то, что старая польско-советская граница оставалась закрытой и после 17 сентября 1939 года.

Евреи, знавшие идиш³², вместе с людьми других национальностей выходили на центральную площадь и легко вступали в контакты с немецкими солдатами и их офицерами, и на вопросы об отношении к евреям получали вполне благовидные и нормальные ответы, после чего, успокоенные, а некоторые и обрадованные, возвращались к своим семьям. Однако, вскоре за немецкими фронтовыми частями в город прибыла жандармерия, образовавшая в городе комендатуру во главе с немецким комендантом и соответствующей службой, которые начали формировать гражданскую власть. Так как в период оккупации Западной Беларуси немецко-фашистскими войсками гражданскую власть в городе Клецке, также, как и в других городах Западной Беларуси, захватили поляки, т.е. бывшие военные, служащие и т.д. Бургомистром города был назначен пан Хмелевский, начальником полиции – пан Рудек, директором ткацкой фабрики – пан Мушкат, а его заместителем – пан Монджеевский и др. Вся полиция, магистрат и другие учреждения состояли из поляков, а

³¹ В оригинальном тексте – «в Советский Союз». – Прим.ред.

³² Как уже говорилось, идиш родственен немецкому. – Прим. ред.

официальным языком в учреждениях стал польский. Для связи и тесного контакта с еврейским населением города был создан еврейский совет (Юденрат) во главе с местным евреем с высшим образованием Лисером. Оставшиеся в городе евреи продолжали жить дальше в надежде на спокойную мирную жизнь, которая вскоре резко изменилась. Без объявления нового порядка и новых законов в городе, под видом бывших советских служащих и коммунистов начались расстрелы также евреев, особенно при нарушении ими комендантского часа. Созданный Юденрат, по указанию коменданта города, периодически 1-2 раза в месяц собирал с более зажиточных евреев пошлину немцам в виде золотых изделий, денег и других драгоценностей, меха, шубы и др. В первое время евреи это легко делали, а затем им стало нечего давать, и отношения Юденрата с властью ухудшились. Вскоре, где-то осенью 1941 года, немцы провели первую пробу сбора всех евреев на центральной площади города. По команде всем собраться к 9:00 на площади некоторые из них, около 10 человек, спрятались или опоздали выйти на площадь, поэтому их здесь же перед всеми собравшимися евреями немцы расстреляли. Всех остальных распустили по домам с предупреждением о таких же последствиях неявки на площадь. Вскоре в один из осенних дней 1941 года по такому же сценарию, с отправкой евреев колоннами на окраину города, была расстреляна большая часть еврейского населения. Из всех евреев были отобраны только специалисты для работы на некоторых предприятиях, в частности, на ткацкую фабрику г. Клецка. Все остальные евреи были помещены в гетто – специально отведенное место в центре города, огороженное колючей проволокой и охраняемое полицией.

В это время, весной 1942 года мне довелось работать на ткацкой фабрике чернорабочим, что давало возможность обезопасить себя от вывоза на работы в Германию. Тогда на фабрике работало около ста человек, в основном, еврей-специалисты в области прядильного, ткацкого и трикотажного производства. Среди них были крупные специалисты – владельцы фабрик в Лодзи, Белостоке, а также лица с высшим специальным образованием. Вели они себя на фабрике очень мирно и спокойно.

Построенную колонну из гетто в количестве около ста человек привела полиция из двух человек; на груди и спине у каждого еврея были желтые шестиконечные звезды. Весь день они работали свободно без личного наблюдения, и только вечером опять колонна отправлялась в гетто. Часть рабочих нееврейской национальности была приставлена к евреям-специалистам, у которых учились работать на специальных машинах по профессиям ткача, прядильщика, сновальщика и др. При этом евреи, полуголодные, находясь в стрессовом состоянии, относились к окружающим их работникам очень хорошо и доброжелательно, помогая им осваивать эти профессии. В течение дня они свободно могли вступать в контакты с местным населением, поставлявшим на фабрику шерсть, и обменивать у них некоторые товары на продукты питания. Мы, в свою очередь, возвращаясь домой по дороге возле гетто, часто перебрасывали через колючую проволоку некоторые обменные ими продукты (куры и др.). Среди мужчин-евреев, которых было меньше, чем женщин, не было попыток к сопротивлению немцам и полиции, к вредительству на фабрике, а также к бегству из гетто к тогда еще малоизвестным партизанам.

Однако период такого сосуществования немцев с гражданским населением, в том числе с евреями, продолжался недолго. Уже весной 1942 года буквально в одну ночь в Клецке, как и во всей Западной Беларуси, поменялась гражданская власть – все польские руководители, представители и активисты власти в городе были арестованы, вывезены в концлагерь Колдычево (возле города Барановичи) и там расстреляны. Вместо них все руководство городом, по согласованию со столицей Беларуси Минском, перешло в руки белорусов, а официальным государственным языком стал белорусский. Директором фабрики стал белорус Немера, хотя общее руководство двумя ткацкими фабриками (в Клецке и Несвиже) принадлежало немцу. Дисциплина и порядки на фабрике и в городе ужесточились, фабрика стала выпускать валенки для фронта, которые делали советские военнопленные. Они вскоре подожгли фабрику, которая сгорела, а вскоре было сожжено гетто и расстреляны все евреи.

Религия и этнические процессы

Известно, что любой этнической общности людей свойственны свои этнические процессы, в которых она нормально может развиваться в сообществе с другими этническими общностями. Этнические процессы, касающиеся жизни белорусско-польских татар, непрерывности развития и изменения их во времени обусловлены социально-экономическими факторами и природными условиями проживания, которые влияли на их хозяйственную деятельность, на динамику развития, на материальную и духовную культуру, а также на развитие внутри- и межэтнических контактов. Изменения в этносе часто сопровождаются изменением в национальной принадлежности людей или их национального самосознания. Они развиваются под влиянием многих факторов: экономические факторы обуславливают взаимодействие в области культуры, быта, языка; территориально-миграционные влияют на размещение и перемещение отдельных групп людей и на плотность их расселения; государственно-политические обеспечивают правовые основы жизни и единство этноса; демографические факторы влияют на изменение численности этноса, а также на степень близости в языковом, культурно-бытовом и психологическом отношениях.

В результате отрыва татар от своей родины и нарушения целостности этнической территории уже в те далекие времена происходило дисперсное разобщение их среди белорусского, русского, польского и литовского народов. Начали создаваться благоприятные условия для последующего территориального смешения вследствие миграции между районами и городами, и для образования межнациональных смешанных браков. Все это привело к потере родного языка и приобретению фамилий, созвучных белорусским и польским, и к началу поглощения их этими народами, или к этнической их ассимиляции. Процессы этнической ассимиляции более типичны для экономически развитых стран, где основная масса населения уже сложилась в

нации и имеет четкое национальное самосознание, а живущие среди этих наций другие национальные группы немногочисленны и зачастую менее развиты в социально-экономическом и культурном отношении. При этом в развитых странах более быстрыми темпами проходили урбанизация, внешняя и внутренняя миграция, что не могло не оказывать своего влияния на ускорение ассимиляционных процессов. Ассимиляция в 20-м столетии охватила разные группы населения; национальные меньшинства, мигранты и другие группы.

К началу 20-го столетия белорусско-польские татары пришли без знания своего языка, но сохранили свое этническое самосознание, которое включало сознание принадлежности к татарскому народу и исламскому миру, сознание общности исторических судеб, происхождения, татарских обычаев и нравов, генеалогических корней и связи с религией. На протяжении 15-19 столетий естественные ассимиляционные процессы среди белорусско-польских татар проявляли себя медленно, благодаря чему они сохранили на такое длительное время основные элементы этнической культуры, религии и быта. Этот период отличался низкой миграцией татар из своих поселений в другие города и страны, большей консервативностью их жизни, особенно сельского населения, высокой рождаемостью, а также малой интенсивностью межэтнических контактов. Известно, что в более крупных городах идет интенсивный межэтнический и культурный обмен, поэтому хранительницей традиционной культуры, как правило, являлись деревня и малые города. В 20-м столетии началось переселение татар в более крупные экономические и культурные центры, в которых более интенсивно шло их расселение, что вело к активизации ассимиляционных процессов и, в частности, к появлению межнациональных браков, крайне редких в 19-м веке. Наблюдавшееся при этом снижение уровня естественного прироста, а также увеличение миграции, при малом абсолютном числе татар, оказывали существенное влияние на динамику численности татарского населения. Правда, некоторая часть татар в те прошлые времена, вступая в соприкосновение с окружающими их народами, утрачивала свои национальные

особенности в области культуры и быта, усваивала культуру окружающих их народов, воспринимала их язык и переставала считать себя принадлежащими к татарской общности, теряя свое национальное самосознание. Возможно, это одна из причин того, что численность татар медленно сокращалась – с 20-40 тыс. в 17-м веке до 8-10 тыс. в начале 20-го века. Продолжало сокращаться это количество и в 20-м веке, хотя общее количество верников Ислама только в Беларуси к концу 20-го столетия достигало 30 тыс. человек. Это произошло за счет интенсивной послевоенной миграции и поселения на Беларуси представителей многих тюркских народов Сибири, Урала, Поволжья, Крыма, Кавказа, Башкирии, Казахстана, Азербайджана и многих других регионов, знающих родные языки и не являющихся потомками белорусско-польских татар.

Для белорусско-польских татар весьма актуальной является проблема малочисленного и непрерывно сокращающегося их количества и катастрофически ускорившегося в 20-м столетии процесса этнической ассимиляции их другими народами, что обусловило снижение их национального самосознания. Две мировые войны, миграция, урбанизация, атеистическая и коммунистическая идеология с последующей ассимиляцией оказали резко отрицательное влияние на количественное и этническое состояние татарских общин к концу XX столетия. Это подтверждается примерами из жизни многих семей Клецкой общины. Так, в 20-х годах XX столетия в семьях наших родителей было по 7-8 детей в каждой, и после создания ими своих семей в Клецкой общине проживало 48 только родных и двоюродных членов нашей большой семьи. К концу XX столетия в результате активного влияния указанных выше ассимиляционных факторов в Клецкой общине их оказалось всего 6-8. Остальные рассеялись по всему миру: наши родные и двоюродные братья и сестры оказались в США, Англии, Австралии, Польше, России, Литве, а также в различных городах Беларуси, а часть из них в сравнительно молодом возрасте умерла от чумы XX века – от пьянства.

Любая этническая общность людей, особенно немногочисленная ее группа, болезненно переживает факт ее сокращения или исчезновения, поэтому рассмотрение некоторых наиболее существенных этнических и социальных факторов, влияющих на эти процессы, представляется нам особо актуальным. До революции 1917 года в России и до 1939 года в Западной Беларуси ассимиляционные процессы среди татар по сравнению с Восточной Беларусью протекали медленно благодаря цементирующему влиянию ислама, сохранявшего в то время устойчивые религиозные связи среди татар и поддерживающей более высокое их национальное самосознание.

Белорусско-польские татары признавали ислам и верили в Единого Бога – Аллаха, верили в Его посланника Мухаммада, признавали и других пророков, бывших до него, верили в Ад и Рай, в сотворение Аллахом мира, человека и животных, в воскрешение мертвых, в день Страшного суда и т.д. Они считали, что души умерших нуждаются в попечении и заботе со стороны живых и близких родственников, поэтому по четвергам, пятницам и мусульманским праздникам рекомендовалось читать молитвы по умершим. Ислам обязывает совершать ежедневно пятикратную молитву (намаз), соблюдать пост в месяц Рамазан, уплачивать ежегодный налог (закят), делать жертвоприношения на праздник Курбан-байрам и др. Многие сферы материальной и духовной жизни татар регламентировались шариатом – сводом религиозных, бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на Коране. Осуществление основных обрядов в личной жизни татар – азана при рождении, никяха, похорон (джаназа), проведение праздничных молитв и поста, регламентация пищи и др. способствовали тому, что религия глубоко проникала в быт и сознание татар и усиливала культурно-бытовые отличия их от других народов.

В Западной Беларуси перед Второй мировой войной было около 20 действующих мечетей. Мечетями руководили по татарскому обычаю имамы-муллы, а помощниками их были

муэдзины-годжий³³. Татарские общины и другие религиозные организации в первые два десятилетия века находились в подчинении Крымского (Таврического) муфтията, а в период буржуазной Польши – Виленского муфтията. В то время единая религия ислама служила не только этническим признаком, но и выполняла важные функции общения и объединения татар в единое целое, способствовала сближению различных татарских общин в других городах Беларуси, Польши, Литвы.

По мере роста экономических, социальных и политических преобразований, культуры и образования, а также развития научно-технического прогресса во всех государствах центральной Европы в начале XX века начал происходить частичный отход от религии, в том числе и от ислама. Темпы этого процесса были различными в странах с разными социально-экономическими системами. Влияние религии падало и в развитых капиталистических странах Европы и Америки, хотя там религия продолжала оказывать большое влияние на все стороны жизни людей, на их быт и культуру. Однако наибольшее падение влияния религии шло в новообразованных социалистических странах, и в первую очередь в Советском Союзе, где в первые годы советской власти сначала в Восточной Беларуси, а затем – и в Западной, подавляющая часть населения порвала с религией. Наиболее жестокий удар по исламу, как и по другим религиям, был нанесен после октябрьского переворота 1917 года, когда советская власть разрушила церкви, костелы, синагоги, мечети, уничтожила руководителей религиозных организаций, а глумление над религиозными чувствами верующих было возведено в ранг государственной политики.

С приходом в октябре 1917 года к власти большевиков положение татар в обществе резко изменилось. Началась конфронтация государства и церкви, вызванная тезисом Маркса «Религия есть опиум для народа», был принят декрет «Об

³³ Муэдзин – призывающий на молитву, годжий – учитель религии (см. сноску на с. 31). В целом эту должность можно охарактеризовать как помощник или заместитель имама.

отделении церкви от государства и школы от церкви». Эти аспекты определяли правовые нормы взаимоотношений государства и церкви, при которых государство не должно было вмешиваться в деятельность религиозных организаций. Но на самом деле проводилась совсем другая политика. Печать пестрела громкими разоблачениями «попов и других служителей культа», в первую очередь это коснулось более крупных конфессий – православной, католической, протестантской и иудейской. Тем не менее, в 1936 году была закрыта мечеть в Минске и в других местах компактного проживания татар в Восточной Беларуси – в Смилевичах, Копыле, Узде. Варварски вели себя представители советской власти и с мизарами (мусульманскими кладбищами), используя земельные участки и надмогильные памятники на самые различные нужды, оскорбляя тем самым национальные и религиозные чувства белорусских татар. Для антирелигиозной работы в школах и домах культуры были созданы «союзы воинствующих безбожников», штатных инструкторов-антирелигиозников и т.д. Советский Союз был первой в мире страной массового атеизма, где право атеистической пропаганды и безбожия было закреплено в конституции. Религия была провозглашена несовместимой с коммунистической идеологией, поэтому атеистическое воспитание проводилось в детских садах, школах, в средних и высших учебных заведениях и т.д. Антирелигиозное воздействие на разум, чувства и настроение людей оказывалось путем лекций и печатной пропаганды, художественной литературы, радио, кино, а также внедрением гражданской обрядности, вытесняющей религию из быта различных категорий населения с учетом уровня образования, возраста, пола и др.

После присоединения в 1939 году Западной Беларуси к БССР, на эту территорию также была распространена политика уничтожения религиозного сознания в жизни народа. Но здесь религиозные конфессии были еще в хорошем организационном состоянии, поэтому власти за короткий срок 1939-1941 гг. добиться значительных сдвигов в атеизации общества не смогли. В общем же, революция 1917 года с последующим 75-летним

периодом правления коммунистического режима привели к радикальному снижению этнической устойчивости и этнического самосознания белорусско-польских татар, к уничтожению религии и других национально-культурных атрибутов нации и создали условия для насильственной этнической ассимиляции татар. Это произошло из-за насильственного утверждения атеистического мировоззрения в сознание татар и резкого ослабления религиозного влияния на все этнические процессы.

Мечеть в Осмолово (фото)

В первые месяцы после окончания Второй мировой войны в населенных пунктах Беларуси существовало 13 мусульманских общин, 4 из которых прошли регистрацию. Однако местные власти

прилагали все усилия для свертывания деятельности этих общин, тем более что во многих из них во время войны были разрушены или сгорели мечети. Поэтому многие татары в 1945-1956 гг. вместе с эмигрировавшими поляками выехали в Польшу. Так, после отъезда в Польшу имама Люта Мухли была закрыта мечеть в деревне Некрашунцы Радуньского района, в которую кроме татар Некрашунцев ходили татары деревень Сандыковщизна, Пески, Василишки. Ссылаясь на то, что многие члены мусульманской общины г. Новогрудка выехали в Польшу, областные власти своим решением в 1948 году ликвидировали общину. В 1949 году была ликвидирована община в Минске, а в начале 60-х годов – и мечеть. Продолжали действовать только две зарегистрированные общины – одна в деревне Муравщизна (в настоящее время это город Ивье), и вторая в деревне Осмолово Несвижского района. Последняя была ликвидирована в начале 60-х годов XX столетия, а мечеть отдана под склад и впоследствии разобрана. Таким образом, советский период крайне негативно отразился на татарских общинах Беларуси, не дав им нормально существовать как в социальной, так и в религиозной сферах.

Мечеть в Осолово (фото до 1939 г.)

Однако полного атеизма все же достичь не удалось – исламская религия и связанные с ней обряды (рождение, вступление в брак, похороны и др.) глубоко вошли в быт татар, прежде всего людей старшего поколения и жителей сельской местности и малых местечек. Они продолжали сохраняться и сохраняются до сих пор даже у людей, считавших себя атеистами. Вместо официальных имамов и муэдзинов сохранялись домашние муллы, которыми становились люди, умеющие читать молитвы и знающие Коран, и которые втайне от государственной власти совершали обряды на дому у верующих. Также на дому знатоки Корана и арабского языка обучали детей религии по-арабски и, таким образом, происходило негласное распространение и сохранение мусульманской религии, которая в дореволюционное и довоенное время оказывала определяющее влияние на ход этнических процессов среди татарского населения.

О состоянии религии ислама в 20-м столетии на территории Польши и Беларуси можно судить на примере татарской общины Клецкого региона, которая мало чем отличалась от других общин этого края. Исторических сведений о существовании мечети в Клецке в более раннее время поселения татар, к сожалению, нет. Известно лишь, что во второй половине 19-го века проживающие здесь татары были приписаны к татарской общине и мечети в деревне Осмолово. Всего в 1880 г. туда было приписано более 160 домовладельцев и глав семейств верующих мусульман с Осмолово, Орды, Иваново, Копыля и Клецка. Имамом мечети был **Якуб Якубовский**, а затем стал **Амурат Смольский**. Однако уже в конце 1881 года мусульмане Клецка построили у себя мечеть и обратились в Минское губернское Управление и Таврическое духовное управление об утверждении самостоятельной клецкой общины. И только в марте 1884 года после обращения татар в Министерство внутренних дел Российской державы было получено разрешение за подписью императора Александра III на открытие Клецкой мечети и отдельно при ней религиозной общины.

Первым имамом клецкой общины, начиная с 1886 года в течение более 50-ти лет **Якуб Мустафович Жданович** (1864-1942). Поскольку в момент его избрания имамом в 1886 году он был холостым, а имамом мог быть только женатый мусульманин³⁴, то в том же году он женился на татарке из Клецка Аминь Адамовне Александрович. Основным средством существования этой семьи, кроме небольших доходов от исполнения религиозных обрядов, было огородничество и гарбарство. В начале 90-х годов у них родились два сына, а затем до 1916 года родилось еще 7 дочерей. В этом же году его жена Аминя скоропостижно скончалась, и эту большую семью растил и воспитывал сам Якуб Жданович. И только после выхода замуж последней дочери он, оставшись в одиночестве, вторично женился на татарке из

³⁴ По мнению автора данного труда. В шариате же нет принципиального условия для имама быть женатым. Однако интересен сам факт такой народной интерпретации шариатских норм. – Прим. ред.

Осмолово Лиме Ясинской. В 1926 году после избрания муфтием Польши Якуба Шинкевича и посещения им клецкой общины, Я. Ждановичу как имаму было определено государственное пособие в размере 220 злотых в квартал. Он исправно исполнял свои обязанности: отправлял молебны³⁵ в мечети, джума-намазы, во время месяца Рамазан вечерние и ночные намазы, осуществлял регистрацию браков, рождения и смерти не только в общине Клецка, но также в общинах Копыля, Орды, Осмолова и др. Наряду с православным, католическим и иудейским священнослужителями он регулярно посещал клецкую школу, где детям мусульман давал уроки по исламской религии и истории ислама. При этом как в общении с окружающими его людьми, так и в быту он был образцом в соблюдении моральных и гражданских норм жизни, пользовался большим уважением и авторитетом. В 1930-м году во время посещения Несвижского района маршалом Польши Юзефом Пилсудским имам клецкой мечети Я. Жданович побывал у него на аудиенции, где подробно побеседовал с ним о материальной, духовной и религиозной жизни татар клецкой общины. При активном участии Я. Ждановича и материальной помощи муфтията и татар, проживающих за рубежом и в Клецке, особенно Хасеня Ибрагимовича Якубовского и других, в 30-х годах XX столетия в Клецкой мечети был сделан капитальный ремонт – сделана обшивка здания мечети вагонкой и окраска ее в зеленый цвет, крыша была покрыта белой жстью, изготовлен и установлен позолоченный полумесяц, пол был покрыт коврами дорожками и др. Все это было большой гордостью и радостью для проживающих в Клецке татар и способствовало повышению их национального самосознания.

³⁵ Автор часто использует именно это название для исламских богослужений. – Прим. ред.

Клецкая мечеть (фото межвоенного времени)

В 1937 году по состоянию здоровья Я. Жданович был освобожден муфтиятом Польши от занимаемой им должности имама Клецкой мечети, и на его место общим собранием домовладельцев и глав семейств татарской общины был избран **Мустафа Иосифович Александрович** (1895-1978). М. Александрович был глубоко верующим мусульманином, отличался врожденным уравновешенным характером, рассудительным умом, тактом и сообразительностью. С детства добросовестно относился к изучению исламской религии, Корана, к исполнению мусульманских обрядов, благодаря чему он в 30-летнем возрасте, не имея религиозного образования, в совершенстве овладел знаниями и навыками для исполнения должности имама, и уже в середине 30-х годов муфтиятом был рекомендован на должность имама мечети в д. Некрашунцы Лидского района. Там он провел джума-намаз, встретился с татарской общественностью этого региона, однако переезд туда не состоялся в связи с тем, что в 1937 г. он был избран имамом Клецкой мечети. Его жена Айша Алеевна происходила из дворянского рода Александровичей, в 1917-1919 гг. была в эмиграции в Оренбурге, где работала кассиром в универмаге. После окончания Первой мировой войны и перехода Западной Беларуси к Польше она, несмотря на уговоры (директор универмага, башкирский татарин, предлагал ей выйти за него замуж) и, испугавшись бытовавшего там многоженства³⁶, возвратилась в Клецк. Она также была глубоко верующей мусульманкой и одной из немногих женщин клецкой общины, которая за свою жизнь во время месяцев Рамазана прочитала двадцать один раз Священный Коран.

В период Второй мировой войны и в последующее время М. Александрович продолжал оставаться имамом и в течение 16 лет добросовестно исполнял свои обязанности. Следует отметить, что военные и послевоенные годы для имама были очень тяжелыми. Это было время, когда Беларусь стала страной массового атеизма, а право бороться с религией было закреплено в конституции.

³⁶ Непривычного для местных мусульман. – Прим. ред.

Однако религия сохранялась в быту даже у атеистов в вопросе выполнении мусульманских традиций и обрядов – азана, никяха и джаназа (похорон). Особенно тревожно в этот период была начавшаяся после 1939 года депортация невинных людей на Север и в Сибирь, среди которых были не в последнюю очередь священнослужители различных конфессий. В таких условиях имам и его семья жили как на пороховой бочке, а моральное состояние их было подавленным. Тревожными были и времена немецкой оккупации, когда имаму приходилось часто совершать обряды похорон на татарском мизаре в Осмолово, расположенном в местах базирования партизан. После 1944 года, когда сгорела Клецкая мечеть, молитвы верующих мусульман совершались на мизаре в Осмолово. В послевоенное время советское государство и его соответствующие органы продолжали проявлять к клецкой общине верующих и ее имаму особую бдительность, подозрительность, за общиной велось непрерывное наблюдение. Все эти годы, особенно 50-70-е, отличались активным наступлением коммунистической идеологии на религию, на верующих и на священнослужителей. Чем заслуживала такое внимание клецкая община и ее имамы? Вся община насчитывала тогда не более двух сотен человек или 30-35 семей. Все они были обычными тружениками сельского хозяйства и гарбарства, большинство из них не имело даже начального образования, никто не знал татарского языка и перевода Корана с арабского языка. У них не было своей интеллигенции и элиты, политикой никогда не занимались, в партиях, движениях и акциях участия не принимали. На молитву в мечеть (до 1944 г.) и на мизар в Осмолово собиралось не более 10-15 мужчин и 20-30 женщин старшего и преклонного возраста. Таким же тружеником-крестьянином был и их имам, отличавшийся только тем, что умел читать Коран по-арабски, не понимая его содержания, и совершать принятые у мусульман молитвы и обряды. Представляла ли такая микродиаспора татар какую-либо опасность для государства? Для бывшей царской России – никакой, для Польши – никакой, представители этих властей не обращали никакого внимания на эту общину: живут – пусть живут, работают – пусть работают, налоги платят – пусть платят, молятся в своей маленькой мечети

величиной в двухэтажный деревянный домик – пусть молятся. А вот советскую власть они настораживали так, как будто это большая община с мечетью и имамом при ней, которая в любой момент может выступить против советской власти. Внимание к этой небольшой группе верующих со стороны власти проявлялось такое же, какое проявлялось в мире к папе римскому или патриарху всея Руси, за которыми стояли многомиллионные массы католиков и православных. Все действия татар находились под бдительным наблюдением Уполномоченных Совета по делам религий, существовавших в каждой области и районе, которые докладывали в вышестоящие органы буквально обо всем: о прохождении мусульманских праздников, о жертвоприношении на празднике Курбан-Байрам, не производится ли массовый убой скота, в том числе колхозно-совхозного, освобождаются ли мусульмане от работы в праздничные дни, о числе верующих и особенно молодежи, об отлучке имама за пределы зарегистрированной общины для совершения обрядов (азанить ребёнка, проводить похороны, никяхи), о молитвах в частных квартирах, о налогообложении пожертвований для имама и т.д. и т.п. В таких условиях М. Александрович старался сохранить верность убеждениям, честность и бескорыстие, спокойный и трезвый взгляд на окружающие его события, однако соблюдать общепринятые нормы морали становилось все труднее, и имамам часто приходилось вместе со всеми терпеть фальшь, молчать и одобрять то, что одобрять не следовало бы. Такая обстановка отражалась на его семье, в которой, в частности, возникали трудности с поступлением детей на учебу и на работу, поэтому в 1953 году М. Александрович решил сложить с себя полномочия имама, и общим собранием общины был освобожден от этой должности.

После 1953 года имамы Клецкой общины больше не избирались и не назначались. В этот период молитвы проводились редко, 2-3 раза в год, в основном, в праздники – Рамазан-байрам и Курбан-байрам – и при посещении мизара Осмолово. Иногда в зимнее время молебны проводились на частных квартирах. В этот период число верующих катастрофически стало снижаться как вследствие наступательного действия коммунистической идеологии, так и эмиграции татар за рубеж, выезда молодежи на учебу, начавшейся миграции людей в крупные города и т.д. Из мусульманских обрядов проводились только похороны умерших. Обряды имянаречения и бракосочетания чаще велись по гражданскому советскому законодательству. Редкие случаи проведения обрядов могли совершать многие мусульмане общины, некоторые из них были в разное время годжиями, часто для этих целей по инициативе родственников умершего приглашались имамы из других татарских общин.

Якуб Иосифович Александрович –
Имам Клецкой мечети в
50-е годы 20-го ст. а
также Муэдзин и Годжий

Согласия на избрание имамом в то время никто не давал. Так, в период с 1953 по 1958 гг. неоднократно молитвы отправлял брат бывшего имама **Якуб Иосифович Александрович** (1904-1958). Он был истинно верующим мусульманином, хорошо знал арабскую грамоту и Коран, много лет был годжием и муэдзином в Клецкой мечети, был честным и добросовестным человеком, и по просьбе верующих мусульман часто совершал религиозные обряды.

Бекир Амуратович Александрович —

Имам Клецкой мечети в
60-е годы 20-го ст.

После скоропостижной его смерти с 1958 г. эти обязанности по просьбе мусульман часто исполнял **Бекир Амуратович Александрович** (1892-1976). Он был справедливым, добросовестным и уважаемым мусульманином, хорошо знал Коран и умел исполнять мусульманские обряды и молитвы. После его смерти с 1976 г. эти обязанности до сегодняшнего дня³⁷ успешно исполняет внук первого имама Клецкой мечети **Якуб Ибрагимович Жданович**. Он является старожилом Клецкой татарской общины, уже более 30-ти лет исполняет обязанности

имама, добросовестно продолжая дело своего деда. После демобилизации из армии он некоторое время работал в различных культурных организациях города Клецка, а после ухода на пенсию по просьбе верующих стал имамом, проявляя при этом высокое национальное самосознание, преданность мусульманской религии и сохраняя спокойствие, взвешенность и рассудительность к членам общины и почтение к представителям государственной власти.

Рассматривая значение религии в жизни белорусско-польских татар, следует с благодарностью отметить большую и очень важную работу, которую выполняли первые помощники имамов татарских общин – годжии и муэдзины при мечетях. Они создавали и возглавляли работу татарских религиозных школ при мечетях, которые посещали татарские дети мужского и женского пола в возрасте от 5 до 15 лет. В этих школах дети изучали основы

³⁷ См. сноску на с. 6.

исламской религии, осваивали технику и практику чтения Корана на арабском языке, навыки исполнения мусульманских молитв, практику участия в соборных молитвах, в том числе хорового чтения нараспев и т.д. При малой общей грамотности татар религия через мечети и религиозные «школки» при них, возглавляемые годжиями, играла большую роль в распространении грамотности среди местного населения и являлась средством для их нравственного воспитания. В клецкой общине в XX столетии особенно отличались плодотворной работой на этом посту два годжия – это **Яхья Байрашевский** в период с 1925 по 1938 гг. и **Якуб Александрович** – с 1938 по 1955 гг. Об их большом вкладе в обучение татарских детей в те предвоенные годы свидетельствуют факты всей последующей жизни бывших многих выпускников этой татарской школки. Так, обучение в этой школе успешно прошли: имам клецкой общины **Якуб Жданович**, имам нью-йоркской общины (США) **Адам Александрович**, имам татарской общины в г. Белостоке (Польша) **Якуб Абрамович**, муфтий мусульманского объединения в Беларуси в период с 1994 по 2005 годы **Измаил Александрович**, имам общины в г.п. Ляховичи и Гомеле **Исмаил Воронович**, имам общины в г. Слониме **Хасан Жданович** и многие, многие другие.

Семья Абрамовичей
перед мечетью в Клец-
ке (июль 2000 г.):
слева направо Исмаил
Александрович, Муста-
фа Абрамович (Англия),
Софья Абрамович (Узда),
Айша Абрамович (Клецк),
Фарида (сестра жены
М. Абрамовича, Англия),
Аминя и Хасень Абра-
мовичи (Клецк).

Губительное влияние коммунистической идеологии на религию белорусско-польских татар в XX в. привело к ускорению процесса их ассимиляции. На этот процесс большое влияние оказали две мировые войны, которые привели к миграции и расселению людей, территориальному разделению белорусско-польских татар по отдельным странам с образованием границ между ними. В результате этого в каждом из государств сократилось и без того малое количество локально проживающих татар, что привело к нарушению территориального единства и усилению у них ассимиляционных процессов. Значительно возросло их дисперсное расселение в результате развившихся в послевоенное время процессов урбанизации, которая началась в связи с освоением природных ресурсов, строительством крупных промышленных предприятий и развитием научно-технического прогресса. Это привело к бурному росту городов и миграции в них сельского населения.

В крупных городах, где сконцентрирована основная масса предприятий, учебных заведений, учреждений культуры, материальное состояние людей было более высоким, чем в сельской местности. Там были лучше условия труда, медицинского

обслуживания и санитарной культуры, что способствовало снижению смертности населения. Приток в города большой массы людей различных национальностей, полов и возрастов способствовал изменению демографических показателей населения и резко сказывался в этнических процессах и межнациональных отношениях. Город представлял благоприятную сферу для развития межэтнических контактов, чему способствовали хорошо развитые средства связи, печать, литература, музеи, театры, а также совместная трудовая деятельность мигрантов, учеба, проведение досуга, отсутствие языкового барьера и т.д.

Миграция в XX веке коснулась и белорусских татар, часть из которых стала выезжать не только в города Беларуси и Польши, но и другие регионы – в Россию, Москву, США, Аргентину и другие страны, так как из-за бедности и бесперспективности продолжать жить в такой замкнутой патриархальной обстановке было невозможно. Выход был в поисках путей для получения образования, в межнациональных контактах и приобщению к интернациональным техническим и духовным ценностям. В составе мигрантов было много татарской молодежи, которая, свободно владея языком межнационального общения, в большей мере, чем старшее поколение, стало ориентироваться на интернациональные формы культуры, быта и легче вступала в контакт с людьми других национальностей, в том числе с образованием смешанных в национальном отношении браков. Так началось снижение национального самосознания татар, а вместе с ними и изменение их этнического состава.

Процесс миграции способствовал усилению дисперсного расселения татар в городах, и в силу крайней их малочисленности влиял на численность татарского населения, которое в первой половине XX века сократилось в Беларуси до 6-8 тыс. Большинство татарских общин довоенной Польши оказались на территории Советского Союза, а в Польше остались только на Белосточчине. Татары в 1946 г. как репатрианты начали переезжать на присоединенные к Польше немецкие земли, в результате чего там образовались татарские общины в Гданьске,

Гожуве, Тштянке, Пиле, Ольштыне, Щецине, Вроцлаве. Власти Беларуси и Литвы часто ставили препоны и не разрешали выезжать татарам в Польшу, из-за чего многие не и смогли туда уехать, а некоторые, не желая оставлять свое имущество и святые для них места – мечети и мизары, оставались у себя на родине. В то время в Польшу переехало около 2 тыс. татар. Хотя большинство из них и дальше соблюдало традиции ислама, однако многие польские татары, не сопротивляясь ассимиляционным процессам, подошли еще к большему смешению с польским народом, чем в довоенное время.

Во второй половине XX века в результате широкого распространения так называемой городской культуры и ослабления этнических факторов произошла резкая активизация ассимиляционных процессов и, в частности, образования межнациональных браков. Если раньше смешанные браки были очень редки, что было обусловлено однонациональным составом проживающих в диаспоре татар, малой мобильностью населения, а также религиозными барьерами, то в XX столетии, особенно во второй его половине, число межэтнических браков стало резко расти, и к концу столетия стало обычным явлением. В большей степени это касалось людей молодого поколения, на которых большое влияние оказывал уровень образования, насаждающий молодым людям интернациональные чувства. Этому способствовали высокий уровень межнационального общения людей, широкое распространение русского языка, ликвидировавшего барьеры в межнациональных отношениях и др. Образование смешанных семей, как правило, сопровождается изменением бытовой культуры и появлением новых ее форм на базе двух контактирующих групп. При этом определение национальной принадлежности детей от смешанных браков приводит к изменению в пользу одной этнической общности. Смешанные браки, как известно из литературы, ведут к количественному изменению числа национальных меньшинств, вследствие того, что потомки национального меньшинства, особенно его второе и третье поколение, меняют национальное самосознание, утрачивают черты своей национальной культуры,

воспринимаемая национальную культуру отца или матери. То есть этническая ассимиляция предполагает не только утрату национальных черт ассимилированной общностью, но и приобретение ею национальных черт ассимилирующей общности. В условиях советского и постсоветского периодов смешанные браки имели некоторые отличия, так как под влиянием коммунистической идеологии все больше людей становилось неверующими – атеистами. Вступая в брак с таким атеистом (атеисткой), молодой человек не мог принять его веру, так как он (она) были неверующими – атеистами; таким образом смешанные браки в тот период не приводили к переходу или принятию религии жены или мужа, а способствовали дальнейшему ослаблению религиозных и национальных чувств и переходу в разряд неверующих атеистов, каким было большинство населения Советского Союза. В таком этнически переходном состоянии находились многие тысячи и сотни тысяч советских людей, считающихся и не белорусами, и не татарами. Значительная часть народов, проживавших в городах среди преобладающего количества белорусского, русского, польского населения утрачивали свой язык, элементы своей национальной традиционной культуры, и многими узами – родственными, культурными, соседскими были связаны с окружающим их населением.

Имам Клецкой общины Якуб Жданович во время отправления Джума-намаза у себя на квартире с верующими общины (2000г.)

Мустафа Александрович (справа) и М.Шабанович (слева) – имамы Клецкой и Избенской мечетей на съезде мусульман в Уфе (1946г.)

Хасень Александрович (Минск) и Адам Канапатский (Узда) на мизаре в Осмолово 3.06.2001г.)

О духовной культуре и роли семьи в жизни татар

В первой половине XX столетия белорусско-польские татары жили в замкнутых локальных этнических общинах, на которые влияние культуры, также, как и межэтнических взаимоотношений было весьма ограниченным. На людей физического труда в большей мере влияли обывательские предрассудки, под влиянием которых они ориентировались больше на относительно замкнутый быт, общение, главным образом, в кругу семьи, родственников и соседей. Такая среда в большей мере поддерживала заданный обычаями и привычками образ жизни. Одним из источников замкнутости татар в узконациональных ориентациях была национально-культурная ограниченность, обусловленная влиянием устаревших форм традиционной культуры, что сохраняло существовавшие предубеждения у людей старшего поколения и у отсталой части малообразованных татар.

Система народного образования, особенно в сельской местности и в местечках была крайне ограниченной. Существовали лишь начальные общие школы, где учеба велась на малодоступном польском языке. У татар также были религиозные школки при мечетях, обучение в которых велось на труднодоступном арабском языке, в основном, по Священной Книге, Корану. Хотя дети, посещавшие эти школы, умели молиться, читали Коран, а отдельные его выборки даже знали наизусть, однако содержания и перевода Корана они не знали, поэтому исламских норм морали они также не постигали.

С развитием капиталистических отношений в России в начале XX века и в довоенной Польше началось размывание национальной замкнутости и ломка средневековых и феодальных форм духовной культуры. У тех татар, которые жили в основном в сельской местности, пережитки феодализма сохранялись длительное время, прежде всего из-за неграмотности подавляющего большинства татар, а также влияния различных форм культуры, религии и духовенства.

Социальное, экономическое и политическое устройство государства в то время, а также система народного образования мало способствовали культурному и этническому развитию людей. Однако общие черты культуры и быта среди татар Западной Беларуси частично начали распространяться благодаря процессам культурного влияния и близкого общения татар с русским, белорусским и польским народами, а также благодаря просветительской деятельности небольшой части существовавшей тогда татарской интеллигенции. Образ жизни интеллигенции был более интернационален, так как она шире пользовалась достижениями общей культуры, и в ее среде больше были распространены межнациональные семейные и духовные контакты. Благодаря более высокому общему культурному уровню и большей заинтересованности в создании и сохранении национальных духовных ценностей, интеллигенция, как более чувствительная к историческому прошлому нации и к ее культуре, была наиболее активным выразителем национального самосознания татар. Так, для сохранения татар как этнической общности много сделала старая татарская интеллигенция еще в дореволюционное время и в период буржуазной Польши. Благодаря ей еще в начале 20-го столетия в Петербурге был образован «круг академиков польских мусульман», в состав которых входили студенты российских институтов Москвы и Петербурга, происходившие из Виленского края. Они интересовались собственной историей, религиозной и материальной культурой белорусско-польских татар. Еще в 1909 г. под руководством Ольгерда и Леона Кричинских было создано «Литовское мусульманское общество помощи бедным мусульманам», такое же общество в 1913 г. было создано в Варшаве. Эти общества вели серьезную просветительскую работу. После окончания I мировой войны в Варшаве был создан мусульманский центр помощи бедным, такой же центр находился в Вильно, где в 1922 г. была восстановлена религиозная татарская община. Ее задачей была религиозная деятельность, просветительская работа и благотворительность. Ее возглавляли представители интеллигенции Виленско-Трокского края, которые

стремились сделать свой город главным центром жизни польских татар.

Поселения татар в этих краях относятся ко второй половине 17-го века ко времени короля Яна Собесского, который наделил их землей в окрестностях Брестской, Гродненской и Виленской областей, дал им привилегии и относился к ним очень благожелательно. Со временем они начали переселяться в Турцию, в города Гродно, Сокулка, Суховоля, в Россию и даже в США. Как сторонники ислама, они поддерживали связи с исламскими народами, главным образом путем поддержания религиозных традиций и сохранения своей автономии. В более позднее время, оставаясь самостоятельной этнографической группой, польские татары не примкнули к татарам Крыма, Поволжья, не приняли их язык и культуру, оставаясь отдельной польской группой, связанной исключительно с признанием исламской религии и татарским происхождением.

Довоенная татарская интеллигенция в Польше не была пассивной к жизни татарских общин и к окружающим их событиям. Она живо интересовалась историей своего народа, религией, духовной и материальной культурой, вела просветительскую работу среди общин и завязывала между ними контакты, организовывала материальную помощь бедным мусульманам, создавала религиозные парафии и координировала их работу единым муфтиятом в г. Вильнюсе. В первую очередь они обращали внимание на поднятие культурно-общественного развития татар – сельских жителей, для чего организовывали там сельско-огороднические кооперативы, артели по выработке кож, шитью кожухов, проводили дожинки, учебу студентов и т.д.

Среди активных представителей интеллигенции того поколения татар, которая была мотором этнической татарской жизни в довоенной Польше, следует назвать муфтия Польши **Якуба Шинкевича**, его племянников **Али Вороновича** – имама г. Варшавы, и **Эдиге Шинкевича**, возглавлявшего молодежное движение татар; адвоката **Александра Ахматовича**, юристов братьев **Ольгерда и Леона Кричинских**, студентов высших учебных заведений братьев **Полторжицких**, брата и сестру

Амурата и Еву Якубовских (Клецк), **Хусейна Якубовского** (Немежис), майора **Чаинского** (Слоним), **Бориса Халецкого** (Рейжи), **Али Шегидевича** (Барановичи), **Ромуальда Соболевского** (Иваново) и многих других. Они делали очень многое для возрождения и сохранения татарского этнического островка в центре Европы от ассимиляции его другими народами. Однако не суждено было реализоваться их благим замыслам и планам из-за начавшейся в сентябре 1939 г. Второй мировой войны.

В развитии духовной культуры белорусско-польских татар в XX столетии большую роль играли татарские семьи. Они были многодетными так же, как и у всех народов России, особенно у сельских жителей. В исламе, так же, как и в других вероучениях – христианстве, иудаизме, осуждалось прерывание беременности у женщин. Меньше детей было только в семьях интеллигенции, особенно у тех, где жены работали и были заняты на службе. После I мировой войны с распространением атеизма, когда влияние религии на деторождение было подорвано, многодетность сохранялась больше как установившаяся традиция.

Семья и семейные отношения играли важную роль в формировании духовных черт татар и их национального самосознания, которые являлись показателем устойчивости национальных черт татар и их морали, быта и поведения в обществе. Было принято, что в семье человек впервые знакомился с материальной и духовной культурой своего народа, а также узнавал и усваивал материальные традиции, обычаи, обряды, религию и закладывал фундамент национальной культуры. Авторитет семьи и каждого из родителей, независимо от главенства в семье, определялся их личными качествами, личными примерами и жизненным опытом. Особенно образование родителей и их социальное положение существенно влияли на социальный рост членов семьи, на уровень образования детей, на создание смешанных браков, на уровень национального самосознания детей и их будущих семей, и, в целом, на направление этнических процессов. Родственные связи в татарских семьях ограничивались ближайшей родней с отцовской и

материнской сторон, обычно не далее двоюродных братьев и сестер. Семейный этикет у татар предполагал уважительное отношение к старшим людям, а авторитет родителей был достаточно велик, благодаря чему дети в основном к ним прислушивались. Однако со временем взрослые дети в своих личных делах часто поступали по-своему, несмотря на протесты старших родственников. Родители со своей стороны стали считаться с мнением взрослых детей, поэтому существовавшие в семьях традиции под влиянием ряда причин стали постепенно видоизменяться. Но в основном этнические установки, сформировавшиеся в раннем детстве, прочно сохранялись в дальнейшем, а в последующей жизни в процессе учебы и работы они лишь усиливались или изменялись. Об этом свидетельствуют факты из жизни некоторых семей клецкой татарской общины первой половины XX столетия, например, семьи **Якубовских Хасеня и Эмилии**, известной своей политической и общественной деятельностью в Беларуси, Польше и России.

Семья Х. и Э. Якубовских состояла из двух сыновей – Амурата, родившегося в 1914 г. в г. Минске, младшего сына Али, родившегося в 1921 г. в Клецке и дочери Евы, родившейся в 1917 г. в Таганроге, где в то время глава семьи служил на железной дороге. Эта семья большую часть жизни прожила в Клецке, который был их родиной и где находилось их родительское наследство (дом и 5 га земли). Корни этой семьи находились в Минске, где еще до Второй мировой войны жила родная сестра Х. Якубовского Рузя Полторжицкая. Старший сын Рузи перед Второй мировой войной был расстрелян как бывший офицер царской армии, второй сын был осужден на 10 лет и сослан в Среднюю Азию, а третий сын был лейтенантом Красной Армии, и после войны жил в Новогрудке. Семья Х. Якубовского жила в Минске, где он более 20 лет работал на железной дороге, а после окончания I мировой войны семья возвратилась на родину в Клецк. Эмилия Якубовская в девичестве носила фамилию Сафаревич, и ее брат Али в ранге генерала погиб от рук большевиков в Первую мировую войну. Эта семья хороша знала Якуба Шинкевича еще задолго до избрания его муфтием польских татар. Он совместно

учился с Х. Якубовским в царской гимназии, бывал в доме семьи Якубовских, будучи муфтием, посещал Еву Воронович-Якубовскую как жену своего племянника Али Вороновича, имама мечети Варшавы. По рассказам Евы Воронович, в дореволюционное время Я. Шинкевич придерживался левых политических взглядов, поэтому некоторое время жил в Швейцарии, затем в Германии получил ученую степень доктора философии и возвратился в Польшу. Был он в жизни очень скромным человеком, высокообразованным, знал много европейских и восточных языков.

В довоенное время семья Якубовских в Клецке пользовалась большим уважением и авторитетом – Х. Якубовский был депутатом (радным) при магистрате, длительное время работал в банке, был активным членом татарской общины. Это была единственная татарская семья, которая еще в довоенное время продала принадлежащую им по наследству землю, чтобы дать детям высшее образование. Старший их сын Амурат после окончания Виленского политехнического института активно участвовал в восстановлении религиозных общин в довоенной Польше и в просветительской работе среди татар. Вместе с сестрой Евой, студенткой Варшавского университета, он присоединился к молодежной части мусульман г. Вильнюса, и оба вели серьезную культурно-общественную работу среди татар Западной Беларуси. В сентябре 1936 г. в Варшаву после учебы в Каире возвратился будущий имам Варшавской мечети Али Воронович. В Варшаве он встретился с Евой Якубовской, стал ее нареченным, и в августе 1937 г. они поженились.

После начала войны в сентябре 1939 г. Амурат Якубовский совместно с Эдиге Шинкевичем эмигрировали в Турцию, где Амурат под фамилией Якуб-Оглы продолжал держать связь с татарами Польши, Беларуси и Литвы. Впоследствии он неоднократно посещал эти страны и города, в том числе Клецк, где похоронен его отец, и Минск, где встречался с членами муфтията и объединения «Аль-Китаб». В Турции его посещала мать Эмилия (умерла в 1969 г. в Польше), а также сестра Ева и брат Али. Последние годы жизни Амурат прожил в Польше, где умер в 1998

г. и похоронен на мизаре в Варшаве. После эмиграции Амурата в Турцию и ареста Али Вороновича органами НКВД в 1941 году, оставшаяся семья – мать Эмилия, Ева с дочкой Тагирой и брат Али, оставались в Клецке и в период немецкой оккупации. Поэтому после окончания войны во избежание преследования со стороны советской власти они в 1946 г. эмигрировали в Польшу. Ева Воронович вначале проживала в Тштынке, затем в Гожувелькопольском, где успешно работала в административных органах Познанского воеводства. Всю свою последующую после ареста и смерти мужа жизнь Ева Воронович посвятила поискам и выяснению обстоятельств его трагической гибели. В 1996 г. она ознакомилась в Комитете госбезопасности Беларуси с личным делом Али Вороновича, который был реабилитирован посмертно. Находясь уже в преклонном возрасте, Ева до сих пор не потеряла интереса к жизни татар и возрождению ислама в Беларуси. Младший сын семьи Якубовских Али, получив польское образование, постоянно проживает в Польше (Тштынка), всю жизнь проработал на административных работах, и сейчас находится на заслуженном отдыхе. Хотелось бы отметить огромную роль в воспитании и образовании своих детей Эмилии Якубовской. Это была героическая женщина с сильным характером, достойный потомок татарской дореволюционной интеллигенции. В тяжелое время довоенной Польши, также, как и в годы военного лихолетья, она смогла правильно удержать и направить в жизни членов своей семьи. Наряду с получением детьми высшего образования, она способствовала сохранению ими национального самосознания и знанию ими исламской религии. Как в довоенной, так и в военное и послевоенное время при любом посещении г. Клецка ее дети непременно участвовали в молитвах в Клецкой мечети и в совершении других татарских обрядов.

Белорусско-польские татары длительное время жили в условиях рыночной буржуазной и социалистической идеологии. В связи с этим хотелось бы рассказать о традициях и психологических чертах характера некоторых татарских семей, которые складывались в процессе их длительного проживания на стыке двух идеологий – частнособственнической и

коллективистско-социалистической. В 20-х и 30-х годах XX в. в Западной Беларуси распространенной была идеология буржуазного капитализма и частного индивидуализма. Эта идеология, появившаяся в конце 19-го и начале 20-го веков в борьбе с идеологией феодальной вначале была прогрессивной и гуманистической, так как принесла людям раскрепощение от феодальных пут, от личной кабальной зависимости, от уравниловки в сословно-иерархической организации общества. Она провозглашала свободу и независимость личности, ее право на самостоятельную деятельность и определение своей судьбы, а также равные права каждого человека на достижение успеха в жизни. Такое представление о жизни внушалось людям всей практикой буржуазных отношений, всеми институтами общества, средствами массовой информации, школой и другими общественными и политическими организациями.

Экономической основой такого понимания жизни была частная собственность на землю и средства производства, поэтому страсть к личному обогащению была движущей силой развития всего общества. Эта мораль воплощалась в нравах, привычках, суждениях и в чертах характера, которым следовали и пользовались в своей повседневной жизни многие члены общества. Частнособственническая психология являлась причиной многих пороков человека, таких, как зависть, страсть к наживе и деньгам, ложь, жадность. Эти пороки часто подавляли положительные и все другие индивидуальные качества, чувства и стремления человека, в том числе такие, как дружба и любовь, а отношения между людьми часто превращались в деловые денежно-торгашеские. Эта идеология коснулась жизни и поведения татар, в том числе Клецкого региона. Часть из них, особенно представители интеллигенции и владельцы более крупных наделов земли, также активно воспринимали эти буржуазные отношения. Однако большая часть татар оказались не в русле этой капиталистической идеологии, так как она касалась в разной степени различных слоев людей, и, прежде всего, зависела от уровня жизни, сфер занятости и стартовых материальных возможностей каждого человека. Социально-классовое положение татар было весьма

разношерстным – небольшая часть их относилась к интеллигенции, небольшая часть владела крупными земельными наделами, одна треть из них была малоземельной или владела только огородами, а остальные занимались различными подработками. Работа в сельском хозяйстве, огородничестве, гарбарстве не способствовала накоплению татарами капитала для их обогащения и восприятия буржуазной идеологии. Поэтому для большинства из них существовавшие рекламы капитализма были далекими от действительной реальности.

В самых сложных и тяжелых условиях жизни татары верили в себя, проявляли большое трудолюбие и переносили все трудности и невзгоды. У них веками складывались представления о ценности и социальной значимости в жизни труда и достоинстве труженика. Они считали, что только труд и трудовая энергия обеспечат им личный успех, позволят сохраниться на плаву и избавиться от положения наемных рабочих. Главы семейств своим личным примером и положительным отношением к труду воспитывали у детей такие качества, как трудолюбие, проявление доброты, доброжелательности, честности, правдивости, волевых качеств, благодаря чему они становились цельными личностями, у которых слова не расходятся с делом, а их многочисленные семьи растили работающих честных и добрых сыновей и дочерей, которые становились затем опорой в жизни и продолжателями трудовых навыков старшего поколения. Условия жизни, их социальное неравенство способствовали тому, что труд для них стал необходимой потребностью, давая возможность выжить и проявить себя в различных ситуациях. Например, семья наших родителей, состоявшая из шести ее членов – родителей и четырех сыновей, владела тремя гектарами пахотной земли, в то довоенное время также жила в атмосфере частнособственнической психологии в тяжелых условиях. Все члены семьи были трудолюбивы, сами выполняли все сельскохозяйственные и домашние работы, благодаря чему легче переносили житейские трудности и невзгоды. Наши родители старались воспитывать сыновей работающими, честными и добрыми людьми, избегая отрицательных черт характера, присущих частнособственнической

психологии. Семья была опорой нашей жизни, где воспитывались такие черты характера, как уравновешенность, доброжелательность, общительность, что впоследствии положительно сказалось на отношении с людьми, учебе и трудовой деятельности.

Буржуазная психология в большей мере оказывала влияние на более богатых людей, хотя в той или иной мере проникала в быт и поведение других более бедных и материально нуждающихся татарских, белорусских и еврейских семей. Однако на сознание и на привычки к определенному поведению с окружающими различное влияние оказывали семьи, семейное и трудовое воспитание. Часто вступление в брак определялось материальным благосостоянием и тормозилось необеспеченностью жизни молодых, а материальный расчет выступал на первое место и тогда брак представлял экономическую сделку, заключавшуюся в основном между родителями, мнение которых было решающим, а чувства вступающих в брак молодых людей в расчет не принимались. Определяющим было имущественное положение жениха или невесты. У татар, как у людей физического труда, ценилось трудолюбие, здоровье, хорошая репутация их самих и семей, а затем уже и внешняя привлекательность. В большинстве старались выдать замуж за детей богатых, а взгляды родителей передавались детям по принципу «так поступали наши родители, так должны поступать и мы», поэтому у зажиточной части молодежи стремление стать богаче, а у бедняков – разбогатеть, часто влияло на выбор брачного партнера.

Такая участь постигала некоторых молодых людей клецкой общины. Так, молодой и красивый мусульманин, трудолюбивый и хороший специалист в области гарбарства в середине 30-х годов по расчету женился на известной во всей округе женщине-татарке. Она была вдвое старше, неоднократно была ранее замужем, но обладала большим богатством, в том числе валютными накоплениями и крупнейшими земельными угодьями в регионе Несвижа – Осмолово – Иваново. На этих землях ее предки в XIX веке выделили участки земель для мечети в Осмолово и мизара, который является действующим и в настоящее время. К

сожалению, личного счастья такое бракосочетание молодым не принесло: потомства после себя они не оставили, а после освобождения Западной Беларуси в 1939-м году их жизнь вошла в серьезное противоречие с советской властью.

В клецкой общине до 2-й мировой войны проживала одна многодетная татарская семья, которая отличалась хорошим материальным благосостоянием. Семья, в которой было шестеро детей, владела 12 гектарами пахотной земли и несколькими огородными участками в черте города. Усадьба этой семьи, построенная еще в начале XX в., включала большой жилой дом из двух четырехкомнатных квартир и ряд хозяйственных построек, которые, в отличие от соломенных крыш других татарских семей, были покрыты белой жесью. В начале 20-х гг. скоропостижно умер глава этой семьи. Казалось, оставшаяся мать с малыми детьми не справится с таким большим хозяйством. Однако жизнь показала обратное – благодаря хорошему воспитанию и организации семьи и труда, огромному трудолюбию и высокой мотивации труда, иницируемой частнособственническим государственным устройством, все хозяйство стабильно жило и развивалось вплоть до начала войны 1939 г. Главная заслуга в этом принадлежала матери семейства, которая отличалась властным характером, высокой организованностью, большим трудолюбием и верностью мужу и семейному долгу.

Частнособственническая психология, глубоко засевшая в сознании этой семьи, сохранилась, и проявила себя в процессе женитьбы их старшего сына. Мать, желая увеличить богатство и используя молодость и красоту своего сына, хотела женить его только на богатой невесте. Поэтому сватовство молодого жениха представляло собой обычную денежно-торговую сделку, при которой мне в юношеском возрасте довелось присутствовать. Она совершалась между сватом – родственником жениха, и родителями молодой, красивой и трудолюбивой и также не бедной девушки, которая при этом не присутствовала и никакого участия в сделке не принимала. После распития некоторого количества спиртного единственным обсуждаемым вопросом был размер приданного (посага). Сватом была названа сумма в 800 золотых царских

рублей и не менее, а родители молодой, которым предстояло женить еще других своих детей, соглашались на 400 и не более. После длительного торга сильно возбужденный сват, крепко стуча по столу, назвал окончательную сумму в 600 рублей, на что хозяева ответили отказом, и сделка не состоялась.

Затем события развивались следующим образом: жених со сватом выехали на поиски богатой невесты, откуда возвратились с «богатой» молодой, за деньги которой купили двухэтажный деревянный дом и несколько крупных огородных участков земли. В это время отец оставшейся в Клецке девушки, желая показать, что и «мы лыком не шиты», выдал свою дочь замуж возле Новогрудка за более старшего по возрасту жениха, но также богатого (владеющего около 100 га земли), которые впоследствии выехали в Польшу. После воссоединения в 1939 году Западной и Восточной Беларуси буржуазная идеология сменилась коллективистско-коммунистической, в результате чего все указанные выше богатства превратились в миф – денежные накопления, особенно золотовалютные, оказались вне закона; земля, огородные участки, в том числе купленные за посаг, были национализированы советской властью, а многие татарские дома и купленный двухэтажный дом сгорели при отступлении немцев в 1944 году.

В послевоенное время в сознание народов начала внедряться новая советская идеология, однако в сознание многих татар, также, как и белорусов, которые жили воспоминаниями о прошлом, продолжали еще долго жить идеи и корни частнособственнической буржуазной идеологии. Естественно, что корни ушедшей идеологии не исчезли у членов, указанных выше семей, попавших в рабство богатства и денег, и сохранились на всю оставшуюся жизнь. Об их трудолюбии и стремлении к накопительству свидетельствуют следующие факты: будучи мобилизованным в советскую армию летом 1944 года наш молодой мусульманин отпросился у руководства сборного пункта на два дня для того, чтобы своевременно в Клецке скосить вручную около одного гектара луга; после организации колхозов он был одним из немногих клецких татар, который добросовестно

трудился до конца 60-х годов, получая за это мизерную плату. До глубокой старости он продолжал трудиться и в артели по шитью дубленок, и ночным сторожем, и в других местах. Так, некоторые белорусско-польские татары в той или иной степени еще длительное время продолжали находиться в противоречии между двумя этими идеологиями.

Конечно, было бы ошибкой считать, что молодежь при советской власти полностью игнорировала материальные факторы, в том числе при образовании семьи. Многим молодым людям было привлекательным начать новую жизнь без жилищных и материальных трудностей. Однако, в реальной жизни, наличие или отсутствие материальных благ не служило препятствием для заключения брака, т.е. главным была взаимная любовь, а не материальный расчет. Главным для образования счастливого брака считалось родство интересов, духовная близость, взаимопонимание, что чаще было свойственно людям одной социальной среды, близкого культурного уровня, близости профессии и т.д.

Завершая свои воспоминания о духовной культуре и роли семьи в жизни белорусско-польских татар, хотелось бы отметить, что в последние десятилетия XX века к нашим этническим проблемам прибавились еще тяжелые экономический, демографический и политический кризисы, которые в большей степени отрицательно сказались на выживании и сохранении малого татарского этнического меньшинства, чем больших этнических народов. Особенно социально тяжелым наследием XX столетия являлось пьянство. Сравнивая жизнь татар во многих татарских общинах в первой и во второй половинах XX века, можно совершенно определенно сказать, что к концу столетия белорусско-польские татары ряда общин пришли с большими физическими и моральными потерями, причем не в последнюю очередь от чумы XX века – пьянства. Пьянство, запрещенное Кораном, религией и всеми прежними татарскими традициями, разложило изнутри многие татарские семьи. Некогда дружные, благополучные, этнически сплоченные и трудолюбивые устойчивые семьи полностью разложились, распались и, в конце

концов, исчезли. Это зло XX века продолжает передаваться дальше и по наследству, и благодаря созданным благоприятным условиям со стороны государства и окружающего общества. Число потерянных от пьянства людей в татарских семьях в процентном отношении выше, чем людей других национальностей. На почве пьянства, кроме потери этнического самосознания, религиозных и культурных традиций, происходит моральная деградация людей, резко снижается деторождение, теряется человеческое достоинство, снижается роль семьи в воспитании детей и молодого поколения, уродуются родственные отношения между детьми и родителями, между женами и мужьями и, как результат, происходит резкое сокращение татарских общин. Ряд прежде крупных поселений татар в Беларуси исчез вообще, а многие сократились более, чем наполовину.

На тернистом пути к знаниям

Рассматривая жизнь белорусско-польских татар в XX столетии, нельзя не отметить роль знаний, образования и научно-технического прогресса на этом историческом этапе их жизни. XX век был веком крупной машинной индустрии, механизации и автоматизации производства, в которых резко росла роль умственного труда и образовательного уровня всего народа и особенно молодого поколения. Образование противостояло не только различным предубеждениям, но и расширяло кругозор людей, помогало им понимать и оценивать жизненные позиции. Уровень образования и общей культуры у татар перед II мировой войной был сравнительно низок, здесь жили в основном люди физического труда, без специальной подготовки, столкновение которых с жизненными ситуациями по-разному сказывалось на национальном поведении людей молодых, старых, мужчин и женщин.

Татары детского и юношеского возраста, в том числе и наше семьи, в период 20-х – 30-х годов XX столетия воспитывались в многодетных татарских семьях, в которых было мало земли и недостаточно для дальнейшего ее раздела между членами семьи. Поэтому вопросы жизни и выживания молодых людей в тяжелых социально-экономических условиях буржуазной Польши были очень актуальными. интеллектуальный труд и образование, о чем мечтало и к чему стремилось большинство молодых людей, были не доступны, главным образом, из-за отсутствия финансовых средств на оплату обучения и проживания в крупных городах. В Клецком регионе не было даже средних учебных заведений, кроме начальной семилетней пвшехной полькой школы, в которой учеба велась на польском языке, имевшем ограниченное распространение в быту. Кроме того, конкурировать с городской молодежью выходцам из Западной Беларуси (kresów wschodnich), слабо владеющим польским языком, было довольно сложно. Характерной чертой польского периода жизни молодежи было желание польских властей и государства

привить польский язык молодым людям белорусской, татарской и еврейской национальности, для которых белорусский язык был родным и домашним. Это больше всего осуществлялось при обучении детей в начальной семилетней школе и в государственных учреждениях. Если на уроках официальным языком был польский, то между уроками и после школы дети в основном пользовались белорусским языком, за что наказывались удалением из класса либо снижением оценки. В отличие от аттестатов детей польского происхождения, в аттестатах белорусскоязычных детей преобладали удовлетворительные оценки (*dostatecznie*), кроме хороших и отличных оценок по поведению. Польский язык был больше распространен в крупных польских городах, а также в средних и высших учебных заведениях.

Следует отметить, что материальная и духовная жизнь интеллигенции и людей с образованием в Польше была несравненно лучшей и более легкой, чем жизнь тружеников сельского хозяйства, и особенно людей, занятых в гарбарстве. Например, учитель семилетней школы, детский врач или почтовый работник получали зарплату по службе достаточную для того, чтобы половина ее оставалась на сберегательной книжке, около 30% шло на проживание семьи и 20% – на оплату квартиры. Рядовой почтальон имел служебную униформу, был в состоянии снять квартиру для семьи, а его жена могла даже оплачивать услуги по уборке квартиры. Из-за такого большого различия между платой людей интеллектуального и физического труда у большинства молодежи было желание получить хотя бы среднее, а лучше высшее образование. Этого могли достигнуть только немногие, кто обладал достаточным количеством материальных средств. Таких людей из числа татар Клецкого региона было немного, например, Х. Якубовский, работавший в банке и продавший свои 5 гектаров земли, смог дать высшее образование сыну Амурату в Виленском университете и сыну Али в гимназии.

Для многодетных семей, значительной части бедных и малообеспеченных татар, среднее и высшее образование было труднодоступным. Хотелось бы на примере членов нашей семьи

рассказать о тяжелом пути к знаниям в этот период жизни. Так, наш старший брат Адам окончил семилетнюю польскую школу в 1937 г., а я – в 1938 г., два наших младших брата учились в младших классах. После окончания школы встал вопрос о выборе для нас дальнейшего пути в жизни. Под влиянием друзей Адам в 1938 г. поступил в платную двухлетнюю ремесленную школу в г. Лунинец, однако, прозанимавшись там полгода, он, из-за финансовых трудностей, возвратился в Клецк, где продолжал работать с отцом в сельском хозяйстве. Мне лично хотелось получить хотя бы среднее образование в торгово-финансовой сфере деятельности, для чего необходимо было окончить торговую гимназию (Gimnazjum Kupieckie), однако поскольку один год после школы был потерян, то для поступления в гимназию в 1939 г. мне необходимо было пройти подготовку у частного репетитора. Стоимость репетиторства, которое осуществлял специально занимающийся этим выпускник Варшавского Университета некто Бакшт, составляла 25 злотых в месяц. При низких ценах на сельскохозяйственные продукты (рожь – 2 зл/пуд, масло – 1,5 зл/кг, картофель – 10 грошей/кг и т.д.) эта сумма оказалась неподъемной для нашего семейного бюджета, который базировался на небольшом сельском хозяйстве, поэтому после занятий с репетитором в течение одного месяца мне пришлось его оставить. И только благодаря дружбе с проживающим по соседству на квартире моим школьным товарищем А. Козловским, родители которого имели 64 гектара земли, и который готовился у Бакшта в течение года, я в июне 1939 г. успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в торговую гимназию в г. Косово Брестской области. Однако начать учебу 1 сентября 1939 г. мне не довелось из-за нападения фашистской Германии на Польшу и начала Второй мировой войны. Таким образом, мои первые надежды на получение среднего образования в буржуазной Польше не реализовались из-за финансовых трудностей и начала Второй мировой войны.

Дальнейшей наш путь к образованию был продолжен при советской власти после воссоединения Западной Беларуси и БССР 17 сентября 1939 года. С целью привлечения населения Западной

Беларуси к участию в общественной и культурной жизни новая советская власть активно начала вести атеистическую и идеологическую просоветскую пропаганду среди местных жителей, особенно среди молодежи путем ведения социальных, экономических и культурно-бытовых преобразований, а также формирования нового советского человека с общенародной советской культурой. Для этого, в отличие от польского периода, народу Западной Беларуси был обеспечен более широкий доступ к образованию, науке, культуре и искусству. Все это осуществлялось путем отделения школы от церкви, организации и расширения сети средних профессиональных и общеобразовательных школ и высших учебных заведений, введения бесплатного обучения, ликвидации неграмотности и принятия закона о всеобщем начальном, а затем среднем образовании. Общедоступными и массовыми стали печать, радио, театры, кино, музеи, библиотеки, клубы и другие учреждения культуры. Естественно, что из-за различий в уровне культурного развития и материальной базы отдельных этнических и социальных групп населения имели место факты слабого усвоения культурных ценностей и пассивного участия многих членов общества в потреблении новых для них социалистических форм духовной культуры.

После такой активной информационной обработки в новом социалистическом обществе у нашей молодежи, достигшей уже зрелого возраста, возникло огромное желание продолжить учебу в советских средних школах и высших учебных заведениях. Однако, как оказалось позже, условия поступления в вузы и на работу в советское время были строго индивидуальны. Проживание в довоенной Польше, а затем в немецкой оккупации, а также «неправильное» социальное происхождение были достаточным основанием для того, чтобы проводить избирательный отсев в любом конкурсе. Часто при поступлении в престижные институты и на престижную работу определяющими факторами были не профессионализм, не деловитость и честность человека, а его партийность, происхождение, национальность и др.

Первым подводным камнем на пути к образованию было то, что новая советская власть в 1939 году не приравнивала польскую

семилетнюю школу к семи классам средней советской школы, и поэтому учащимся, окончившим польскую школу, было предложено продолжить учебу в 5-м классе советской школы. Это вызвало определенное недовольство среди учащихся-переростков, которые окончили польскую школу несколько лет тому назад и желали продолжать учебу в старших классах советской школы. Некоторым ребятам было предложено в течение летнего отпускного сезона пройти курс за 5-ый класс, а после сдачи экзаменов их бы зачислили в 6-ой класс, а другим ребятам-переросткам было предложено поступать в школы ФЗО (фабрично-заводского обучения). Однако эти мероприятия в связи с приближающимся началом Великой Отечественной войны окончились безрезультатно.

В период немецко-фашистской оккупации учеба в школах прекратилась, и бывшие учащиеся, особенно старшая по возрасту молодежь, всеми дозволенными и недозволенными методами старались избежать принудительного вывоза в Германию и легализовать свое положение при оккупационном режиме. Большинство из них стало трудиться в сельском хозяйстве у своих родителей, в торговле, в учреждениях быта, артелях и других местах. Путь к партизанам, к сожалению, тогда еще никто не знал, так как Клецк, Клецкий район и почти вся Барановичская область в то время не были партизанским краем, и даже многие бывшие советские и военные служащие, а также пребывавшие в гетто евреи, не находили путей к партизанам. А патриотического воспитания, полученного молодежью за время двухлетней учебы в младших классах советской школы, было явно недостаточно для того, чтобы бывшие учащиеся школ Клецкого региона уже в первые годы войны стали активными борцами антифашистского движения.

Жизнь молодежи во время военного лихолетья была очень тяжелой – никому не сделать ничего плохого и самому остаться в живых было очень и очень непросто. Во время немецкой оккупации жизнь была опасной и тревожной – молодых людей вербовали либо в полицию, либо в белорусскую армию, либо вывозили на работу в Германию. Молодым людям без штампа о

трудоустройстве появляться в городе было опасно. Наш брат Адам в это время работал в хозяйстве отца и регулярно отрабатывал принудительные работы на строительстве дорог, так называемые «шарварки», которыми власти облагали хозяйства, имевшие лошадей. Брат оказался в очень трудном положении, почти как загнанный в железную клетку зверь – скрывался от мобилизации в армию («самаахову»³⁸) и от вывоза в Германию. Несколько раз его хватали и ему с трудом удавалось выйти из ситуации, для чего он устраивался на временные работы в городе, но тут же попадал под сокращение. В мае 1944 г. при облаве на рынке города, устроенной оккупационными властями, Адама вместе с другими молодыми людьми взяли, а затем вывезли на работы в Германию. Там и застало его известие об освобождении Беларуси советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков. Оказавшись за рубежом в зоне продолжавшейся войны, он многократно попадал под бомбежки советской и союзнической авиации, затем в течение пяти лет находился в польском лагере для перемещенных лиц в ожидании эмиграционной квоты. Брату приходилось днем тяжело работать физически, а в вечернее время в течение трех лет учиться в эвакуированной из Польши в Германию польской электромеханической школе. Затем, попав вместе с польскими коллегами в эмиграционную квоту, он эмигрировал в США. Адам не знал английский язык, и там ему пришлось также тяжело работать физически, в результате чего он на всю жизнь заработал травму позвоночника и другие болезни. Со временем, познакомившись с представителями татарской диаспоры, он женился, создал семью, и длительное время работал на энергоузле. После ухода на пенсию он в течение 17 лет на общественных началах был имамом Нью-Йоркской татарской мечети. В настоящее время наш брат тяжело болеет, особенно после смерти жены и перенесенных им тяжелых операций.³⁹

В период немецкой оккупации во избежание вывоза в Германию небольшая часть татарской молодежи трудоустроилась

³⁸ (бел.) Самооборона. – Прим.ред.

³⁹ Умер Адам Александрович в 2021 г. – Прим.ред.

на существовавшей в то время в Клецке ткацкой фабрике и артели по обработке кож. Для части молодежи оккупационные власти создали в гг. Несвиже, Барановичах и др. трехмесячные бухгалтерские курсы, шестимесячные учительские курсы, а также торгово-административные и медицинские школы. Собирая молодежь в этих школах, оккупантам удавалось иногда вывезти часть из них на работы в Германию, тогда как большая часть все-таки убегала к себе домой. К концу оккупации (начало 1944 г.) белорусские коллаборационные власти провели мобилизацию молодежи в белорусскую армию («самаахову») и в союзы молодежи, однако эта затея быстро провалилась, так как мобилизованная молодежь разбежалась в ожидании приближающегося освобождения Красной Армией территории Беларуси.

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов большая часть молодежи, в том числе и я, была мобилизована в ряды Красной Армии. Так мы приняли участие в Великой Отечественной войне, а после ее окончания продолжали в течение нескольких лет нести воинскую службу. Таким образом, процесс нашего обучения был прерван Второй мировой войной на 6-7 лет и мог быть продолжен только после демобилизации нас из армии уже в зрелом возрасте. Продолжать учебу в обычных школах было сложно, так как многие в этом возрасте уже женились, обзаводились семьей и определялись с выбором профессии. Лично у меня профессии не было, поэтому прежнее желание получить среднее, а, возможно, и высшее образование, возникло вновь. В 1947 г. после демобилизации из армии я поступил в десятый класс Клецкой школы рабочей молодежи. Для того, чтобы восполнить свои знания за 7-9 классы, я в течение лета и всего учебного года, нигде не работая и ни на что не отвлекаясь, самостоятельно, упорно и старательно осваивал программы этих классов, и не безуспешно. К моменту окончания школы появилась мысль о возможной медали, а также возникло желание поступить в лучший вуз Республики – Белорусский государственный университет на химический факультет. Вступительные экзамены я сдал сравнительно легко, хотя и в то время, кроме экзаменов по

основным предметам – математике, физике и химии, сдавали также экзамены по русскому, белорусскому и иностранному языкам. Провожая меня на учебу в Минск осенью 1948 г., мой отец, человек консервативных взглядов, никак не мог поверить тому, что учеба в советском вузе может быть бесплатной, а студенты, кроме того, получают бесплатное общежитие и стипендию (правда, в год моего поступления за тройки в экзаменационной книжке стипендию не выдавали). И поэтому, напутствуя меня в дорогу, отец советовал, как мне поступить с вещами после моего возвращения через неделю-другую в Клецк. Но обратного возвращения в Клецк не последовало, и второй моей родиной стал город Минск.

После окончания Второй мировой войны и освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов нам, жителям Западной Беларуси, неоднократно напоминали о нашем социальном происхождении, о нашем неполном гражданском соответствии с образом советского человека, о том, что мы жили при Польше и были в оккупации, что мы не были в партизанах и т.д. Кроме всего прочего, наш отец в период с 1939 по 1953 гг., не имея даже специального духовного образования, был имамом клецкой общины, в которой начитывалось не более полусотни верующих мусульман. Из всего этого советская власть сделала далеко идущие выводы, и они впоследствии отрицательно сказались на нашей учебе и на судьбах членов нашей семьи. Так, наш средний брат оканчивал дневную Клецкую среднюю школу в 1948 г., учился серьезно и добросовестно, и к выпускным экзаменам подошел со всеми отличными оценками. Однако по «некоторым соображениям» руководство школы и районо решили не давать ему золотую медаль, и предложили самому выбрать те предметы, по которым он получит в аттестат две четверки. Но это не помешало ему потупить в Белорусский политехнический институт, успешно его закончить и стать впоследствии прекрасным инженером-строителем. После окончания института он работал на целинных землях Урала и Казахстана, прошел путь от мастера, прораба до главного инженера строительного управления. С 1956 года наш брат работал в Минске старшим

инженером Мингорпроекта, а затем главным инженером Оргтехстроя. Награжден медалями «За трудовую доблесть», ВДНХ СССР, премией Совета Министров БССР. С 1990 г., находясь на заслуженном отдыхе, он активно включился в процесс возрождения ислама в Беларуси. Будучи членом общественного объединения татар «Зикр-уль-Китаб», а с 1994 по 2005 гг. муфтием Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь, он активно занимается восстановлением и строительством мечетей в нашей стране. В 1998 г. совершил хадж в Мекку и посетил Медину.

Младший брат окончил Клецкую среднюю школу в 1953 г. и тоже имел все отличные оценки в аттестате, но медаль ему не дали, сделав в аттестате приписку «без выдачи медали». Этой приписки было достаточно, чтобы закрыть ему дорогу во все вузы Советского Союза. Только после обращения брата в Министерство образования СССР ему с опозданием на два года выдали золотую медаль. За это время он успел поступить в институт народного хозяйства в г. Минске, где был недобор абитуриентов, и куда его «осмелились» зачислить на бухгалтерско-экономический факультет. После окончания в 1957 году этого института он работал старшим бухгалтером, а затем начальником цеха Ярославской кондитерской фабрики. В 1960-м году поступил в аспирантуру при институте экономики АН БССР, затем защитил кандидатскую диссертацию, а в 1990-м году стал доктором экономических наук, профессором. Сейчас работает заведующим отделом научно-исследовательского института Госплана Беларуси и на кафедре планирования в институте народного хозяйства Беларуси. Является автором около ста научных работ в сфере разработки важнейших республиканских программ социально-экономического развития Беларуси на период до 2010 года и перехода Беларуси к рыночной экономике.

В послевоенное время мне, как старшему в семье было несколько легче, чем моим братьям: я служил в армии, был на фронте, имел награды, был демобилизован из армии. Однако перед окончанием школы рабочей молодежи в Клецке в 1948 г. мне вскользь было сказано классным руководителем: «Есть мнение

золотую медаль Вам не выдавать». О моем прошлом напомнили мне позже и на мандатной комиссии при поступлении в Белорусский государственный университет в 1948 г., где вопрос был решен положительно лишь как для участника войны. Секретарь парткома университета мучительно решал вопрос о зачислении. И хотя вступительные экзамены были сданы на «хорошо» и «отлично», его особенно волновали вопросы такого плана: почему мой отец не работает в колхозе (хотя коллективизация в Западной Беларуси еще только началась); почему во время оккупации я не был в партизанах, в то время как весь белорусский народ боролся с немецко-фашистскими захватчиками; почему я не являюсь членом комсомола, тогда как все поступающие в университет абитуриенты являются комсомольцами и т.д. Хорошо еще, что в автобиографии ничего не было сказано о религиозной должности отца, иначе было бы еще хуже. Объясняя ситуацию с комсомолом, я сослался на возраст – ведь мне тогда было 23 года, и комсомольский возраст уже скоро заканчивался. Мне не хотелось рассказывать мою историю с комсомолом. А комсомольцем я был во время службы в Красной Армии, правда, вступал я в комсомол тогда не по идейным соображениям, а по советскому добровольно-принудительному способу. Это было в начале 1945 г.. Мы, рядовые солдаты, находясь на фронте около Франкфурта-на-Одере, в составе противотанкового артиллерийского полка готовились к прорыву через реку Одер. В один из вечеров ко мне в землянку перед отбоем пришел незнакомый лейтенант и протянул какую-то измятую бумажку со словами: «Перепиши содержание этой бумаги на другую и отдай ее мне», – что я и сделал. В бумажке было написано, что «я, рядовой такой-то, прошу принять меня в комсомол, так как, только будучи комсомольцем, желаю идти в бой за Родину, за Сталина». Так я стал комсомольцем, и при этом не формальным, как было указано в той бумажке, а довольно активным и перспективным. После окончания войны, где-то в 1946-м году, на одном из перевыборных комсомольских собраний батареи я выступил с резкой критикой прежней комсомольской работы, о чем позже очень жалел, что «высунулся», так как тут же

немедленно был избран секретарем комсомольской организации батареи. После примерно годовой активной работы на этом посту секретарь партийной организации и командир батареи мне неоднократно и весьма настойчиво предлагали рекомендации для вступления в партию ВКП(б) однако все мои мысли в то время были направлены на скорейшую демобилизацию из армии и на продолжение учебы на гражданке. Поэтому из скромности я посчитал для себя это предложение слишком большой честью и большим авансом, и от него отказался. После демобилизации и возвращения в свой родной город я целиком и полностью окупился в атмосферу учебы и будущего трудоустройства.

Возникшее в довоенное время желание учиться еще больше окрепло после поступления в университет. Мне представлялось, что, как и спортсмен, вставший на беговую дорожку, я должен буду бежать до победного конца. Возможности для этого были отличные – впереди университет с бесплатным образованием, общежитием и стипендией, библиотека с необходимой литературой, хорошее здоровье и образовавшаяся вскоре в Минске моя семья надежно обеспечили тылы моего наступления. Учеба в университете и познание тайн химической науки о природе и материи приносили мне глубокое моральное и физическое

удовлетворение. Пять лет жизни при постоянной занятости учебой, научной работой, спортом и семьей пролетели мгновенно. Начались новые трудовые будни. Однако прошлое из жизни в военное и послевоенное время в определенных жизненных ситуациях продолжало напоминать о себе. Так, химический факультет БГУ я окончил с отличием (красным дипломом) в 1953 г.,

Х.М.Александрович (слева) на строительстве Солигорского калийного комбината (1961г.)

распределению я был вызван не в числе первых, как это делается в настоящее время, а одним из последних. Затем мне было предложено место не в аспирантуре или другое место на выбор, на что я надеялся, а место учителя в сельской школе Витебской области. Поскольку моя жена также окончила химический факультет, а в сельской школе двум химикам делать было нечего, нам выдали свободные дипломы, благодаря чему мы трудоустроились в школах города Минска – жена в дневной, а я – в вечерней школе рабочей молодежи. Жизнь продолжалась, а с ней все больше утверждалась атеистическая и коммунистическая идеология, поэтому в 1953 г. мы уговорили своего отца оказаться от поста имама клецкой татарской общины, так как в то время мы должны были думать о своем будущем и будущем наших детей. В конце 1953 г. после начавшейся «оттепели» мне удалось поступить в аспирантуру при институте химии АН БССР.

Учеба в аспирантуре и работа по новой для Беларуси проблеме обогащения калийных руд Старобинского месторождения были началом моих последующих исследований в области разработки новых технологических процессов получения

На семинаре в Институте общей
и неорганической химии АН БССР
(1983 г.)

минеральных удобрений в Беларуси. В результате выполненных исследований в 1958 г. мною была защищена кандидатская диссертация, а в 1970-м – докторская диссертация, в 1972-м г. присвоено ученое звание профессора. В 1966-м г. я стал заведующим лабораторией и заместителем директора по научной работе института общей и неорганической АН БССР. И вот, будучи доктором наук, профессором и зам. директора, как ни

удивительно, но я был беспартийным. Однажды в 1971 г. директор института в разговоре со мной сообщил, что он имел беседу с президентом Академии наук, который выразил удивление, что замдиректора по науке у нас является беспартийным, и порекомендовал директору срочно принять меня в партию, либо подыскать себе другого, партийного, заместителя. Что было делать? Я подумал, посоветовался и стал готовиться к вступлению в партию. Считал, что мне следует честно и добросовестно ответить на все вопросы анкеты, и написал подробную автобиографию. Тем временем я получил рекомендации от академиков, и на партсобрании института был принят единогласно.

Каково же было мое удивление, когда на заседании парткома АН БССР меня «завалили»! Все члены парткома, которые знали меня многие годы совместной работы, собравшись вместе в присутствии секретаря парткома, вдруг неузнаваемо изменились и набросились на меня, как голодные волки на овцу. Каждый хотел показать, что он святее папы римского. Я стал для них идейным врагом, и опять пошли вопросы: почему, почему... о колхозах, о партизанах, о комсомоле, о старшем брате и т.д., и т.п. Я ответил кратко: «Если вам тяжело решить вопрос о моем приеме в партию, то я буду и беспартийным работать так же, как работал до сих пор». Естественно, что результаты того парткома сказались на моей дальнейшей научной и служебной карьере. Тогда я впервые пожалел, что не был карьеристом и не вступил в партию в 1946 г. в армии – тогда я имел бы стаж больший, чем любой член того парткома.

Однако, несмотря на такие зигзаги на моем жизненном пути, я продолжал работать и дальше в этом институте до глубокой старости, продолжал вести научную работу и радовался, когда она приносила пользу нашему обществу и государству. Мною подготовлено 17 кандидатов наук, опубликовано 4 монографии, 370 статей в научных белорусских и зарубежных журналах, получено 146 авторских свидетельств Комитета по делам изобретений, 10 из которых используются в народном хозяйстве с большим экономическим эффектом.

Вторая мировая война и участие в ней татар

XX столетие оставило глубокий след в жизни многих народов, народностей и национальных меньшинств мира, и в первую очередь это Первая и Вторая мировые войны, в результате которых было уничтожено много миллионов людей. Большое их число подверглось расселению и миграции среди других народов мира, что вызвало интенсивную ассимиляцию малых народов и национальных меньшинств. Белорусско-польские татары вместе со всем белорусским народом сохраняют память обо всех погибших, которые на различных этапах этих войн внесли свой весомый вклад в нашу общую Победу. Сохранение памяти об участниках войны, о погибших в ней представителях различных народов и национальностей необходимо для жизни нового поколения людей, их уверенности в своих силах и повседневных заботах.

Белорусско-польские татары, прожившие среди других народов центральной части Европы более 600 лет, унаследовали и сохранили многие положительные черты окружающих их народов, в том числе желание жить в мире и дружбе, бережно хранить свои культурно-национальные традиции, религию Ислам и свое национальное самосознание. В войнах и военных конфликтах, проходивших в XX столетии на территории Беларуси, татары занимали нейтральную позицию. Они никогда не выступали в роли защитников для тех или иных народов, давно позабыв о своем призвании участвовать в военных конфликтах и нести воинскую службу, с которым они когда-то прибыли в Великое Княжество Литовское⁴⁰. Проживая во время Второй мировой войны в странах с различным государственно-политическим устройством – в буржуазной Польше, при советской власти, под немецкой оккупацией, они сохранили свое миролюбие, оставаясь законопослушными гражданами своих государств, и разделили судьбу польского и белорусского народов. В сложные периоды

⁴⁰ Это утверждение, скорее всего, продиктованное скромностью автора, т.к., далее он упомянет множество примеров обратного. – Прим. ред.

войны, при переходах власти в 1939, 1941 и 1944 гг., татары избегали участия в полицейских формированиях, в партизанских движениях⁴¹ и в вооруженных акциях. Но по приказу властей татары, наравне с проживающими вместе другими народами, принимали участие в войнах, добросовестно исполняя свой гражданский долг.

Мало сведений осталось об участии белорусско-польских татар в Первой мировой войне. В книге «Память» Несвижского района (стр. 147) сообщается о том, что татарин **Полторжицкий Бронислав Иосифович**, родившийся 30.12.1894 г. в Несвиже Минской области, служил в царской армии с 1913 г., затем в Красной Армии с 1918 г. Участвовал в гражданской войне 1918-1920-х гг., затем служил в войсках Белорусского, Московского военных округов, где был преподавателем курсов «Выстрел». Начиная с 1943 г. участвовал в Великой Отечественной войне в составе войск Северо-Западного, Степного, Воронежского, 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов в звании генерал-лейтенанта, в качестве командира дивизии и заместителя командира корпуса. В 1944-1957 гг. он служил в польской армии. Умер 17.04.1969 г. и был похоронен в Польше.

Широко известен среди белорусского и татарского народов также татарин из г. Минска **Гассан Канапацкий**, который был связан с белорусским национальным освободительным движением еще в 20-х годах XX столетия. Он окончил в 1897 г. артиллерийскую школу им. Константина в Петербурге. Во время Первой мировой войны в чине полковника участвовал в боях с немцами во главе 69-го полевого корпуса артиллерии. Он был татаринoм-интернационалистом по своим взглядам, ему были чужды идеи свободы белорусов, литовцев и поляков. В начале 1919 г. он бывал в квартире Янки Купалы в Минске, в октябре 1919 г. был назначен маршалом Польши Юзефом Пилсудским

⁴¹ Что является актуальным не для всех регионов расселения татар, о чем убедительно свидетельствуют научные исследования С. В. Грибовой, доказавшей активное участие татар в партизанском и подпольном движениях. – Прим.ред.

командиром белорусского войска с местом формирования в г. Слониме. После окончания Первой мировой войны он жил в Вильнюсе, Каунасе, в 1946 г. эмигрировал в Польшу. Умер в 1953 г. и похоронен в городе Быдгощ.

В книге «Память» Клецкого района (стр. 149) сообщается о том, что активное участие в Первой мировой войне принимал также татарин из Клецка **Ибрагим Якубович Жданович**. Родился он в семье клецкого имама в 1888 г., на фронтах войны зарекомендовал себя как мужественный и отважный солдат-пулеметчик, свидетельством чего являлись его награды – четыре Георгиевских креста и четыре боевые медали. Во время октябрьских событий 1917 г., когда он находился под Киевом, новая, советская власть отобрала все его награды. После окончания войны он возвратился в Клецк, создал крепкую мусульманскую семью, однако, не выдержав тяжелой жизни, был вынужден эмигрировать в Аргентину. В 1938 г. из-за невозможности найти там работу возвратился в Клецк, где в 1943 г. умер. Его сын **Якуб Ибрагимович Жданович**, ветеран Великой Отечественной войны, в настоящее время является имамом клецкой татарской общины.

Период 1939-1941 гг.

Вторая мировая война по-разному повлияла на судьбы татар, проживающих в Польше, Западной и Восточной Беларуси. Для многих из них она началась уже 1 сентября 1939 г. с нападения фашистской Германии на буржуазную Польшу, в которой в довоенное время проживали татары Западной Беларуси. Коснулась она в первую очередь татар, участвовавших в польских военных формированиях, а вскоре после освобождения Западной Беларуси советскими войсками 17 сентября 1939 г. она в большей степени затронула и гражданское население. Следует отметить, что после освобождения Западной Беларуси от белопольских оккупантов, жизнь в Западной Беларуси существенно изменилась. Другим стало отношение к простым труженикам сельского хозяйства, к собственникам земли и, особенно, к более зажиточной его части. Вследствие продолжавшейся советским государством политики террора 1937 г., насильственной коллективизации и депортации людей, даже у малообеспеченных людей и надежных сторонников советской власти, в т.ч. крестьян и ремесленников, появились страх и неуверенность в завтрашнем дне, подозрительность и неудовлетворенность новой властью, обещавшей трудовому народу обилие всяких благ и личного счастья при освобождении.

В Западной Беларуси после освобождения в 1939 г., а в Восточной ее части после Октябрьской революции, у белорусско-польских татар произошло резкое изменение этнической устойчивости. Действие атеистической идеологии совпало с началом Второй мировой войны, которая углубила разрушительное влияние этой идеологии на выживаемость малых народов. Этот период отличался высокой смертностью, низкой рождаемостью населения, вывозом мужчин и женщин в Германию, повышенной миграцией населения и т.д. Началась депортация населения – интеллигенции, духовенства и более обеспеченных людей – в страны Востока и Средней Азии, что способствовало дисперсному расселению татар и резкому снижению их

количественного состава в более крупных общинах и даже исчезновению некогда крупных поселений татар в Беларуси.

При советской власти все начинания татарской элиты в Польше по возрождению ислама и национальных традиций расценивались как националистическая, антигосударственная и шпионская деятельности, за которую многие из представителей этой элиты заплатились жизнью. Многие из построенного и собранного в довоенное время было в этот период уничтожено и сожжено. Представители татарской интеллигенции считали Польшу своей Родиной, а польский язык – родным, поэтому активно защищали его в военное время. Большинство участников событий довоенного времени были уничтожены и трагически погибли при известных или невыясненных обстоятельствах, многие оказались впоследствии рассеяны по всему миру. Память о них сохранилась у нашего народа навсегда.

Часть белорусско-польских татар, в основном интеллигенция и осадники, была депортирована вглубь Советского Союза, где пережила тяжелый период ссылки. Там и оказались бывшие осадники с семьями – татары **Ромуальд Смайкевич** из Клецка, **Якуб Богданович** из Ляхович, майор **Чаинский** из Слонима, **Эмир Байрашевский** из Новогрудка и многие другие. Некоторые из них позже вступили в польскую армию генерала Андерса и прошли весь боевой путь через Иран, Ближний Восток до Италии. После войны, например, **Р. Смайкевич** оказался в Англии, где и умер, **Я. Богданович** – в Польше, а **Чаинский** пропал бесследно. 18-летний сын Богдановича **Али Корицкий** в 1943 г. добровольно вступил в формирующуюся в СССР польскую дивизию пехоты им. Т. Костюшко, и в первом же бою 12-13 октября 1943 г. погиб под Ленино Могилевской области. Некоторые из татар участвовали в Варшавском восстании, среди которых был командир артиллерии 20-й дивизии пехоты **Леон Гозман Сулькевич**, награжденный крестом «*Virtuti Militari*»⁴²

⁴² Орден «*Virtuti Militari*» (лат. «Военной доблести») – польский военный орден, вручаемый за выдающиеся боевые заслуги. – Прим.ред.

(умер в Англии в 1958 г.), а также поручик **Джанет Джабаги Скибневская**, участница обороны г. Гдыни.

Трагическая судьба постигла в начале Второй мировой войны братьев **Ольгерда и Леона Кричинских**, проводивших перед войной активную деятельность среди белорусско-польских татар. Ольгерд и Леон окончили гимназию в г. Вильно, затем изучали право в Петербургском университете. **Ольгерд Кричинский** закончил университет в 1908 г., в 1920-1931 гг. работал в судебных органах в г. Вильнюсе, с 1925 г. он являлся членом польской делегации на Международном Конгрессе в Каире, с 1926 г. – председателем культурно-просветительского совета татар Польши, с 1932 г. – прокурором высшего суда в Варшаве, где одновременно возглавлял и татарскую общину. Активно участвовал в строительстве мечети в Варшаве. В довоенное время он был идеологом движения за возрождение культурного наследия татар Польши. В последние дни августа 1939 г. он выехал в свою усадьбу на Виленщине, а после вступления Красной Армии 17 сентября скрывался в г. Вильнюсе, где занимался ликвидацией татарского архива и документов, которые могли бы быть использованы против татарских активистов. Погиб при неизвестных обстоятельствах в 1941 г. в органах НКВД.

Леон Кричинский окончил Петербургский Университет в 1911 г., возвратился в Польшу в 1920 г. и работал судьей в Вильнюсе, Замостье и Варшаве. С 1926 г. был секретарем культурно-просветительского союза татар Польши, вел активную организационную, редакционную и творческую работу среди татар, создал татарскую библиотеку и татарский народный музей в г. Вильнюсе. В 1930-1939 гг. издавал журнал «Życie Tatarskie», с 1934 г. работал в судебных органах г. Гдыни. В начале войны 11 ноября 1939 г. был расстрелян гитлеровцами в Пяснице под Вейгеровом вместе со многими поляками-патриотами из Поморского края.

Рассеялись по всему миру и представители довоенного духовного управления мусульман Польши. Муфтий **Якуб Шинкевич**, окончивший университет в Берлине и получивший

там степень доктора философии, был избран муфтием польских татар в 1926 г. До начала Второй мировой войны он исполнял свои обязанности муфтия в г. Вильне, продолжал свои обязанности и в период немецкой оккупации, а после окончания войны в 1945 г. эвакуировался вначале в Египет, а в 1960 г. – в США. Во время эвакуации в США на корабле он заболел, и в Гибралтаре был помещен в госпиталь, в котором пролежал 8 месяцев. Умер он в 1966 г. в США в возрасте 83 лет.

Тяжелую и невосполнимую утрату понесли белорусско-польские татары во время Второй мировой войны, в которой трагически погиб выходец из Клецкого региона, имам татарской общины г. Варшавы капеллан татарского эскадрона 13-го полка уланов **Али Исмаил Воронович**. Родился он 01.04.1902 г. в г. Ляховичи, окончил гимназию в г. Симферополе, в 1922 г. переехал в Польшу, где в 1929 г. окончил офицерскую школу артиллерии по Владимире-Волыньском, в 1932 г. – факультет востоковедения Университета им. Яна Казимежа во Львове, а затем с 1933 по 1936 гг. – исламский университет Аль-Азхар в Каире. С 1937 г. – имам мусульманской общины в Варшаве, военный капеллан татарского эскадрона виленских уланов и духовный полномочный для исполнения пастырских и религиозных обязанностей всех мусульман в польской армии. В начале войны с Германией с 5 по 10 сентября 1939 г. Али Воронович отвез свою жену Еву Воронович-Якубовскую, ожидавшую рождения ребенка, из Варшавы к ее родителям в Клецк, и в связи с резко изменившейся на фронте ситуацией вынужден был остаться в Клецке. Здесь вскоре он оказался в советском государстве, занявшем уже Западную Беларусь 17 сентября. Некоторое время он работал в белорусской средней школе г. Клецка, а 21 января 1941 г. был арестован органами НКВД и вывезен вначале в г. Барановичи, а затем, весной 1941 г., в связи с особым интересом к нему со стороны НКВД, в тюрьму г. Минска.

Египет, Каир-Аль-Азгар
 1-й справа стоит Али
 Исмаил Воронович
 (1935г.)

Имам г. Варшавы Али Исмаил
 Воронович (1902-1941) трагически
 погиб во время 2-й мировой войны.

У символического гроба А.И.Вороновича на мизаре в Варшаве:
 слева направо -Али Якубовский, Ева Воронович с Якубовских,
 ее дочь Тагира с мужем Джемилем Шенсновичем.

Особенно большое внимание советская власть уделяла интеллигенции из Польши, которая советским руководством воспринималась как «плацдарм европейских государств по подрывной деятельности против диктатуры пролетариата, опасным сосредоточением зла». Вот почему Али Вороновичу была инкриминирована шпионская и контрреволюционная деятельность против советского государства. Дальнейшая его судьба неизвестна – в 1956 г. он был реабилитирован за отсутствием состава преступления, но место и обстоятельства его смерти остались неизвестны. По наиболее вероятной версии, высказанной Е. Воронович и основанной на послевоенных публикациях, Али Воронович трагически погиб 24-27 июня 1941 г. на марше Минск-Червень, либо в самом Червене, при эвакуации большого числа заключенных, угнанных из тюрем г. Минска на восток после начала войны с Советским Союзом. Из тюрем НКВД тогда было вывезено более 2000 заключенных, в основном выходцев из Польши, Западной Беларуси, Литвы. Число дошедших до Червеня, за счет уничтожения по дороге, сократилось более чем на 500 человек. Эти убийства не были оформлены приказами и директивами. Это было одним из самых страшных злодеяний начала Второй мировой войны, в которой погиб и Али Воронович (в Польше это злодеяние называли «Катынь-бис»⁴³). Символическая могила его, сооруженная Е. Воронович в 1968 г., находится на татарском мизаре на Повонзском кладбище в Варшаве.

Одним из лидеров молодого татарского поколения, активно занимающимся идеологией польских мусульман и возглавляющим объединение татарской молодежи в Вильнюсе, в предвоенное время был **Эдиге Шинкевич**, племянник муфтия и сын его брата Мустафы. Эдиге Шинкевич воспитывался среди крымских татар, знал крымскотатарский язык, был патриотом крымскотатарского народа, несмотря на то, что происходил из польско-литовских татар. В 30-х гг. вместе с представителями крымскотатарской интеллигенции его отец был репрессирован, и вместе с семьей вывезен в концентрационный лагерь на севере России. После

⁴³ От лат. bis – дважды), т.е. «Вторая Катынь». – Прим.ред.

смерти отца в 1934 г. Эдиге удалось бежать из лагеря и перейти через границу в Иран, а затем, благодаря содействию польского посольства, он прибыл в Польшу под патронаж своего дяди, муфтия Я. Шинкевича. В Вильно он заканчивает школу политических наук при Институте восточных языков и начинает работу с татарской молодежью по возрождению ее национальных чувств и самосознания. После начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. Эдиге Шинкевич выехал в Турцию, а в период немецко-фашистской оккупации Крыма, Польши и Беларуси, он неоднократно под фамилией Эдиге Кырымал посещал татарские общины этих республик с целью организации татарской молодежи в помощь крымскотатарскому движению.

Следует отметить, что эффективность деятельности Э. Шинкевича среди татарской молодежи была очень низкой, так как в Польше и в Беларуси была очень слабая материальная и духовная база для создания каких-либо военных формирований. Здесь проживало всего около 4-5 тыс. татар, которые занимались тяжелым физическим трудом, были безграмотны, пассивны, имели низкое национальное самосознание и слабое патриотическое воспитание. У них отсутствовала национальная идея, за которую можно было бы агитировать и поднимать молодежь на войну в далеком Крыму. После окончания II мировой войны Э. Шинкевич занимался политической и научной деятельностью в Германии, издал монографию «Национальная борьба крымских татар», умер в 1980 г. у в Германии, а в 2007 г. его прах был перезахоронен на его родине, в Крыму. В Канаде проживает его брат Арслан Шинкевич, переехавший туда после тяжелых физических работ в Англии.

Мустафа Александрович, который учился вместе с Али Вороновичем во Львове и в Каире, как польский солдат воевал в 1940 г. во Франции, а затем был интернирован в Швейцарию. Там же оказался и **Стефан Базаревский**, занимавшийся в довоенное время научной деятельностью в университете им. Стефана Батория в г. Вильно. В период немецкой оккупации братья **Леон и Осман Ахматовичи** (врач и химик) вместе с группой познаньских врачей конспиративно обучали детей медицине в Ченстохове, а затем занимались научной деятельностью в Лодзи и в Варшаве. Среди

научных работников следует упомянуть доцента, доктора **Джамиля Вороновича** из Щецинского политехнического института, а также **Сюлеймана Лебеда** из Щецинской академии сельского хозяйства (оба умерли). Тяжело пострадал за свою якобы националистическую деятельность также **Хусейн Якубовский** из Немежиса, осужденный в 1944 г. на пять лет ссылки за участие в создании во время оккупации союза татарской молодежи. Умер он в 1989 г. и похоронен в Немежисе.

К сожалению, остается неизвестной судьба еще одной татарской семьи из г. Барановичи – семьи **Шагидевичей**. Известно лишь, что глава этой семьи в довоенное время работал кассиром в банке, а после II мировой войны переехал в Варшаву, где умер в возрасте 96 лет. Его жена в течение 20 лет до самой смерти была незрячей. У них было 3 сына: **Али Шагидевич** в 1939 г. окончил институт восточных языков в Варшаве, в период немецкой оккупации был учителем школы в г. Барановичи, а в 1944 г. после освобождения Беларуси был арестован органами НКВД. Ему инкриминировали связь с польской Армией Крайовой, и в том же году он погиб в лагерях Сибири.

Второй сын **Якуб** (Яша) в начале войны гитлеровцев с Польшей, в 1939 г. эмигрировал за рубеж и затем оказался в Чехословакии. Третий сын **Адам** (Адя) окончил до войны гимназию, во время оккупации работал в типографии, и в конце 1944 г. в составе польской армии участвовал в войне против немецко-фашистских оккупантов. После окончания войны он закончил академию генерального штаба Польши, и затем Варшавский политехнический институт. В 1960 г., в звании полковника, был комендантом высшей офицерской школы инженерных войск в г. Вроцлаве, а затем в генеральском звании работал в Генеральном штабе. Умер он в 1995 г. и похоронен в Варшаве.

Во время войны были полностью уничтожены собранные семьями Ахматовичей, Кричинских, Сулькевичей богатые культурные ценности. Уничтоженные архивы татарских общин и отделов культурно-общественных союзов Польши, архив

муфтиата, а также экспонаты бывшего татарского музея в г. Вильно.

Тяжелой была война для татарского эскадрона 13-го полка виленских уланов, базировавшихся в Новой Вилейке вблизи г. Вильнюса. В составе этого эскадрона были не только белорусско-польские татары, но и представители других национальностей – поляки, белорусы, украинцы и др. От татар Клецкого региона в то предвоенное время службу там несли **Мустафа Абрамович**, 1916 г. рождения, его брат **Бекир Абрамович**, 1917 г. рождения, и **Якуб Казакевич** из деревни Иваново, 1914 г. рождения. Командиром эскадрона был татарин ротмистр **Александр Ильяшевич**, а мусульманским священником – капелланом имам г. Варшавы **Али Исмаил Воронович**. За неделю до начала войны в полку была объявлена мобилизационная готовность, а 27 августа началась передислокация в район Пётркува-Трыбунальского около Ченстоховы. Татарский эскадрон уланов, в котором насчитывалось около 20 татар, погрузился в товарные вагоны вместе со своими лошадьми и отбыл железнодорожным транспортом на фронт. Первый день войны застал эскадрон в лесу между станциями Галкув и Юстынов. Задачей полка было задержать наступление неприятеля с тем, чтобы наша пехота могла отойти на другие позиции. Оставив лошадей в деревне и на окраине леса, эскадрон с помощью легких орудий и пулеметов вел бои с прорывающимся противником, все время находясь в поле зрения немецкой разведывательной авиации и обстрелов немецкой артиллерии. Первый бой с противником произошел 3 сентября за Пётрковом, где эскадрон был окружен немецкими танками. В результате этого большая его часть отступила в место расположения своих лошадей, а часть погибла либо попала в плен. Эскадрон отошел в сторону Радомя, где 7 сентября дал бой крепкому механизированному отряду врага. Однако после неоднократных налетов немецких бомбардировщиков и под напором танково-механизированных частей противника началось общее отступление разбитой армии к единственному мосту через реку Висла в районе Матеевцев, где от бомбовых ударов немецкой авиации она понесла большие потери. Много солдат и лошадей

было потоплено, убито и ранено, а виленская бригада кавалерии, как боевая единица прекратила свое существование. От сводного татарского эскадрона осталось лишь пара десятков солдат. Часть из них начала самостоятельно прорываться на восток, другая пыталась перейти в Венгрию, а оставшиеся уланы направились в сторону Люблина, Хелма и Ковеля. Многие солдаты стали разбегаться, а многих, в том числе Мустафу Абрамовича и Якуба Казакевича, солдаты-красноармейцы, появившиеся после освобождения Западной Беларуси 17 сентября 1939 г., задержали и направили в формирующийся на станции Ивацевичи эшелон для военнопленных, а через несколько дней отправили в Советский Союз. При встрече с Красной Армией даже пленных рядовых польской армии не отпускали домой, а отправляли в лагеря для военнопленных в Козельск, Старобельск и Осташково. После расстрела в 1940 г. органами НКВД в Катыни старших польских офицеров, в дальнейшем стали расстреливать младших подофицеров и рядовых, уничтожив, в общем, около 17 тыс. человек.

Якуб Казакевич, попав в лагерь для военнопленных в Осташково, некоторое время находился в тяжелых антисанитарных и полуголодных условиях и проходил все этапы проверки на лояльность. Он участвовал в боях, затем в ноябре 1939 г. был возвращен в Беларусь и отпущен к себе на родину, в д. Иваново. Более решительный Бекир Абрамович после поражения польской армии над Вислой принял решение самостоятельно пробираться к себе на родину. Уже в октябре 1939 г. он оказался у родителей в Клецке.

Более тяжелой и сложной была судьба его старшего брата Мустафы Абрамовича. Он попадает в лагерь военнопленных в Козельске, где проходит детальную проверку работниками НКВД («просеивание через ситечко»). После этого он был отправлен в шахты Кривого Рога Днепропетровской области, а затем, в середине 1940 г., в Западную Украину на строительство дороги Пшемысль – Львов и прифронтовых аэродромов. После начала войны в июне 1941 г. всех пленных (около 2000 человек) пешей колонной, изможденных и изголодавшихся, угоняют на восток

перед наступающими фашистами. При этом отстающих и физически ослабленных охранники не расстреливали, добивали штыками тихо и без паники, убирая их из марша. Сократившаяся на четверть колонна дошла до старой польско-украинской границы, где была погружена в товарный эшелон и направлена в лагерь военнопленных в Старобельске. Пребывание в этом лагере было крайне тяжелым, сопровождалось голодом, появлением вшей, смертельными болезнями и т.д.

После начала Великой Отечественной войны и изменения политической ситуации в мире, изменилась и судьба польских военнопленных. По соглашению между польским эмигрантским и советским правительством от 14 августа 1941 г., на территории СССР из беженцев, пленных и других польских граждан в сентябре 1941 г. начала формироваться польская армия под руководством генерала В. Андерса. В эту армию вступил тогда и находящийся в лагере военнопленных **Мустафа Абрамович**. Однако, в связи с отсутствием польских офицеров (они тогда уже были расстреляны в Катыни) и неудавшимися переговорами со Сталиным, эмигрантское правительство в 1942 г. выступило против участия польских войск на советско-германском фронте. По его приказу Андерс в марте-августе 1942 г. вывел почти всю армию (около 75 тыс. человек) из СССР в Иран. Таким образом, М. Абрамович из лагеря в Старобельске по длинному пути Алма-Ата – Ташкент – Самарканд – Красноводск попал на Каспийское море и затем пароходом в Иран. Там армию встретили английские войска, полностью ее переобмундировали и направили в Ирак и в Палестину на переобучение для применения английского вооружения. Затем в 1944 г. они возвратились в иранский порт на берегу Персидского залива и оттуда пароходами были направлены в Египет и Италию.

Здесь солдаты польской армии сражались с немецко-фашистскими войсками в составе 2-го польского корпуса британской армии. В конце 1943 – начале 1944 гг. фашистская армия капитулировала, однако, несмотря на это, союзники не могли прорваться к Риму. На их пути стояли мощные заградительные линии «Гитлер» и «Густав», а попытки прорваться

на север в январе 1944 года не увенчались успехом. В марте удалось занять только предгорное местечко Монте-Кассино («Красные Маки»), сама же гора и монастырь святого Бенедикта, в котором располагался немецкий гарнизон, оставались неприступными. Внизу была равнина, немцы сидели высоко в горах и хорошо простреливали всю местность. Польский корпус Вл. Андерса начал штурм в ночь 11-12 мая 1944 г., после чего немцев удалось выбить из передних линий обороны. Однако укрепиться армия не смогла, поскольку в ее рядах были огромные потери. 13 мая армия отступила и сдала позиции врагу. Очередная попытка штурма произошла 17-18 мая, когда после побоища на месте Монте-Кассино осталось чистое поле. Параллельно с поляками на других флангах выступили британцы, канадцы, американцы. 18 мая полк подольских уланов, в котором воевали польские солдаты, после тяжелых боев достиг самой верхней точки горы, и там взвились польские и британские флаги.

После окончания Второй мировой войны польская армия прибыла в Англию, где М. Абрамович демобилизовался, проработал много лет в шахтах и на стройках Англии, затем женился, создал семью и проживает в настоящее время в г. Манчестер. Будучи в преклонном возрасте, он построил дом на

своей родине, в Клецке, который в настоящее время является мечетью клецких мусульман.

Великая Отечественная война

Активным участником Великой Отечественной войны был известный среди белорусского и татарского народов писатель **Степан Хуссейнович Александрович**. Он родился в местечке Копыль, Минской области 15.12.1921 г. в семье белорусских татар, занимающихся огородничеством и выработкой кож. После окончания средней школы он поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета, откуда был взят в Красную Армию. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в Керченско-Феодосийской операции и взятии Керчи и Феодосии. В мае 1942 г. он был тяжело ранен, и в бессознательном состоянии попал в немецкий плен. Из плена ему удалось бежать и возвратиться на родину. Несмотря на тяжелую болезнь (туберкулез), он вступил в партизаны и до конца войны в качестве связного партизанской бригады им. Чапаева участвовал в войне против немецко-фашистских оккупантов. Ордена и медали, в том числе «Славы», достойно увенчали боевой путь С. Александровича. После войны он окончил университет и аспирантуру, и в 1958 г. успешно защитил кандидатскую, а в 1972 г. – докторскую диссертации и влился в ряды белорусских писателей. Он стал видным исследователем белорусской литературы, истории, краеведения, ему присвоили звание профессора, заслуженного работника культуры Беларуси. Он был высокообразованным человеком энциклопедических знаний, исключительно трудолюбивым, честным, справедливым и талантливым ученым-педагогом. Умер 1 мая 1986 г.

Белорусский татарин **Бекир Михайлович Смольский** (1913-1982), родом из Минска, потомственный дворянин, в годы Великой Отечественной войны воевал на Ленинградском, Волховском фронтах, оборонял Вязьму, освобождал Беларусь, Польшу. В чине подполковника инженерных войск командовал 158-м инженерно-саперным батальоном в составе 12-й инженерно-саперной Рижской Краснознаменной бригады, который занимался строительством мостов, прокладкой маршрутов для танков,

оборудованием командных пунктов, минированием и разминированием местности и т.д. Батальон действовал также в составе танковых десантов, в том числе в тылу врага, где проводил разведку укрепленных рубежей, взрывы мостов и другие операции. Б. Смольский окончил войну на Дальнем Востоке, где участвовал в разгроме Квантунской армии, награжден орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени и Красной звезды, восемью медалями. В послевоенное время был известен как ученый теплотехник, создатель научной школы теплофизиков в Беларуси, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент АН БССР, автор более 20 авторских свидетельств и нескольких сотен научных публикаций.

Активным участником Великой Отечественной войны был крымский татарин **Исмаил Исмаилович Меметов**, который своей добротой, подвигами, славой и трудолюбием украсил не только свой крымский край, где он родился, но и свою вторую родину – Беларусь, которую он также преданно любил и где был похоронен. Родился от 12.02.1916 г., в селении Буюк-Каролез возле Бахчисарая в семье Исмаила и Мумине. Отец его вместе с братом и сестрой умерли в «голодомор» в 1922 г. И.И. Меметов офицером сражался на фронтах войны, а в это время его мать и оставшихся родных вооруженный до зубов конвой этапировал вглубь Средней Азии. Его фронтовой путь – сквозь пули, снаряды, голод и холод он прошел через Россию, Беларусь, Прибалтику, Польшу и Германию. В звании подполковника в должности командира танкового батальона, имея за плечами больше 30 лет службы, он уволился в запас и остался на постоянное место жительства в г. Минске. За верную службу, подвиги, Меметов имел многочисленные боевые награды Советского Союза и Польши. Два его представления к награждению орденами уже после войны не осуществились из-за того, что он был крымским татаринном. В Беларуси он неоднократно избирался народным депутатом, был почетным членом белорусского объединения татар «Зикр-уль-Китаб», был талантливым мемуаристом, публицистом и

создателем крымскотатарско-белорусского словаря. Умер 7 декабря 1997 г. и похоронен в г. Минске.

Ниже приведена краткая характеристика участия татар Клецкого региона в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Одной из первых жертв татар этого региона в ВОВ был **Александр Корицкий**, проживавший до начала войны в г. Клецке. Он родился 20 декабря 1924 г. в г. Клецке в семье Давида и Фатимы (Хоты) Корицких (Хота из рода Александровичей). Отец Александра, Давид, оставил семью, а Фатима вышла замуж вторично за бывшего осадника польской армии, татарина из г. Ляховичи Якуба Богдановича, получившего надел земли возле Ляхович. До Второй мировой войны семья Богдановичей проживала на хуторе близ Ляхович и занималась сельским хозяйством. Сын Фатимы Александр жил и учился в Клецке, где окончил польскую семилетнюю школу и религиозную школу у годжиего.

После освобождения Западной Беларуси в 1939 г. семья Богдановичей одной из первых попадает на депортацию из Беларуси. Десятого февраля 1940 г. органы НКВД забрали всю семью, включая и прибывшего на побывку из Клецка Александра, погрузили в эшелон и в течение месяца, в ту суровую зиму, транспортировали вглубь России с периодическими остановками в Костромской области, затем на Козьей Речке в Ярославской области, и еще дальше на север в более отдаленные места. В марте 1943 г., после ухода Андерса в Иран, союзом польских патриотов была сформирована 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко, ставшая впоследствии основой польской народной армии. В эту дивизию вошли многие польские солдаты, отказавшиеся ехать в Иран, а также бывшие польские осадники, туда же добровольно вступил и 18-летний А. Корицкий. Пройдя небольшой курс обучения, первая польская дивизия им. Т. Костюшко впервые 12-13 октября 1943 г. вступила в бой с вооруженными до зубов немецко-фашистскими войсками у д. Ленино Могилевской области. В первых рядах наступающей пехоты были польские солдаты, которые плечом к плечу с советскими войсками шли под пули ради свободы Польши. За два дня тяжелых боев был убито почти две с половиной тысячи гитлеровцев, уничтожено немало

боевой техники врага. Польская дивизия также понесла большие потери – погибло 502 польских воина, 663 пропало без вести, советских солдат полегло более 1700. После этого боя пропал без вести и А. Корицкий. В справке Министерства обороны Польши (№ 147/49 1-й отдел) от 14.07.1949 года сообщается, что «рядовой А. Корицкий, сын Давида, урожденный 20.12.1924 г. в г. Клецке Новогрудского воеводства, верный принятой им присяге, сражаясь мужественно и героически за Польшу, пропал без вести 12 октября 1943 г.».

Участие татар Клецкого региона в ВОВ началось в июле 1944 г. после освобождения Клецка от немецко-фашистских захватчиков. Встречавшее победителей местное население живо интересовалось прежде всего теми изменениями в Советском Союзе, которые произошли после начала ВОВ. В частности, их интересовал отношение большевиков к религии, к землевладельцам и к частной собственности, к бывшим польским чиновникам и т.д. Не получив положительных ответов народ понял, что жизнь будет продолжаться по довоенному социалистическому пути. После освобождения г. Клецка была проведена мобилизация населения в советскую армию. Мобилизованные, в том числе и 18-летние юноши без особой подготовки сразу направлялись на фронт, что приводило к большим человеческим жертвам. Уже через один месяц после мобилизации родные получали похоронки, а многие были тяжело ранены. Сформированная в Клецке колонна мобилизованных мужчин, включавшая группу татар из 16 человек, 29 июля пешим маршем была направлена на сборный пункт в д. Заямное, что в 50 км от Клецка и в 3 км от г. Столбцы. После прибытия на сборный пункт более пожилые татары **Александрович Давид** (1906 г.р.), **Якубовский Хасень** (1906 г.р.), **Рафалович Бекир** (1910 г.р.) вскоре были отпущены по возрасту и трудоустроены в организациях связи, где и работали по восстановлению разрушенной связи в Клецком, Слуцком и Столбцовском районах.

В процессе формирования эшелонов в д. Заямное случайность сыграла определенную роль в последующих судьбах новобранцев – некоторые из них попали в запасной пехотный

полк, и уже через месяц оказались на фронте в горячих точках Пруссии, где многие из них погибали или были тяжело ранены. Так, была горячая точка войны, где немцы создали свою сильнейшую оборону нескольких линий, наштапованных минными полями, проволочными и противотанковыми заграждениями. Судьба татар на фронте складывалась у каждого по-своему, о чем более подробно будет рассказано ниже.

Жданович Якуб родился 10 февраля 1924 г. в Клецке в семье Ибрагима Якубовича Ждановича, участника Первой мировой войны и полного кавалера Георгиевских крестов, сына имама Клецкой общины, и Мерьемы из рода Александровичей. В довоенное время Якуб Жданович окончил польскую семилетнюю школу и религиозную школу у годжиего. Он в совершенстве овладел профессией гарбарства и огородничества, в последующие годы работал в кожевенных артелях в городах Клецке и Барановичи. На сборный пункт в д. Заямное он пришел на неделю раньше остальной группы татар, откуда попал в эшелон, направляющийся в пехотный полк в г. Овруч Житомирской области Украины. После кратковременного обучения и принятия присяги он направляется на фронт в Восточную Пруссию – сначала в минометную роту с 82 мм минометами, а после ее разгрома переводится в 291-й пехотный полк 63-й Краснознаменной Ковенской дивизии. По воспоминаниям Я. Ждановича, бои в Восточной Пруссии были очень тяжелыми, по количеству человеческих жертв и материальных потерь они не уступали боям под Сталинградом. В период наступления на сильно обороняющегося противника 291-й полк попал под массированный минометный обстрел вражеской артиллерии, в результате которого Жданович был тяжело ранен в руку и в бедро. На излечении он находился в медсанбате г. Вильнюса, демобилизовался из армии как инвалид Отечественной войны. В послевоенное время работал в организациях отдела культуры, сочетая эту работу с огородничеством и гарбарством. В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, с конца 70-х годов XX столетия является имамом клецкой общины, добросовестно продолжая дело,

которому посвятил свою жизнь его дед Якуб Мустафович Жданович.

Якубовский Адам родился в мае 1924 г. в Клецке в известной трудолюбивой семье Степана Якубовского и Лимы из семьи Шегидевичей. Семья владела крупным наделом земли (10 га) и активно занималась сельским хозяйством и гарбарством. А. Якубовский еще в довоенное время закончил польскую семилетнюю школу в г. Клецке, затем два класса общеобразовательной гимназии в г. Несвиже. В 1939-1941 гг. он учился в Клецкой средней школе, а во время оккупации продолжал учебу в г. Барановичи, заканчивая матуральные⁴⁴ курсы. Мобилизованный в июле 1944 г. Якубовский из сборного пункта был направлен в запасной пехотный полк в г. Овруч Житомирской области. Во время обучения и в длительных пеших походах под дождем и на открытом воздухе он простудился и тяжело заболел. После лечения в медсанбате был направлен в 291-й пехотный полк 63-й Краснознаменной Ковенской дивизии. В ее составе он участвовал в жестоких наступательных боях в Восточной Пруссии, и при очередном наступлении на оборонительный вал противника погиб 16 октября 1944 г. в возрасте 20 лет. Место гибели и захоронения неизвестны.

В группе татар из Клецка на сборном пункте был и Богушевич Александр. Он родился в 1910 году в г. Ляховичи в татарской семье Бекира и Евы (из Александровичей). Основным их занятием было гарбарство и огородничество, которое они выполняли на профессиональном уровне. Во время нахождения на сборном пункте его жена Мария Казакевич из д. Иваново родила вторую дочь, и Александр отпросился у руководства пункта на два дня, чтобы посмотреть на родившегося ребенка. В это время вся татарская группа была направлена в запасной артиллерийский полк, а возвратившийся через день Александр попадает в запасной

⁴⁴ Польские абитуриенты поступают в высшие учебные заведения на основании экзаменов, которые в Польше называются «матура». Обычно это польский язык, математика и иностранный язык, а также на выбор еще один углубленный экзамен по дополнительному предмету. – Прим. ред.

пехотный полк, и за две недели до Дня Победы 23.04.1945 г. погибает на фронте. Он похоронен в г. Цеперсдорф (Германия).

Соболевский Ян родился 11.09.1925 г. в д. Иваново в татарской семье Матвея и Розалии – тружеников сельского хозяйства. В довоенное время он закончил польскую семилетнюю школу в д. Лани, затем учился в Ланской средней школе и Клецкой технической средней школе. В начале оккупации Беларуси немецкими войсками он начал сотрудничать с партизанами Армии Крайовой (АК). Случилось это после того, как молодых ребят из д. Иваново и окружающих деревень, в том числе и Я. Соболевского в возрасте 16-17 лет, привезли в г. Барановичи на железнодорожную станцию для отправки в Германию. Здесь Яну помог избежать погрузки и уйти со станции один польский железнодорожник, который затем послал через Яна передачу в один из хуторов Несвижского района. Там же его попросили о передаче по адресу в Клецком районе. Такая связь через Яна продолжалась, хотя в этом он и не признавался из-за отрицательного отношения к АК немецкой, советской и польской властей. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков Я. Соболевский был мобилизован в Красную Армию. Со сборного пункта он направляется по маршруту Минск-Москва, а оттуда на юг в г. Сельцы на реке Оке в запасной 15-й полк пехоты. Заболел малярией, некоторое время он находился в госпитале и возвратился в свою часть в октябре 1944 г. Пройдя курс обучения, попадает в лагерь Алабино под Москвой, а оттуда на фронт по маршруту Минск – Вильнюс – Восточная Пруссия. На одной из станций вблизи фронта их эшелон был встречен «купцами» из действующей армии, которые по внешнему виду набирали себе команды. Так Я. Соболевский оказался в 88-м полку 33-й гвардейской Севастопольской дивизии пехоты, обеспечивающей наступление и взятие города Кенигсберга. В составе полка Ян был пулеметчиком, за ним был закреплен пулемет и два бойца-подносчика патронов. Они находились под непрерывным огнем вражеских снайперов. Особенно тяжелыми были бои за Кенигсберг, в одном из которых батальон подорвался на противотанковой mine. Я. Соболевский, будучи контужен,

продолжал идти в атаку под ураганным огнем противника, затем он был ранен осколком в голову, ему сорвало кожу, сломало кость, осколки мины попали в лицо, в грудь и в зубы. Ударной волной Яна отбросило в яму с водой, которая защитила его от обстрела врага и от немцев, добывающих наших солдат штыками. При последующей вражеской атаке Ян снова был ранен в руку и в живот, после чего он понял, что для него война закончена. Дальше была тяжелая и мучительная дорога в медпункт, в госпиталь, многочисленные операции и частичное выздоровление. Так Ян стал инвалидом ВОВ. Награжден орденом Красной Звезды и многими медалями, ему присвоено звание старший сержант. Демобилизован в сентябре 1945 г., в 1946 г. уехал в Польшу к родителям, проживал в Тштянке, затем в Познани, а в настоящее время живет в г. Белостоке. Длительное время был председателем Высшей коллегии Мусульманского религиозного объединения (муфтием Польши) и председателем совета ветеранов г. Белостока.

Трое из татар, направленных из сборного пункта д. Заямное в 45-й запасной артиллерийский полк в начале октября 1944 года были определены на фронт в 5-ю артиллерийскую дивизию 4-го корпуса Прорыва РКК (Резерва главного командования), где в дальнейшем они были рассредоточены по другим воинским формированиям. Среди них был **Александрович Али Адамович**, родился 20 августа 1925 г. в г. Клецке в семье Адама Александровича и Елены Соболевской из д. Иваново. До начала ВОВ А. Александрович закончил семилетнюю польскую школу и религиозную школу при Клецкой мечети, а в военное время окончил 6 классов русской средней школы, трехмесячные бухгалтерские курсы и двухлетнюю торгово-административную школу. После мобилизации в Красную Армию он с 45-го артиллерийского полка попадает в 139-й минометный полк 1-й бригады 5-й артиллерийской дивизии 4-го корпуса прорыва РКК. Этот полк после разгрома фашистской группировки под Львовом форсировал реку Висла и закрепился на Сандомирском плацдарме. В этом полку он был связистом и налаживал связь с огневыми позициями и артразведкой на переднем крае обороны плацдарма. В начале 1945 г. участвовал в боях за освобождение Варшавы,

Быдгоща, Познани, а затем в составе 1-го Белорусского фронта – в штурме и взятии Берлина. Награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Славы 3-й степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. После окончания войны – вычислитель и наводчик «Катюши» в г. Таллине, демобилизован в марте 1948 г. Затем после окончания 10-го класса Клецкой средней школы поступил в Минский юридический институт, который закончил в 1955 г. В дальнейшем работал в Барановичской прокуратуре, следователем прокуратуры Поставского района, зам. начальника милиции г. Поставы и начальником милиции Докшицкого района. Ему присвоены звания от лейтенанта милиции в 1957 г. до полковника милиции в 1977 г. С 1986 г. он находится на заслуженном отдыхе и проживает в г. Витебске.

Абрамович Хасень Ибрагимович родился 12 августа 1925 г. в г. Клецке в семье Ибрагима Бекировича и Фурши из семьи Александровичей. Основным видом деятельности семьи было сельское хозяйство, огородничество, гарбарство. Х. Абрамович успешно окончил польскую семилетнюю школу и татарскую школу при Клецкой мечети. После мобилизации в Красную Армию он из 45-го запасного артиллерийского полка попадает в начале октября 1944 г. на 1-й Белорусский фронт в состав 124-го минометного полка 5-й артиллерийской дивизии 4-го Корпуса прорыва РКК. Вначале был подносчиком мин, а затем наводчиком 120-мм миномета. В составе этого полка участвовал в боях при форсировании Вислы и освобождении Варшавы, Познани и Щецина. Весной 1945 г. участвовал в форсировании реки Одер, в штурме и взятии Берлина. В одном из боев под Берлином его миномет был уничтожен, после чего он стал разведчиком. За участие в боях за город Щецин Абрамович был награжден орденом Красной Звезды, также награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. После окончания войны закончил бригадную, сержантскую школу и получил звание сержанта. Демобилизовался

в 1950 г., после чего работал учителем физкультуры в средних школах Клецкого района, с 1984 г. находится на заслуженном отдыхе в г. Клецке.

Абрамович Ибрагим Матвеевич родился 16 февраля 1921 года в г. Клецке в семье Матвея и Марьемы Абрамович, занимающейся огородничеством и гарбарством. И. Абрамович успешно закончил польскую семилетнюю школу, татарскую школу при Клецкой мечети и стал верным мусульманином Клецкой общины. После мобилизации в Красную Армию он из 45-го запасного артиллерийского полка в начале октября 1944 г. был направлен в 122-й минометный полк 5-й артиллерийской дивизии 4-го Корпуса Прорыва РКК рядовым минометчиком, а затем стрелком в 125-м саперном полку. В начале 1945 г. принимал участие в форсировании реки Висла и взятии Варшавы, Познани и весной 1945 г. в штурме и взятии Берлина. В период наступления на Берлин был ранен в правую ногу и стал инвалидом войны. Награжден медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ». После демобилизации он продолжал трудиться в г. Клецке, занимаясь огородничеством и гарбарством. Умер в возрасте 70 лет.

Александрович Хасень Мустафович родился 20 апреля 1924 года в г. Клецке в семье Мустафы и Айши Александровичей – тружеников сельского хозяйства. До войны окончил польскую семилетнюю школу, татарскую школу при Клецкой мечети, а в военное время 7 классов русской средней школы. Затем были трехмесячные бухгалтерские курсы и двухлетняя административно-торговая школа. В 1944 г. из сборного пункта д. Заямное был направлен в 45-й артиллерийский запасной полк, где в сентябре-октябре 1944 года окончил шоферские курсы и был определен в 318-й истребительный противотанковый артиллерийский полк в качестве заряжающего 57-мм пушки и, при необходимости, шофера машины-тягача «Студебекер». В составе этого полка он участвовал в наступлении войск в западной Польше с выходом в г. Франкфурт-на-Одере, а после прорыва фронта участвовал в операции по взятию Берлина в районе г. Потсдама. Ему присвоено звание гвардейца, он награжден орденом

Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. После демобилизации в 1947 г. окончил 10 классов Клецкой средней школы, затем в 1953 году химический факультет Белорусского государственного университета, аспирантуру при Институте химии АН БССР. Кандидат наук с 1958 года, доктор наук и профессор с 1971 года, работал в Институте общей и неорганической химии АН БССР, награжден медалью «За трудовую доблесть», с 2007 года на заслуженном отдыхе и проживает в г. Минске.

Абрамович Бекир Ибрагимович родился 20.08.1917 г. в городе Клецке в Ибрагима Бекировича и Фурши Абрамович. Семья занималась сельским хозяйством и гарбарством на профессиональной основе. Бекир Абрамович дважды принимал участие во Второй мировой войне – первый раз в составе татарского полка уланов в сентябре 1939 г. (о чем было рассказано ранее) и второй раз – после освобождения Западной Беларуси в 1944 г. Со сборного пункта Заямное он был направлен в 45-й запасной артиллерийский полк, где по состоянию здоровья был зачислен в Комендантский взвод полка для охраны материальных и людских ресурсов полка и соблюдения военного режима и дисциплины. В начале 1945 г. он был направлен в действующую воинскую часть 1-го Белорусского фронта в Германию, в составе которой принимал участие в штурме и взятии Берлина. Награжден медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. Демобилизован в октябре 1945 г., работал в сельхозхимии г. Клецка, умер в 1993 г. в возрасте 76 лет.

Абрамович Мустафа Сулейманович родился 15 мая 1924 года в г. Клецке в семье Сулеймана и Фатимы Абрамовичей, которые занимались гарбарством, огородничеством и сельским хозяйством. Семья отличалась большим трудолюбием, честностью и добросовестностью. М. Абрамович со сборного пункта Заямное попадает в 45-й запасной артиллерийский полк, а в октябре 1944 г. в действующую фронтную часть – в 13-14-й артиллерийский полк Прорыва, в составе которого был орудийным номером 85-мм, 122-мм и 152-мм пушек. Участвовал рядом с пехотой в прорыве

обороны немецких войск в районе Варшавы, в Западной Польше и в Германии. Во время преследования вражеских войск в результате попадания немецкой мины в машину «Студебекер» М. Абрамович был тяжело ранен в правую ногу и руку. После излечения в госпитале г. Люблина он продолжал службу в 282-м стрелковом, а затем в 22-м инженерном аэродромном полку. Демобилизован в феврале 1948 г. инвалидом войны 1-й степени. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Варшавы», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. Умер в 2005 г.

Абрамович Бекир Хасеньевич родился 10 апреля 1925 года в г. Клецке в семье Хасеня и Айши Абрамович, занимавшейся сельским хозяйством и частично коммерцией. До начала войны Б. Абрамович окончил польскую семилетнюю школу и татарскую школу при Клецкой мечети, был он трудолюбивым, доброжелательным с окружающими людьми. В 1944 г. был мобилизован в Красную Армию. Со сборного пункта в Заямное был направлен в 45-й запасной артиллерийский полк, оттуда, после краткого обучения, в действующую артиллерийскую часть, в составе которой принимал участие в освобождении Варшавы, Западной Польши и взятии Берлина. Награжден медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. Демобилизован в 1948 г., работал в Заготконторе райсоюза г. Клецка. Умер в 1976 г.

Некоторые татары Клецкого региона принимали участие в ВОВ в составе Войска Польского. Среди них был **Байрашевский Генрих Степанович**, который родился 22 мая 1925 г. в д. Орда Клецкого района в семье, занимавшейся сельским хозяйством и гарбарством. До войны Г. Байрашевский окончил польскую семилетнюю школу, затем продолжил учебу в Барановичах сначала в гимназии, а затем в торгово-административной школе. В 1944 г. был мобилизован в Красную Армию, однако по состоянию здоровья получил отсрочку на 3 месяца. В ноябре 1944 г. был мобилизован в польскую армию и направлен в запасной полк в г. Белосток. После кратковременного обучения был отправлен на

фронт в 1-й полк легкой артиллерии 1-й дивизии им. Т. Костюшко, в составе которого прошел боевой путь за освобождение Варшавы, Быдгоща, Поморского Вала, а также с войсками 1-го Белорусского фронта участвовал в штурме и взятии Берлина. При форсировании реки Одер был ранен и контужен, после выздоровления принимал участие в водружении знамени Победы на Бранденбургских воротах. Демобилизован в 1946 г. как инвалид войны. Награжден медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в ВОВ» и польскими юбилейными медалями. После войны проживает в Польше.

Казакевич Александр Амуратович родился в 1924 г. в д. Орда Клецкого района в семье Амурата и Айши из семьи Соболевских. До войны он окончил польскую семилетнюю школу, затем продолжал учебу в средней торгово-административной школе в г. Барановичи. В июле 1944 г. был мобилизован в польскую армию, в составе которой принимал участие в войне против немецких оккупантов, освобождая Западную Польшу. Затем вместе с войсками 2-го Белорусского фронта – в штурме и взятии Берлина. Награжден польскими орденами и медалями. В последнее время постоянно проживал в Варшаве, где окончил высшую сельхозакадемию и работал профессором химии. Два года был на стажировке в США, принимал активное участие в строительстве мечети и татарского мизара в Варшаве. Умер в 2007 г. и похоронен в Варшаве.

Александрович Семен Александрович родился 15 апреля 1920 г. в г. Узда, Минской области. После окончания русской школы в г. Узде закончил Минский педагогический институт им. Горького. В 1941 году призван в Красную Армию, службу проходил в г. Ленинграде. Во время ВОВ активно сражался на Ленинградском фронте и защищал город Ленинград во время его блокады. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «В память 250-летия Ленинграда», «За доблестный и самоотверженный труд в ВОВ», «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. Демобилизован в 1946 г. и непрерывно проживал в г. Клецке, где работал учителем русского языка в

школе, а затем директором школы рабочей молодежи. Умер в 1971 г.

Жданович Якуб Мустафович родился в 1923 г. в г. Клецке. В 1944 г. был мобилизован в Красную Армию и был направлен в 45-й запасной артиллерийский полк. К сожалению, более подробных сведений о его участии в ВОВ у нас не имеется. Демобилизовался в 1947 г., проживал в г. Клецке, где и умер в 1987 г.

Жданович Хасан Мустафович родился 20 августа 1926 года в г. Клецке. В довоенное время окончил польскую семилетнюю школу и татарскую школу при Клецкой мечети. В 1944 году мобилизован в Красную Армию и направлен на 2-й Украинский фронт в 610-й стрелковый пехотный полк, в составе которого принимал участие в боях на южных направлениях Европы, в частности, в штурме и освобождении г. Будапешта. В бою при форсировании реки Грон он был ранен в руку, после чего находился на излечении в г. Махачкала. В 1945 г. был демобилизован как инвалид 2-й группы. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Германией в ВОВ» и юбилейными медалями. В послевоенное время проживал в г. Слониме, где и умер в 2006 г.

Ясинский Амурат Ибрагимович, 1910 г. р., проживал с 1942 г. в г. Клецке. В 1944 году был мобилизован в Красную Армию и находился на сборном пункте в д. Заямное и, как старший по возрасту, находился там продолжительное время. По заявлениям его родных он участвовал в ВОВ, в том числе в штурме и взятии Берлина, хотя более подробных сведений об участии в войне у нас нет. Умер в 1975 году в г. Клецке.

Участник ВОВ татарин из д. Иваново
Ян Соболевский (Белосток).

Абрамович Ибрагим Матвеевич

Участник ВОВ, татарин
Клецкой с/бщины
(1921-1991)

Участник ВОВ в составе войска
польского, татарин с д. Орда
Генрих Степанович Байрашевский
(1946 г.)

Рядовой Х.М. Александрович
и ст. сержант И. Шат (слева)
после окончания ВОВ (1945 г.
г. Бернбург, Германия)

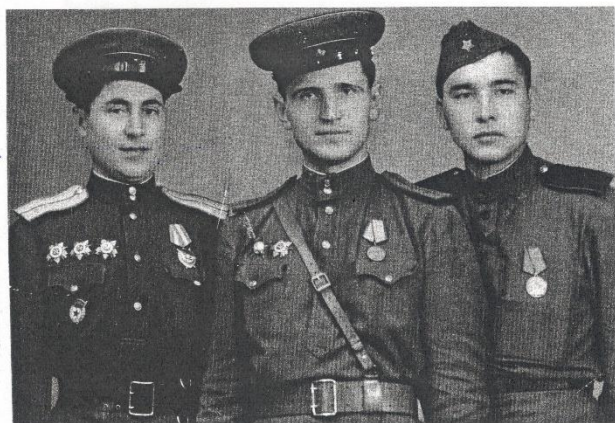

Участник ВОВ и блокады Ленинграда
Семен Александрович Александрович
(1920-1971) с Узды, после войны
проживал в г. Клецке.

Абрамович Бекир Хасеньевич
(фото военных лет)

↑ Участник ВОВ, татарин
Клецкой ссшины
(1925-1976 г.)

Участники ВОВ (1945 г.): справа налево -
рядовой Х. Александрович (Клецк), лейте-
нант Матвейков (Бобруйск) и капитан
Тухтаров (Казань).

Участник ВОВ, татарин
Клецкой общины Якуб
Ибрагимович Жданович
(1945 г.)
←

↑ Участник ВОВ^и польско-немец-
кой войны 1939 года, татарин
Клецкой общины Бекир Ибраги-
мович Абрамович (1917-1994 г.)

Участник ВОВ в составе поль-
ской армии, татарин Клецкой
общины Александр Амуратович
Казакевич (1924-2007)
← (Орда- Варшава).

Участие татар в партизанском движении

Рассматривая участие белорусско-польских татар во Второй мировой войне, и в частности, в партизанском движении в период немецко-фашистской оккупации, следует кратко охарактеризовать ситуацию в Западной Беларуси, предшествующую вступлению туда некоторых татар из татарских общин деревень Иваново и Орда Клецкого региона. Известно, что 1939 г. был трагическим для Польши, когда в сентябре этого года в результате немецко-польской войны, а затем вступления советских войск на территорию Запада Беларуси, польская государственность была ликвидирована. Ее территория, в соответствии с договором Молотова – Риббентропа была разделена между Германией и Советским Союзом. Польское население превратилось в национальное меньшинство, что тяжело воспринималось наиболее сознательной частью жителей и создало атмосферу страха, притесненности и незащитности. Закрывались польские школы, польский язык вытеснялся из обращения. Особо остро началась борьба против религии и, в первую очередь, против католицизма. Поэтому польское население Западной Беларуси, которое в большой степени потерпело от этого, было недовольно политикой советской власти на этих территориях. В такой ситуации при активной поддержке польского эмиграционного правительства в Лондоне и костела в некоторых районах Западной Беларуси начало создаваться польское националистическое подполье, вылившееся в создание польских партизанских отрядов под названием подпольной Армии Крайовой (АК). В АК были не только поляки, но и много белорусов. В нее входили «нацыянальна свядомыя» люди, и в некоторых регионах бойцы АК вошли в первые подразделения партизанского движения на территории Беларуси. Верные идеям независимости и свободы, отдельные подразделения продолжали партизанскую борьбу и после окончания ВОВ.

Создание АК было обусловлено рядом социально-экономических и политических факторов и появилось как в результате политики советской власти в отношении к польскому населению, так и геополитического нахождения Польши перед Второй мировой войной. Оно было связано с патриотизмом коренного польского этноса в Западной Беларуси, который считал себя частью своей родины Польши, а также с всеми теми преобразованиями советской власти, которые касались всех сфер жизни польского населения. По рассказу Я. Соболевского, с АК поддерживали связь отдельные татары общин Иваново и Орды, у которых в период 1939-1941 гг. укрывались преследуемые советской властью бывшие польские чиновники. Поэтому, как оказалось, после вступления немцев в Западную Беларусь многие татары были в списках советских органов в числе неблагонадежных и были первыми кандидатами на высылку в Сибирь. Только из-за начавшейся войны советские органы не успели этого сделать. Поэтому местное население встречало немцев не враждебно, тем более что первые фронтовые их части вели себя цивилизованно и культурно, были экипированы и выглядели значительно лучше советских солдат в 1939 году. Все это, как оказалось потом, было обманчивым, однако в это время истинное лицо фашизма народу не было известно.

Уже в первые дни и месяцы немецкой оккупации на бывших польских территориях начала формироваться, частично под влиянием польской организации АК, гражданская власть и полиция, в основном на основе своих людей, т.е. бывших польских чиновников, военных и им сочувствующих. Такой порядок вначале был поддержан и оккупировавшими Беларусь немцами. Это привело к тому, что вслед за поляками в эту власть пошли и некоторые татары из общин Иваново и Орды. Конечно, основная часть татарской молодежи была далека от политики, от немцев и от большевиков. Однако некоторые из них, недавно отслужившие кадровую службу в польской армии и получившие там соответствующую закалку, и идеологическую обработку, в поисках занятий и приложения своих сил ушли на службу в полицию.

Через несколько месяцев, после перехода власти в столице Беларуси Минске к белорусам, власть в регионах также сменилась на белорусскую – поляки были удалены из всех государственных учреждений, многие из них были расстреляны. По просьбе и рекомендации подпольных организаций АК и начавших появляться советских партизан, татарские ребята остались в белорусской полиции и впоследствии, через связных оказывали определенную помощь и аковцам, и советским партизанам. Среди них были **Хусейн Халембек**, житель д. Иваново, сын бывшего имама мечети в Осмолово. До 1939 г. он служил в польской армии, во время оккупации был в белорусской полиции. По рассказам местных жителей, в том числе и его связных, он передавал подпольщикам АК сведения о движении полицейских отрядов в регионе, о лицах, предполагавшихся немцами к аресту, и разоблачал доносчиков. Эти сведения передавались и советским партизанам, с которыми также были у них связи. Впоследствии Х. Халембек в 1944 г. вступил в армию войска польского (ВП) и принимал участие в боях в составе 2-й армии ВП, где был тяжело ранен и стал инвалидом войны. Он проживает сейчас в Польше, и ему уже исполнилось 90 лет.

Бронислав Соболевский из д. Иваново до 1939 г. учился в польской гимназии в Несвиже, затем, будучи призванным в польскую армию, учился в офицерской школе и служил в корпусе пограничной охраны. После освобождения Западной Беларуси в 1939-1941 гг. он скрывался от возможной его депортации на восток. После вступления немцев в Западную Беларусь он поступил на службу в полицию и тесно сотрудничал с подпольной АК. В 1944 г. во время продвижения фронта на Запад, был тяжело ранен, находился на лечении в д. Иваново. При этом у него были документы, подтверждающие его связь с партизанами, поэтому советские войска не предъявляли ему претензий по его прошлой деятельности. Однако впоследствии органы НКВД посчитали организацию АК националистической и враждебной, а ее участников стали преследовать. Б. Соболевский был осужден на 10 лет не только за службу в полиции, но и за связь с АК. Многолетнее пребывание в советских лагерях подорвало его

здоровье и, возвратившись домой, он вскоре умер. Многие жители г. Несвижа, знавшие этих татар, вспоминали их добрым словом и положительно отзывались о прошлых контактах с ними.

Мустафа Байрашевский, житель д. Иваново, до войны учился в ремесленном училище, в 1940 г. был призван в Красную Армию, участвовал в боях на фронте, был в немецком плену, откуда тяжело больным бежал и возвратился в д. Иваново. После выздоровления в 1943 г. вместе с отступающими немцами ушел на Запад и находился в немецких лагерях. После возвращения на родину был осужден советскими органами на 10 лет принудительных работ, после отбытия которых он тяжело болел и вскоре умер.

Якуб Казакевич до 1939 г. служил в татарском эскадроне в Новой Вилейке, участвовал в первых боях с немцами, после поражения польской армии он попал в советский лагерь военнопленных, откуда возвратился в д. Иваново, где работал в сельском хозяйстве. В 1943 г. был мобилизован в белорусскую полицию и стал начальником охраны г. Несвижа. Там он был связан с партизанами АК и Красной Армии. Я. Соболевский, будучи подростком, в это время передавал Я Казакевичу передачи (письма и деньги) от тех и других партизан, которые были предназначены для выкупа заключенных. Отступая на Запад, немцы в 1944 г. приказали Казакевичу ликвидировать всех заключенных в Несвиже и сжечь здание тюрьмы. Однако он этого приказа не выполнил, а выпустил всех заключенных на волю и вместе с ними покинул Несвиж. Во второй половине 1944 г. он оказался в польской армии (2-й армии ВП) и принимал участие в боях под Колобжегом и на Поморском Валу. В 1945 г. был демобилизован и работал в сельском хозяйстве, затем жил в Силезии, где вскоре умер.

Для связи с Казакевичем партизаны АК и Красной Армии использовали малолетнего (17 лет) Яна Соболевского, который был в Иваново и Несвиже личностью вне подозрений, имел в паспорте отметку о занятости и поэтому его считали своим человеком. Кроме того, установлению его связей с партизанами способствовал еще один татарин – родственник Яна Соболевского

из д. Орда **Мухтар Иосифович Корицкий**. Среди мусульман Клецкого региона фамилия Корицких широко известна – еще в конце XIX и начале XX веков Корицкие в районе Иваново, Орды, Осмолово владели более 100 десятин земли, на их землях в Осмолово была построена мечеть, а также открыт мизар для татар этого региона, действующий и по сей день. Отец Мухтара Иосиф Корицкий еще в довоенное время был имамом мечети в Крушинянах. После его смерти семья переехала в д. Орда. Мухтар Корицкий в 1939 г. учился в ремесленном училище. В 1940 г. он направился в Магнитогорск, где поступил в металлургический техникум, а после начала ВОВ был мобилизован в Красную Армию, в составе которой был на фронте и попал в немецкий плен. Из плена он бежал и возвратился в д. Орда и затем в г. Клецк. В 1942 г. вступил в белорусскую полицию, а в 1943 г. с оружием в руках он ушел в партизаны Красной Армии, вслед за ним туда же пошел и его брат Адам Корицкий. Мухтар быстро проявил себя в партизанах и способствовал привлечению для связи Я. Соболевского, который тогда жил в Клецке и проходил школьную практику в механических мастерских. Находясь в контакте со многими людьми, Ян знал о ситуации в городе – об арестах, расстрелах, перемещении немецких войск. По субботам, направляясь за продуктами в Иваново, он встречался в Демидовском лесу с Мухтаром Корицким и сообщал ему о ситуации в Клецке. Особенно Корицкий интересовался движением транспорта на фронт через железнодорожную станцию г. Клецка, о чем школьники-практиканты были осведомлены, так как часто принимали участие в загрузке и разгрузке вагонов с неисправным вооружением. Мухтар часто приезжал на лошади в Иваново, где у него была надежная защита от появляющихся там полицаев. Вскоре Мухтар был переведен в другой партизанский отряд, а в 1944 г. в составе Красной Армии он участвовал в боях на фронте в Восточной Пруссии. Дальнейшая судьба его неизвестна. В книге «Память» Клецкого района (стр. 383) Корицкий М.И. числится пропавшим без вести в декабре 1944 г.

Его младший брат **Адам Корицкий**, 1925 г. р., совместно с братом находился в партизанах, а затем вместе они были на фронте

в стрелковом полку. Был ранен и контужен, демобилизован в 1945 г. после лечения в госпитале. Награжден медалями и орденами Отечественной войны. Умер в 1982 г. в г. Клецке. Более подробных сведений о нем не имеется.

После освобождения Западной Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г., кроме мобилизации в ряды Красной Армии некоторые татары были направлены на принудительные работы. Среди них был житель из Иваново **Казакевич Александр**. Его в армию не взяли из-за плохого зрения, а на принудительные работы мобилизовали и отправили в Балахну Нижегородской области на деревообрабатывающие предприятия. Бараки, где жили рабочие, не отапливались даже при морозе -40°C , поэтому люди спали часто у парового котла. В результате этого Казакевич заболел воспалением легких, а затем и туберкулезом, и попал в госпиталь. Всю зиму 1945–1946 гг. он лечился от туберкулеза, а весной 1946 г. эмигрировал в Польшу.

Аналогичная ситуация произошла с татаринном из Клецка **Якубовским Бекиром**, 1927 г. р., мобилизованным на трудовой фронт и работавшим в шахтах Свердловской области, где он тяжело работал, голодал и замерзал. Будучи 17-летним подростком, он в течение двух лет работал в тяжелых антисанитарных условиях, при 12-ти часовом рабочем дне и постоянном недоедании. Он перенес значительно больше трудностей, чем его старшие товарищи, мобилизованные в Красную Армию, из-за чего его здоровье резко ухудшилось. Как раз в это время, т. е., в 1946 г., из Западной Беларуси началась эмиграция польских граждан в Польшу, куда выезжала также родная тетя Бекира Ева Якубовская. После ее длительных и мучительных ходатайств перед советскими органами она добилась освобождения Бекира из шахт и выезда вместе с ним в Польшу. Там он закончил электротехническую школу, затем работал на электростанциях г. Гданьска, а на общественных началах исполнял обязанности имама татарской общины в г. Гданьске. Находясь на этом посту, принимал активное участие в возрождении ислама в Польше, Беларуси и Литве. Однако болезни юных лет не

позволили ему целиком посвятить себя этому делу, и в возрасте 73-х лет он умер.

Завершая свои воспоминания о жизни татар в период Второй мировой войны, хотелось бы вкратце рассказать об отношении белорусско-польских татар к Союзу татарской молодежи. В последнее время в литературе появилась публикация о Великой Отечественной войне – книга А. Ковалени «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Мінск, 1999г.», посвященная деятельности в период фашистской оккупации в Беларуси молодежных организаций, в частности: Союза белорусской молодежи (СБМ), Союза русской молодежи (СРМ), Союза татарской молодежи (СТМ), Союза борьбы против большевиков (СБсБ). Зная ситуацию о жизни того периода времени, мне хотелось бы высказать некоторые соображения, касающиеся, в частности, Союза татарской молодежи.

Утверждение автора книги о том, что «летам 1941 года на захопленай германскім войскам тэрыторыі Беларусі атрымаў распаўсюджанне стыхійны рух моладзі супраць акупантаў» сильно преувеличено и мало соответствует действительности. Ничего похожего летом 1941 г. не было, а была только паника среди гражданского населения и бывших военных, которые продолжали отступление, в основном, лесными тропами на восток. Большинство гражданского населения, в том числе и бывшие служащие из СССР, которых советские органы не пропустили в Союз через старую польско-советскую границу, осталось в оккупации.

Указанная выше книга в большей степени посвящена Союзу белорусской молодежи – его созданию, организационным принципам и политической сущности этой организации, тогда как другие организации – СТМ, СРМ и СБсБ рассмотрены в меньшей степени, так как никаких практических действий со стороны этих союзов не было и ставить их в один ряд с СБМ было бы неправильно. Поэтому, как утверждает сам автор, «публикаций о союзах татарской, русской и другой молодежи практически не было, кроме некоторых архивных документов и материалов в Комитете госбезопасности РБ».

В действительности, и Союза татарской молодежи на оккупированной территории Беларуси не существовало, а появился он только «виртуально», в головах некоторых представителей татарского муфтията в конце 1943 г., пожелавших создать союз для оправдания своего пребывания в период немецкой оккупации. О нем заговорили после освобождения Западной Беларуси, видимо, после появления материалов допроса номинально существовавшего начальника штаба СТМ Х. Якубовского, арестованного органами НКВД в 1945 году и осужденного на 5 лет принудительных работ. Среди упоминаемых в книге татарских общин городов Клецка, Ляховичей, Мира, д. Иваново и др. в течение трех лет оккупации никто ничего не знал и не слышал о создании СТМ и тем более о его деятельности. Х. Якубовский неоднократно в 1943-1944 гг. посещал город Клецк, но не для организации СТМ, а навещал родителей своей жены Тамары Богушевич, на которой был женат с 1943 г.

Вспоминая события тех лет, хотелось бы подчеркнуть, что молодежные организации СБМ и СТМ – это две несравнимые между собой аббревиатуры. В свете политической, демографической и социально-экономической ситуации того времени вряд ли можно серьезно говорить о существовавшей тогда возможности создания СТМ в Беларуси по следующим причинам:

– у татар отсутствовала национальная идея, за которую можно было бы агитировать и поднимать на войну татарскую молодежь в Беларуси, так как Польша была повержена теми же фашистами, а о Крыме татарская молодежь Беларуси ничего не знала – ни языка, ни культуры, ни политических планов крымского народа и т.д.;

– большинство татарской молодежи занималось тяжелым физическим трудом, было безграмотным и пассивным, не имело своей интеллигенции, а национальное самосознание и патриотическое воспитание были крайне низкими;

– для создания СТМ отсутствовали материальная и людская база в Беларуси, потому что если организация СБМ от 5-7 миллионного белорусского народа смогла собрать 15-20 тыс.

человек, то организация СТМ от 4-5 тыс. татар Беларуси, при одинаковой активности с белорусами, смогла бы собрать не более 10-15 человек. Можно ли всерьез говорить о СТМ в таком количестве как о политической организации?! А также, по А. Ковалене, о том, что «в городах Беларуси с татарской диаспорой в период оккупации существовала разветвленная сеть молодежной профашистски настроенной татарской организации, которая представляла большую опасность для советского государства»?!

Таким образом, реальной базы для создания СТМ на основе малочисленных татарских общин Беларуси не существовало. Возможно, это явилось одной из причин такого длительного процесса формирования СТМ, который, по данным автора этой книги, длился с середины 1943 г. и завершился только 19 мая 1944 г., то есть за 1,5 месяца до освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Можно ли было за такой короткий срок создать в местах компактного проживания татар организационные центры по формированию СТМ? Конечно, нет, поэтому никто из коренных жителей указанных в книге татарских общин не знал и не слышал об организации и существовании таких центров. Так, идея о Союзе татарской молодежи, рожденная в умах людей, далеких от реальной жизни, и попавшая затем в архивы советской службы безопасности, явилась тем материалом, на основе которого современные историки пытаются установить «истину» и «полную правду» в новейшей истории.

В связи с ранее упоминавшимся Х. Якубовским, хотелось бы сказать о нем несколько подробнее, так как он был обвинен в националистической антисоветской деятельности. Эти обвинения не имеют под собой никакой почвы, а были сфабрикованы во время допроса, в том числе и принудительного. **Хусsein Мухарремович Якубовский** родился в 1919 г. в Вильно в трудолюбивой, многодетной семье, которая в 1939 г. переехала в пригород Вильно Неиж. Он успешно закончил школу, лицей и гимназию в г. Вильно, владел несколькими языками – польским, литовским, русским, белорусским, немецким. Он отличался врожденными задатками истинного интеллигента, был уравновешен, общителен, жизнерадостен и доброжелателен. В

составе довоенной татарской интеллигенции участвовал в создании в татарских общинах культурно-просветительских центров, призывая молодежь к учебе, активному участию в культурной и спортивной жизни. Тяжелой была его жизнь в период немецкой оккупации, так как, находясь в молодом возрасте, он мог быть в любое время мобилизован в полицию, армию, либо вывезен на работы в Германию. Являясь истинным мусульманином, он продолжал заниматься исламскими культурно-просветительскими делами в общинах Литвы и Беларуси и способствовал тому, чтобы сохранить и защитить татарскую молодежь от вывоза в Германию и от последующих возможных репрессивных мер со стороны советского государства. К концу оккупации он стал формальным руководителем Союза татарской молодежи, который был создан за месяц до освобождения Беларуси от немецких оккупантов. Он даже представить себе не мог, что за такую «деятельность» ему придется так дорого заплатить после освобождения Беларуси, в противном случае он мог бы выехать на Запад вместе со многими тогда выезжавшими эмигрантами. 15 мая 1945 г. Якубовский был арестован в Нежежисе и помещен в тюрьму в Лукишках, где ему было предъявлено обвинение в антисоветской националистической деятельности по объединению татар и поддержке крымско-татарского движения, за что он был осужден и вывезен на угольные шахты в Печору, а затем в Сибирь, на лесоразработки. В конце 1953 г., после 9-летнего заключения он был освобожден и изможденный, морально и физически разбитый, возвратился в семью в Нежежис. Здесь он с клеймом «врага народа» какое-то время работал в колхозе, а в 1988 г. в возрасте 69 лет умер и похоронен на мизаре в Нежежисе рядом с могилой своей дочери, умершей в возрасте 32 лет.

На пути к возрождению

В жизни белорусско-польских татар в XX столетии произошли судьбоносные изменения в этнической устойчивости. Пройдя через революцию 1917 г., две мировые войны, оккупацию и сталинские репрессии, они потеряли свою элиту и интеллигенцию. Коммунистическая и атеистическая идеология советского государства оказала разрушительное влияние на татарское национальное меньшинство. Резко ослабло влияние религии на этническую устойчивость и национальное самосознание, интенсивно продолжались миграция и дисперсное расселение татар среди других народов и национальных диаспор, что привело к сокращению их количественного состава. В условиях сложных политических, социально-экономических и демографических процессов все это способствовало развитию ассимиляционного процесса поглощения их другими народами и самоликвидации. Перед оставшимися татарами встала проблема физического и нравственного сохранения нации и ее возрождения из бездны национального нигилизма, отсталости и страха.

После распада Советского Союза в конце XX века перед всеми его республиками появились перспективы социального, политического и экономического развития, стало возможным возрождение этнических групп. 75-летний эксперимент строительства советской империи показал, что на основе марксистской теории невозможно построить полиэтническое многоконфессиональное государство, в котором различные этнические группы находились бы на равных ступенях развития. В последние два десятилетия вместе с развитием других конфессий в Беларуси началось возрождение ислама, которое было направлено на изучение и пропаганду богатых исторических традиций и культуры своих предков – белорусско-польско-литовских татар, на организационное их объединение с целью возрождения религии ислама.

Возрождение национальных меньшинств на Беларуси стало возможным благодаря произошедшим в последние десятилетия

некоторым демократическим преобразованиям. Принятые законы о национальных меньшинствах, свободе вероисповедования и религиозных организациях, вместе с ратифицированными страной международными документами, создали законодательную и правовую основу для развития народов и конфессий на Беларуси и начавшегося в 90-х годах XX века процесса возрождения. Начало возрождения татарской этнической общности на Беларуси связано с именами ученого **Ибрагима Борисовича Канапацкого**, историка, кандидата исторических наук, доцента Белорусского государственного педагогического университета, видного общественного и религиозного деятеля Республики; историка и географа, лауреата Государственной премии Беларуси, талантливого энциклопедиста **Якуба Адамовича Якубовского**, представителя белорусских татар, подполковника в запасе; ветерана Великой отечественной войны **Исмаила Исмаиловича Меметова**; представителей татар Западной Беларуси **Матвея Мустафовича Богдановича**, **Исмаила Мустафовича Александровича**, **Исмаила Мухарремовича Вороновича**, **Абу-Бекира Юхьяновича Шабановича**, **Сулеймана Матвеевича Байрашевского** и многих других представителей татарской интеллигенции. Они были в числе первых, кто начал движение за возрождение белорусских татар, их традиций и религии ислама. Выходцы из татарских семей Беларуси, они чувствовали свою близкую сопричастность с судьбой всей татарской общности, чувствовали себя обязанными сделать так, чтобы люди татарского происхождения не скрывали его, своей национальности, фамилии и имен, и не страдали от этого. Окружающее население часто с недоверием относилось к проживающим здесь татарам со смуглой кожей, выступающими на лице скулами, характерным разрезом глаз, которые давно потеряли язык, а традиции сохранили только благодаря религии и самоизоляции от общества, либо из-за «темноты» старшего поколения, твердо придерживающегося веры и обычаев своих предков. Этой группе татар необходимо было вернуть сознание самобытности и гордости за свои корни и происхождение.

До конца 90-х гг. XX в. исторических сведений о жизни татар Беларуси публиковалось очень мало. Поэтому **И. Канапацкий** и **Я. Якубовский** начали распространять татарскую тематику в печати и на радио, стали появляться публикации, научные работы и книги о белорусско-польско-литовских татарах. В 1991 г. появился журнал «Байрам» на белорусском языке, главным редактором которого в 1991-1999 гг. был Я. Якубовский, а с 1999 г.⁴⁵ – И. Канапацкий. Обладающие даром литераторов и публицистов, они много сделали для того, чтобы издания «Байрам», «Аль-Ислам», газеты «Жизнь» и другие издания были содержательны и интересны, объективно отражали историю, культуру, повседневную жизнь татарского народа в современной Беларуси. Они были авторами и инициаторами каталога первой в Беларуси выставки «Рукописные и печатные книги белорусских татар» (1997 г.). Свои научные и организаторские способности они направляли на изучение и пропаганду исторических событий в культуре татар, что способствовало их самоидентификации как национальной, религиозной и культурной общности и активному включению их, наряду с другими диаспорами, в процесс этнического, культурного и религиозного возрождения.

В 1991 г. было создано Белорусское общественно-культурное объединение татар-мусульман «Аль-Китаб» во главе с **А.-Б. Шабановичем**, а в 1994 г. на первом всебелорусском съезде мусульман – Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь во главе с муфтием **И. Александровичем** и заместителем муфтия **И. Канапацким**. Муфтият стал руководить и координировать работу существовавших тогда 25-ти мусульманских общин на территории Беларуси. В 1997 г. было создано Белорусское региональное Объединение татарской молодежи. Руководство этих объединений выезжало в татарские общины городов и деревень Беларуси, где создавали и оформляли татарские общины, выступали с концертами татарской музыки, песен и танцев. Одновременно велась активная редакционно-издательская и публицистическая деятельность: в 1993 г. **И.**

⁴⁵ После смерти Я. Якубовского в 1998 г. – Прим.ред.

Канапацкий совместно с **С. Думиным** издали монографию «Беларускія татары – мінулае і сучаснасць», а в 2000 г. **И. Канапацким** совместно с **А. Смоликом** книгу «История и культура белорусских татар». В энциклопедии истории Беларуси (т. 6 кн. 1, Минск, 2001 г.) была опубликована капитальная статья под названием «Татары», а также многочисленные статьи в газетах и журналах. Было организовано и проведено 11 международных научно-практических конференций, посвященных истории и культуре татарских и тюркских народов, проживающих 600 лет на территории современной Беларуси, Польши, Литвы, что позволило далеко за пределами Беларуси расширить знания и поднять авторитет этой группы татарского этноса.

Объединившаяся вокруг «Аль-Китаба» и муфтията группа татарских патриотов-активистов в своей деятельности руководствовалась тем, что ислам как религия была главной и единственной силой, которая охраняла татар от ассимиляции, поэтому строительство мечетей и возрождение мусульманской религии стало не самоцелью, а важным этапом на пути сохранения этно-конфессиональной культуры и духовного наследия татарского народа. Они прилагали большие усилия для восстановления мечетей в Слониме (1994 г.), Смиловичах (1997 г.), Новогрудке (1997 г.), Видзах (1999 г.), Клецке (2000 г.), Молодечно (2000 г.), Ловчицах (2002 г.), а в последние годы особенно большое внимание уделялось строительству мечети в Минске и восстановленному проекту довоенной постройки. Правда, эти мечети не совсем похожи на довоенные, а больше на молельные дома, однако, создать и построить их в послевоенное время было очень непросто, и только благодаря активности проживающих в общинах татар, руководству муфтията, а также благотворительной помощи спонсоров-мусульман из исламских стран Ближнего Востока удалось их построить и, соответственно, оборудовать под молельные дома. В начавшемся благородном процессе возрождения ислама в татарских диаспорах на местах появились истинные таланты – патриоты своего народа, хорошо знающие нормы ислама и старые татарские традиции, которые во многом способствовали возрождению и жизнедеятельности этих

конфессий. Среди них в упоминавшийся ранее Клецкой татарской общине следует назвать имена таких активных мусульман, как ныне покойные **Аминя Ибрагимовна Казакевич, Фаина Хасеньевна Якубовская**, ныне проживающие в Клецке **Хасень и Аминя Абрамовичи, Роман и Галина Абрагимовичи, Феда и Мерьема Корицкие, Измаил Мухарремович Воронович, Александр Степанович Байрашевский** и другие. Так, Аминя Казакевич была непременным участником всех татарских мероприятий, связанных с проведением похорон, имянаречений, поминальных вечеров и др. совместно с Фаиной Якубовской она наравне с мужчинами участвовала в чтении Корана и «Ясней»⁴⁶ при похоронах умерших и их поминаниях. Эти и другие женщины прекрасно владели искусством приготовления традиционных татарских блюд и напитков – колдунов, джаймы, сыты, гальмы, раздаваемых в качестве садаки на кладбищах и в процессе других мероприятий.

Мужская часть населения, кроме сооружения и приспособления дома-мечети для молитв, выполняла большую работу по упорядочению татарских кладбищ – мизаров, их очистки, в сооружении их оград и подъездных дорог. Так, **Якуб Жданович, Хасень Абрамович, Галина и Роман Абрагимовичи**, возглавлявшие в течение ряда лет общину клецких татар, многое сделали для ее организации и становления в тяжелый период действия коммунистической идеологии. К сожалению, со стороны советского государства отношение к клецкому мизару было индифферентным. Так, мизар, расположенный на расстоянии 12 км от Клецка в д. Осмолово Несвижского района, не имел подъездной дороги до 2006 г., что вызывало особенно большие трудности зимой и ранней весной. Коммунальные службы города не оказывали никакой помощи в захоронении умерших. Пример этому: в январе 1978 г. умер наш отец в г. Клецке, была снежная и морозная зима, по татарскому обычаю вместо гроба применяют доски, которые нигде нельзя было купить и их следовало добывать самим. Машину для транспортировки умершего также пришлось

⁴⁶ Многократном чтении суры 36 «Йа-Син». – Прим. ред.

искать самому, грузовая машина смогла добраться только до Лани, а на остальную часть пути (2 км) необходимо было искать лошадь с санями, что уже в то время было дефицитом. Сопровождавшие люди добирались до мизара и обратно пешком, через заснеженное поле с высотой покрова полметра. Все это вызывает тяжелые воспоминания.

Руководство муфтията и культурного объединения «Аль-Китаб» в период начавшегося возрождения достойно представляли белорусско-польских татар за рубежом. В 1999 г. их делегация встречалась с президентом Турецкой Республики Северного Кипра, в 2000 г. – с представителями комиссии по национальным меньшинствам Конгресса США в Вашингтоне, где посетила татарскую колонию выходцев из ВКЛ в Нью-Йорке. В 1999 г. и позже неоднократно татарская делегация посещала Ливийскую Джамахирию, в 2000 г. – республику Чад, в 2001 г. – Ирак, в 2004 г. – Иерусалим, неоднократно бывала в Турецкой Республике, Польше, Литве, Татарстане, Крыму и других странах и регионах. Очень много внимания уделялось сбору исторической информации о жизни и деятельности татар в прошлом и настоящем. Такие материалы широко публиковались в газетах «Жизнь», «Жыццё татарскае», в квартальнике «Байрам» и материалах конференций. Много исторических материальных реликвий было собрано для будущего татарского музея (документы, письма, вышивки, мугиры и др.). Были налажены тесные и дружеские связи с активом татарских диаспор в Польше, Литве. В частности, велась широкая корреспонденция по вопросам возрождения ислама за рубежом с **Матвеем (Мусой) Канапацким** в Польше, с **Селимом Хазбиевичем** – имамом в г. Гданьске, с **Яном Соболевским** – бывшим муфтием Польши, с **Романом Соболевским** – бывшим председателем Верховного управления мусульман Польши, с **Евой Воронович** – женой бывшего имама г. Варшавы и многими другими.

В последние десятилетия стали возрождаться забытые ранее мусульманские традиции, в частности, обряд жертвоприношения на мусульманский праздник Курбан-байрам. Члены муфтията вели активную работу с представителями дипломатических миссий

арабских стран в Беларуси по приобретению для татарских общин соответствующих канону животных, а также для совершения акта их жертвоприношения и последующего распределения мяса нуждающимся верующим мусульманам. Активом муфтията было организовано посещение Беларуси бригадой медицинских работников из Татарстана и Башкирии для оказания медицинской помощи нуждающимся мусульманам в ряде татарских общин Беларуси. Были также организованы летние детские лагеря для оздоровления детей и многое другое.

В целом, однако, следует признать, что вопросы национального и культурного возрождения и развития татарской этнической общности на Беларуси решаются нелегко и неоднозначно. Причины этому разные – объективные и субъективные, вызванные различным пониманием роли ислама в жизни татар центральной Европы и отношением мусульман с различным национальным самосознанием к сложному и трудному процессу возрождения. Известно, что в конце 20-го столетия количество мусульман в Беларуси возросло в 2-3 раза за счет иммиграции из стран бывшего Советского Союза (Татарстана, Башкирии, Урала, Сибири, Азербайджана, Крыма, республик Кавказа и др.), а также студентов, бывших и настоящих, из стран Средней Азии, Ближнего Востока и Северной Африки. Большинство представителей этих стран исламского мира мало знакомы с историей, традициями и спецификой жизни белорусских татар. Они часто стремятся навязывать свое видение ислама, считая его наиболее верным. Появились люди, обостренно воспринимающие ситуацию вокруг мусульманской религиозной организации в Беларуси, которые стремятся разжигать страсти и конфликты между верующими, пытаются разделить мусульман на категории по признакам расы и национальности. В процессы возрождения примешиваются подозрительность, зависть, высокомерие, стремление к власти и соперничеству, охаиваются действия и поступки других мусульман, а также используются в своих интересах родственные и земляческие связи. Все это отрицательно сказалось на работе муфтията, и, особенно, на

строительстве соборной мечети в Минске, финансирование строительства на неопределенное время было заморожено.⁴⁷

В начале 90-х гг. председателем Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь (МРО в РБ) (муфтием) был избран **Исмаил Мустафович Александрович**. Это белорусско-польский татарин из Клецка, в котором он в середине 30-х годов XX века осваивал основы ислама у годжего – помощника имама, параллельно обучаясь в польской, затем в белорусской и русской школах. На этой должности, впоследствии, он переизбирался четыре раза, и в 1998 г. совершал хадж в Мекку, в Саудовской Аравии, к главным святыням ислама – мечети, окружающей храм Каабу со знаменитым черным камнем, посланным с неба, мечети с могилой пророка Мухаммада (мир ему) в Медине. Исмаил Мустафович после окончания строительного факультета Белорусского политехнического института и последующей работы на целинных землях, а также более чем двадцатилетней работы инженером в «Минскпроекте» и главным инженером в «Оргтехпроекте», принял активное участие в возрождении уничтоженной в Минске старой мечети (см. фото в приложении). Соборная мечеть в Минске должна стать центром и символом возрождения духовных ценностей мировой религии Ислама в центре Европы. В ней, кроме основной площади (930 м²) для молитвенных целей, запланирован на цокольном этаже зал заседаний на 200 мест, музей, библиотека, школа изучения арабского языка и Корана. Почти 6 лет шла работа над проектом здания. Собственных средств на проектирование и строительство у немногочисленных общин белорусских мусульман Минска и Беларуси не было. После длительных поисков (более 8 лет) был найден спонсор для строительства мечети, которым стала благотворительная организация «Рабита» (Всемирная Исламская Лига) в Саудовской Аравии. В феврале 2004 г. была произведена торжественная закладка первого бетонного блока в фундамент мечети, причем не символического камня, как это было в 1994 и

⁴⁷ Минская Соборная мечеть была достроена и открыта в 2016 г. при поддержке братской Турции. – Прим.ред.

1997 г., а фундаментального блока, согласно проекта. До этого были выполнены работы по ограждению площадки, подведению коммуникаций, возведению бытовых помещений для рабочих, и временного помещения для молитв и собраний. В последующие месяцы этого года проведены бетонирование подпорной стены мечети, уложены кирпичи цокольного этажа и начальной части минарета. Построить мечеть предполагалось в течение одного-двух лет. Многие мусульмане Минска во имя святого дела возрождения принимали активное участие в выполнении многих работ.

Однако, начиная с 2005 г., темпы строительства мечети начали снижаться, частично из-за затяжек с перечислением денег от спонсора, сумма которых на конец 2004 г. составляла только 25 % от полной стоимости мечети, а главное, в связи с возникшими попытками раскола среди мусульман Беларуси и муфтията. Известно, что в начале XXI столетия (по приблизительным подсчетам) в Республике Беларусь проживало около 100 тыс. человек (более двух десятков мусульманских национальностей) – последователей мусульманской культуры. Вся эта национально-религиозная общность является многоликой, разноязычной и относится к различным народам и расам со своими национальными обычаями и традициями, но объединенной Исламом. Поэтому следовать призыву Пророка (мир ему: «Не враждайте между собой, не завидуйте друг другу, не отворачивайтесь друг от друга, не порывайте отношений друг с другом, будьте братьями, о рабы Аллаха!») – было сложно, и тяжело сохранить единство и сплоченность мусульман во имя будущего возрождения ислама в нашем крае. Среди мусульман предпринимались попытки внести раскол в дело возрождения Ислама. Некоторые амбициозные их представители, объявив себя защитниками традиционного ислама, создали на базе нескольких общин свой новый муфтият «Духовное управление мусульман в Республике Беларусь» (ДУМБел). В результате некоторые общины в Минске и Витебске распались, а община мусульман г. Слонима вышла из состава муфтията МРО в РБ, что не способствовало сплочению и объединению мусульман. Среди членов

действующего муфтията также появились различные мнения и взгляды на процессы возрождения ислама в Беларуси и на строительство мечети в Минске.

При переизбрании муфтията в 2005 г. новым муфтием был избран **Абу-Бекир Шабанович**. Это также белорусско-польский татарин, который родился и длительное время проживал в д. Муравшизна (ныне г. Ивье). Окончил институт физического воспитания, а затем Белорусский государственный университет. Работал учителем, затем директором СШ и директором гимназии в г. Минске, методического центра «Книга», возглавлял Координационный Совет национальных меньшинств при Совете Министров Беларуси. Он также стоял у истоков национального возрождения белорусских татар, возглавляя Белорусское общественное объединение татар «Зикр-уль-Китаб». В 2005 г. финансирование и строительство мечети было приостановлено. Начались поиски средств для завершения ее строительства среди мусульманских общин Беларуси, стран СНГ, мусульман России и дальнего зарубежья. Благодаря большой моральной и материальной помощи председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина и ряда арабских спонсоров только в декабре 2007 г. частично возобновились строительные работы.

Частичное ослабление процесса возрождения ислама в Беларуси произошло в конце прошлого столетия, когда в конце 1997 г. ушел из жизни активный ветеран татарского возрождения, почетный член Белорусского объединения татар «Зикр-уль-Китаб», талантливый мемуарист и публицист **Исмаил Исмаилович Меметов**. В 1998 г. после тяжелой болезни скоропостижно скончался второй ветеран и пионер татарского движения за возрождение ислама в Беларуси Якуб Адамович Якубовский. Однако, после их смерти впервые за пять лет XXI столетия, как показано выше, активно продолжалась информационная, организационная и религиозная работа среди татар Беларуси. Она осуществлялась благодаря активной деятельности оставшихся членов правления муфтията, объединения «Зикр-уль-Китаб» и особенно выделяющегося среди них одного из родоначальников

татарского возрождения **Ибрагима Борисовича Канапацкого**. К большому сожалению, в конце 2005 г. эта работа практически прекратилась вследствие внезапной и преждевременной смерти Ибрагима Канапацкого. Он был олицетворением татарского народа в Беларуси, на протяжении последних лет он объединял и создавал прочный фундамент, на котором росло национальное самосознание белорусских татар, он активно привлекал внимание общественности к жизни и проблемам своей немногочисленной, уникальной, как для Беларуси, так и для Европы, этнической группы людей. Таким образом, в начале большого и тяжелого пути возрождения, татарская этническая общность понесла большие потери и, хотя «один в поле не воин», в деле информационной и организационной деятельности среди татар они были воинами и достойными их командирами. Это особенно стало заметно после их ухода из жизни и переизбрания нового муфтията, когда полностью остановилось строительство мечети в Минске, прекратилась всякая просветительская, редакционно-издательская и религиозная деятельность среди татар, а среди самих приверженцев ислама наметился раскол и брожение – в немногочисленных татарских общинах происходит деление на «правильных и неправильных», часть из них считает, что белорусско-польским татарам не по пути со среднеазиатским и ближневосточным исламом, другая часть обратила свои взоры на Татарстан и Башкортостан. Естественно, что в таких условиях найти спонсора для завершения строительства мечети в Минске оказалось делом сложным и практически невозможным. Только объединенными согласованными действиями и усилиями можно достичь поставленной задачи возрождения, давая отпор попыткам раскола, разъединения и ослабления национального движения. Условия проведения реформ и обновления белорусского общества позволяют надеяться, что модернизация этнокультурного облика белорусских татар, а также национальное и социально-культурное их возрождение будут происходить вместе с развитием других этнических обществ на Беларуси.

Татары клецкой общины после молебна на мизаре в Осмолово 21.06.2008г.: внизу сидят справа налево - муфтий Абу-Бекир Шабанович, имам Якуб Жданович и Исмаил Александрович.

Во время молебна татар клецкой общины на мизаре в Осмолово на празднике Мевлюд 15.06.2000г.

Татары в полиэтническом обществе XX столетия

Демографическая ситуация в этнической общности белорусско-литовских татар к концу XX столетия стала резко ухудшаться – татары оказались в глубокой ассимиляции их христианскими народами. Причин тому много, одна из которых – отрицательное влияние миграции татар, особенно в военное и послевоенное время, как внутри стран проживания, так и в различные части земного шара. Губительное влияние оказали две мировые войны и более чем полувековой период господства на территориях проживания татар коммунистического режима и атеистической идеологии. Это привело к тому, что в каждом из мест их проживания сократилось и без того малое количество локально проживающих татар, что нарушило их территориальное единство, снизило влияние религиозного фактора и сохранившихся от их предков обычаев, традиций и материальной культуры на этническое самосознание татар.

Белорусско-польские татары еще с древних времен, до начала научно-технического прогресса, интенсивной миграции и ассимиляции в XX веке жили своими общинами замкнуто в изоляции от окружающих их народов, индивидуально без посторонней помощи, при малых контактах между собой и слабыми родственными связями. Каждая семья и ее члены, как и их предки, жили сами для себя и самостоятельно боролись за свой быт и благополучие по принципу «если сам себе не поможешь, то погибнешь». Поэтому часто возникали коллизии и ссоры как внутри семей, так и между ними. Общество было малообразованным, все мысли были направлены только на работу, на продолжение своего рода и на сохранение многодетных семей. Возможно, поэтому отдельные члены семей не лишены были многих человеческих недостатков, таких, как замкнутость, жадность, самолюбие, скупость, зависть и др.

Однако, в целом этническая общность была спокойной, толерантной, не проявляла участия в каких-либо неординарных событиях, а жила так, как складывалась для нее жизнь. У

большинства татарских семей не было условий для обучения и получения образования, кроме начального религиозного у местных имамов. Образование было доступно только единицам, тем, кто проживал в больших городах или в более богатых семьях, где понимали, что знания и культура открывают доступ к лучшей жизни. В обычных семьях не было доступа к книгам и литературе, не было радио и телевидения. Например, только единственная в клеточной татарской общине семья Якубовских за определенную плату имела доступ к библиотеке магистрата, где работал глава этой семьи. Там же можно было получить дорогостоящие газеты и журналы, однако для широкого пользования они были недоступны. Естественно, что такие условия жизни и воспитания татар наложили свой отпечаток на молодое поколение, которое в дальнейшем проживало часто в других условиях за рубежом.

В военное и послевоенное время много белорусско-польских татар оказалось в России, Польше, Литве, Англии, США, Австралии и других странах мира. В результате изменения политических, экономических и социальных форм правления, уровней культуры и образования стало меняться отношение татар к религии ислама. Особенно резкое снижение влияния религии шло в России и в новообразованных социалистических странах после октябрьского переворота 1917 г., в результате которого часто были случаи отказа от религии, а также резкого снижения национального самосознания, а вместе с ним и изменения этнического состава татар.

Белорусско-польские татары в XX веке жили в сложных историко-политических и культурных условиях: в царской России – в начальной стадии капитализма, в буржуазной Польше – при рыночной экономике; последующие шесть лет в период военных потрясений – при Советах после освобождения Красной Армией Западной Беларуси, затем под немецко-фашистской оккупацией, а последние пятьдесят лет – в условиях социализма, коммунистической морали и атеистической идеологии. Все это, несомненно, оказывало большое влияние на психологию, поведение и поступки татар в различных условиях их жизни. Процессы их расселения и миграции в военное и послевоенное

время, особенно в период польского и советского режимов и немецкой оккупации, были тяжелыми, поэтому их следует рассматривать не в отрыве от реальной жизни, а во взаимосвязи с конкретными экономическими и политическими обстоятельствами.

Хотелось бы правдиво, без приукрашивания рассказать о жизни белорусско-польских татар в полиэтническом окружении, об их физических и моральных переживаниях и страданиях в период оккупации Беларуси польскими, советскими и немецкими оккупантами, а также об этнических процессах татарской общности людей в этот сложный период XX столетия. Это тем более необходимо для того, чтобы развеять созданные советской пропагандой и существующие до сегодняшнего дня мифы о том, что все, кто был в оккупации – предатели родины; что все население Западной Беларуси единодушно приняло советскую власть, встречая Красную Армию с объятиями и цветами; что все, кто эмигрировал на Запад – предатели и изменники родины и т.д. Это не совсем так, ведь уже в то время отдельные люди переходили польско-советскую границу и видели, как тяжело, бедно и в страхе жили и выживали народы в СССР под действием маховика кровавых сталинских репрессий. Все это оказывало большое влияние на психологическое состояние и поведение народа, в том числе татар, в Западной Беларуси.

Миграционные явления

Многие члены татарских общин Западной Беларуси из-за бедности и бесперспективности жизни в той замкнутой патриархальной обстановке в дореволюционной России и буржуазной Польше еще в довоенное время стали искать выход в межнациональных контактах, в получении общего и профессионального образования и в приобщении к интернациональным, техническим и духовным ценностям. Например, несколько человек из клецкой татарской общины, благодаря покровителям из России, выехали в Москву, где получили образование и впоследствии стали высокими чиновниками в России. В последующие годы в числе мигрантов было и несколько представителей городской татарской молодежи, которая, владея достаточной материальной поддержкой и языком межнационального общения, стала в большей мере, чем старшее поколение, ориентироваться на учебу, на интернациональные формы культуры и быта, легче вступала в контакт с людьми других национальностей и частично облегчала свою жизнь интеллектуальным трудом.

Бурно развивающиеся в XX веке процессы урбанизации, которые происходили в связи с освоением природных ресурсов, восстановлением городов, строительством крупных промышленных предприятий, развитием научно-технического прогресса и связанного с этим бурного роста городов и городского народонаселения, стремительно повышали миграцию татар и их дисперсное расселение в межнациональном мире.

Однако, наибольшей волны миграция татар из Западной Беларуси достигла в конце Второй мировой войны. В этот период наибольшее количество белорусско-польских татар оказалось в Польше⁴⁸, с которой у нее были многолетние связи со времен Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и довоенной Польши. ВКЛ еще в период своего основания и существования было

⁴⁸ В Польской Народной Республике. – Прим.ред.

пристанищем для многих народов Европы, в том числе татар, преследуемых и гонимых по различным причинам. Благодаря толерантной политике Великих Князей многие религиозные этнические группы – польские, белорусские, татарские, литовские и др. могли взаимно и мирно жить рядом, признавать свою религию, свою традицию и культуру.

В период освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов в 1944-1946 гг. перед наступлением Красной Армии, опасаясь возвращения советской власти, с немцами ушло на Запад около двух миллионов граждан Беларуси. Среди них были не только лица, сотрудничавшие с немецкими оккупантами. Большинство из них были добросовестными и честными представителями польского, белорусского и татарского народов. Так, например, только из областного центра Западной Беларуси г. Барановичи с немцами выехало почти одна треть населения города, большая часть которых осталась затем в Польше, а часть – в Германии, Англии и США. Вместо них в городе поселилась другая масса народа с востока, так называемых «восточников», составивших около 35-40% населения города.

В тот период времени было много причин эмиграции людей на Запад. Одна из них – страх перед наступающей Красной Армией и диктатурой советской власти. В памяти людей оставались еще свежие тяжелые воспоминания о недавнем 20-летнем правлении советской власти в довоенной Советской Беларуси и двухлетнем правлении в Западной Беларуси. Восточная Беларусь, по сравнению с Западной, в то время была в состоянии убожества, горя и всеобщего страха. То, как управляла советская власть народом Восточной Беларуси, проводя политику коллективизации, борьбы с национальными кадрами, с «врагами народа» и религией в 1930-1940 гг., не шло ни в какое сравнение с довоенным «угнетением» людей Западной Беларуси польским государством.

Часть народа Западной Беларуси, в том числе более зажиточных горожан и крестьян, из-за полного незнания жизни в Советском Союзе, 17 сентября 1939 г. с цветами и хлебом с солью встречали советскую власть и Красную Армию, освободившую их от панского гнета. Однако, уже через короткое время они

разочаровались в ней, когда увидели истинное лицо этой власти, обещавшей им счастливую жизнь. Эта власть, во многом державшаяся на лживой пропаганде и обмане народа, стала вводить непомерные налоги, госпоставки, обязательные работы на строительстве дорог и т.д. особенно ухудшилась обстановка после того, как начались аресты людей, подозреваемых в нелояльности к власти, и массовая депортация с вывозом людей на принудительные работы и поселение в Сибирь, Казахстан и другие безлюдные места Советского Союза.

В период с 17 сентября 1939 г. по 21 июня 1941 г. в Западной Беларуси за этот краткий период сталинско-бериевских репрессий было депортировано более 100 тысяч человек и осуществлены другие массовые репрессии с человеческими жертвами. Поэтому, когда в 1941 г. территорию Западной Беларуси оккупировали немцы, народ не слишком переживал за советскую власть, так как эта власть, своим бездушным и диктаторским поведением за такое короткое время, так изменила жизнь наших людей, что после прихода немецко-фашистских оккупантов казалось, что любая следующая диктатура будет лучшей, чем советская. Этим и объясняется то, что многие местные жители стали сотрудничать с создаваемой немцами белорусской властью.

При образовании в период немецкой оккупации на территории центральной части Беларуси так называемой «Национальной Независимой Республики» предполагалось, что она будет функционировать в тесном сотрудничестве с немцами без вмешательства польского и советского государств, что создавало видимость некоего самостоятельного белорусского государства, которого не было в прошлом. Это привело к тому, что многие слои белорусского общества пошли на службу к новому «государству», особенно в таких сферах, как образование, культура, молодежные организации, создаваемые органами самообороны, полиции, армии, а также управления, начиная от сельских советов до Центральной Рады республики. Это способствовало повышению национального самосознания белорусов в тех пределах, в которых это позволяла продолжавшаяся война.

Но со временем большая часть белорусского народа разочаровалась и в этой власти, все больше убеждаясь в том, что это не те немцы, которых принимали как «победителей» и «освободителей» от большевистской диктатуры. Особенно это подтвердилось после массовых расстрелов немцами евреев и цыган, а также вследствие антигуманного и зверского отношения их к военнопленным в военных лагерях и лагерях для политзаключенных, где были созданы условия для их гибели и самоуничтожения голодом. Все это способствовало бегству военнопленных из лагерей в леса и последующему образованию партизанских отрядов антифашистской направленности. Следует отметить, что в Западной Беларуси, по сравнению с восточной ее частью, партизанское движение было слабым и менее организованным – оно состояло из бывших военных советской армии и беглых из лагерей военнопленных. И только на последнем этапе войны, когда стало очевидным поражение немецких войск, партизанское движение начало расти за счет местных белорусов, хотя оно и было ограниченным из-за большой опасности расстрела и сжигания фашистами оставшихся родственников партизан. Таким образом, появившееся в лесах партизанское движение внесло сумятицу в структуру оккупационных властей, а также в реализацию профашистской идеи создания независимого белорусского государства. Естественно, что на сложившуюся обстановку в Западной Беларуси и на поведение в ней людей различных национальностей (белорусов, поляков, евреев, татар) большое влияние в тот момент оказывала существовавшая под видом польских партизан польская Армия Крайова (АК), созданная польским эмиграционным правительством в Лондоне с целью возрождения польского государства в границах до 1939 г. Именно в подпольной связи с этими партизанами подозревались многие находившиеся в оккупации представители бывшей польской и татарской интеллигенции, которые затем понесли тяжелое наказание. Советская власть во время войны и после ее окончания не признавала эту армию, разоружала и вывозила этих солдат в Сибирь. Это было трагическим событием для польских партизан в подполье и для тех, кто какими-либо узлами был с ними

связан. Они уничтожались как нежеланный элемент для коммунистических властей будущего польского государства.

В таких условиях, перед окончанием Второй мировой войны и сразу после ее окончания, многие жители Западной Беларуси из различных слоев общества и различных национальностей эмигрировали на Запад. Все шоссейные и полевые дороги на Запад были заполнены эмигрантами, которые старались быстрее уехать перед наступающими советскими войсками. Ехали семьями, даже на повозках, с домашним скотом и имуществом. На железнодорожном вокзале в Барановичах, как центральном в Западной Беларуси, было много проходящих поездов с беженцами, здесь же грузились люди с Барановичей и окрестных мест. Немцы обеспечивали их всем необходимым для своевременного выезда, особенно это касалось бывших служащих учреждений, судебных и других органов.

Среди эмигрантов оказалось и много представителей белорусско-польских татар, проживающих в более крупных татарских центрах Беларуси – Вильнюсе, Барановичах, Слониме, Новогрудке, Гродно и др. Они были связаны работой, бытом, языком, культурой, словом, всей жизнью, с выезжающими на Запад поляками. Вообще, в то время вопрос «ехать-не ехать» был головной болью многих жителей, в том числе татар Западной Беларуси. Одни считали, что Советы, возвратившиеся после немецкой оккупации Беларуси, существенно изменились по сравнению с довоенным временем: власти реабилитировали многих заключенных и вернули из тюрем и лагерей, стали открывать храмы и повернулись лицом к религии, стали возвращать старые традиции в армии, например, военнослужащие опять были при погонах и т.д. Другие же считали, что все осталось по-старому, так как коммунистическая идеология и руководство страны во главе со Сталиным остались прежними. С подобными заявлениями выступали и комиссары Красной Армии при встрече с местным населением. Эти встречи были одной из причин того, что на Западе, как неоднократно сообщалось в печати, оказалось более двух миллионов белорусов из десятиллионного населения

Республики, причем большая их часть эмигрировала с немцами в последние дни войны.

Исторически так сложилось, что территория Беларуси к началу XX столетия была местом тесного соприкосновения интересов многих народов и этнических меньшинств. Ведь на этих землях когда-то было Полоцкое и другие самостоятельные княжества, которые совместно с литовскими образовали Великое Княжество Литовское, а затем на добровольной основе создали мощное польско-литовское государство⁴⁹. Только после трех разделов Польши эта территория была захвачена и вошла в состав России. Поэтому естественно, что в первую очередь белорусы имеют право на свою независимость, хотя исторически другие народы не являются здесь чужеродными. В первой четверти XX столетия большинство населения Беларуси составляли белорусы, затем шли поляки, которых было больше, чем коренных россиян, затем литовцы и украинцы и т.д.

Однако со второй половины XX столетия советская власть стала проводить политику «регулирования» структуры народонаселения Беларуси, сначала на приграничных и восточных территориях, проводя аресты и депортации за «антисоветскую деятельность» большого количества поляков и белорусов в далекие малонаселенные части России (1930-1938 гг.). Затем в отношении территорий Западной Беларуси и Украины такая же политика продолжалась советской властью в 1939-1941 гг., а также после окончания Второй мировой войны. В этот же период в Западной Беларуси местной интеллигенции практически не было, так как значительная ее часть эмигрировала с немцами на Запад, часть выехала в процессе последующей репатриации, большая часть мужского населения была мобилизована на фронт, а часть женщин – на принудительные работы в Россию. Часть интеллигенции и молодежи, так называемый контрреволюционный элемент, была сослана в Сибирь. Среди оставшегося населения Беларуси возникла атмосфера страха и тревоги, породившая большую коррупцию, в процессе которой народ стал массово

⁴⁹ Имеется в виду Речь Посполитая. – Прим. ред.

давать взятки чиновникам за получение эмиграционных карт на выезд за границу.

В это же время в Западную Беларусь начала прибывать из Советского Союза большая армия переселенцев, в том числе чиновников различного ранга, так называемых «восточников», часть которых, не успев эвакуироваться перед наступающими немцами, осталась еще со времен 1939-1941 гг. Впоследствии их количество возрастало за счет российских выходцев из партизанских отрядов. Выходцев коренного населения Западной Беларуси было мало, и они занимали в основном второстепенные и обслуживающие должности в советских учреждениях.

Белорусско-польские татары также в конце второй мировой войны и после ее окончания подверглись интенсивной миграции. Среди выехавших в то время в Польшу были, в основном, семьи татарской интеллигенции. О судьбе муфтията и других видных деятелей довоенной татарской интеллигенции мною подробно написано в главе «Период 1939-1941 гг.». После окончания войны в Польшу выехали семьи Збарашевских и Шегидевичей из г. Барановичи, представители татарских общин, в будущем активные участники возрождения ислама в Польше, Генрих Байрашевский из д. Орда, Ромуальд и Ян Соболевские из д. Иваново с семьями (см. стр. 20, 80), семья Якубовских-Вороновичей из Клецка, семья Мурзич из Клецка, семья Корицких из Новогрудка, семья Чаинских из Слонима, семья Полторжицких из Вильнюса и многие, многие другие из Виленского, Гродненского и Барановичского регионов. Некоторые из оставшихся в Беларуси татар подверглись тяжелым испытаниям. Тяжело пострадал видный татарский деятель довоенного и военного времени Хуссеин Мухарремович Якубовский из Немежиса. По подозрению в связи с Армией Крайова были арестованы учителя одной из школ г. Барановичи Али Шегидевич и Феликс Збарашевский. После их ареста по радио в Барановичах сообщалось о том, что прошел процесс над 25-тью белопольскими контрреволюционерами. Али Шегидевич был сослан в Сибирь, где погиб бесследно, а Збарашевский отбывал наказание в Шахтах Урала, и затем вернулся в Польшу. Все это привело к тому, что этническая

общность татар была лишена своей интеллигенции в условиях послевоенной наступательной политики советской власти и подверглась интенсивному смешению и ассимиляции другими народами.

Кроме соседствующей с Беларусью Польши, с которой у белорусско-польских татар были наиболее тесные связи еще с 1-й половины XX столетия, много белорусских татар в послевоенное время оказалось в других странах мира, в частности, в Англии, США, Германии и др. В эти страны они выезжали, в основном, после Второй мировой войны, причем каждый по своим особым соображениям. Так, после окончания Второй мировой войны, когда весь мир радовался окончанию войны и победе над фашистами, Мустафа Абрамович, татарин клецкой общины и бывший солдат татарского эскадрона в Новой Вилейке, оказался в составе 120 тыс. польской армии в английских войсках в Италии (боевой путь его описан выше). Зная о коммунистических порядках у себя на родине и о том, что его там ожидает, М. Абрамович не пожелал возвращаться в Беларусь. Руководство английских войск заявляло им неоднократно: кто желает вернуться – пусть едет, кто не желает, того заберут в Англию. Некоторые земляки Абрамовича из д. Бабаевичи, что возле Клецка, Василевский и Плакса, вместе воевавшие против немцев в танковой части, решили вернуться на Родину. Через две недели после возвращения домой их сослали в Сибирь. Так многие оказались в ловушке НКВД/КГБ для обманутых советской пропагандой солдат.

До переезда в Англию Абрамович побывал в составе миссионерской группы во многих городах Италии и в итало-французских курортных местах: Сан-Ремо, Монте-Карло, Ницца, Марсель, Флоренция и Венеция с плавающими гондолами на улицах, курорт Капри, Неаполь вблизи исторических руин Помпеи и др. Затем вместе с оставшимися солдатами польской армии на пароходе Мавритания он выехал в Англию в порт Ливерпуль. Первые дни пребывания в Англии были очень тяжелыми: сырая погода, дождливая, холодная, а приехавших обязали работать сначала на уборке картофеля, а зимой – чистить и сортировать

оружие. Для обогрева печей в лагере часто использовали плодовые деревья, за которые потом пришлось платить их владельцу. В 1946 г. всех солдат, еще числящихся военными, стали готовить к гражданской жизни и к получению гражданской профессии, а кто не желал это делать, того отправляли на Родину. В это время был сформирован еще один эшелон с солдатами Западной Польши, пожелавшими вернуться. Однако, как потом оказалось, этот эшелон без остановки в Польше последовал напрямую в Советский Союз, а затем на восток России. В общем, жизненная ситуация была сложной, и каждый пытался решить свои проблемы в соответствии с собственными убеждениями.

Ежедневно посещали военный лагерь представители различных профессий, предлагая их на выбор, так как необходимо было как можно быстрее решить проблему с поляками и ликвидировать военные лагеря. М. Абрамович, детально ознакомившись со столицей Англии Лондоном, вначале решил там и остаться. Здесь же он встретился с Алием Полторжицким и его братом Брониславом, татарами, эмигрировавшими из Вильнюса. С ними он был знаком еще со времен военной службы в Новой Вилейке. Через них М. Абрамович познакомился с другими татарами, в основном, представителями польской интеллигенции. Среди них был отец жены Али Полторжицкого Мурза-Мурзич, который в довоенное время работал судьей в Ляховичах и Кобрине; жена бывшего майора Чаинского из Слонима, расстрелянного в Катыни; семья Барановских из Литвы, включая мать, трех дочерей, сына и зятя. В довоенное время это была очень богатая семья – их дети были студентами в Варшаве и Париже. Там же в Лондоне оказалась семья Александра Смайкевича, который во время немецкой оккупации был имамом минской мечети. Таким образом, создавалось общество белорусско-польских татар в Лондоне, которое периодически встречалось на приемах в своих семьях.

В сентябре 1947 г. всех бывших солдат польской армии демобилизовали и обязали трудоустроиваться на гражданке. Поскольку М. Абрамович до армии занимался кожевенным производством, то в Лондоне он предполагал устроиться на

кожзавод. Однако, ознакомившись там с тяжелыми условиями работы, вспомнил свое нелегкое детство и отказался от мысли заниматься гарбарством. Он устроился в строительную организацию в Лондоне, где работал длительное время на открытом воздухе. Через какое-то время он узнал адрес семьи Ромуальда Смайкевича, бывшего осадника из г. Клецка, депортированного в 1940 г. в Сибирь. Вначале он был с женой, дочерью и сыном в гражданском лагере около г. Бристоля (он на фронте не был, а был во время войны в Ливане, а жена его – в Африке). Через некоторое время Р. Смайкевич с семьей переехал в г. Манчестер. Посещая эту семью, М. Абрамович встретил там Галину Милькаманович из Слонима, на которой впоследствии женился.

В Англии в послевоенное время был также татарин из Новогрудка Эмир Байрашевский. в довоенное время (1940-1941 гг.) он был арестован, а с началом войны вывезен в Россию. Оттуда в составе армии Андерса н перебрался через Иран, Египет и Италию в Англию. Среди польских мусульман он вел большую работу – создал Высший мусульманский имамат и издавал татарский журнал «Голос с минарета». Через пять лет он переехал в США. В Манчестере проживала также семья Мухарских из Слонима (две дочери, сын и зять), семья жены М. Абрамовича Милькаманович с двумя дочерьями, сыном и зятем, семья Стацевич, семьи Шегидевича Матвея и Алеевича с двумя сыновьями. Поскольку в Манчестере у сестры жены М. Абрамовича был свой дом, то они переехали на постоянное место жительства в Манчестер, где и проживают в настоящее время.

Находясь еще в армии и в плену, М. Абрамович встречался со многими белорусско-польскими татарами. Среди них были Сюлейман Александрович из Вильнюсского края (в лагере Козельска), Александр Гембицкий из г. Глубокое (был в татарском эскадроне и исчез где-то в Иране), солдат Радкевич из Новогрудка (вместе воевали, погиб в Италии А. Loretto), Фуад Шегидевич из Слонима (был подофицером в польском эскадроне, умер в 2004 г. в г. Ноттингем), Бекир Якубовский из Вильнюса (умер в Англии в 2003 г.). В Англии в послевоенное время также оказались Матвей

Шегидевич, Сюлейман Байрашевский, Гима Милькаманович, Алеевич из Слонима, Батя Беляк и Олек Байрашевский (проживает в Австралии). В Лондоне М. Абрамович встречался с племянницей мужа своей сестры из Новогрудка, которая была замужем за польским полковником Арашкевичем, а в Лондоне после войны работала посудомойкой в ресторане. Все они с грустью вспоминали свою довоенную жизнь.

Выходцы белорусско-польских татар проживают также в США. Там оказались татары, выехавшие еще до первой мировой войны и после нее. М. Абрамович, находясь там после войны, встретил жену Александра Абрамовича из г. Клецка, брата своего деда. Александр с женой выехал в США еще до Первой мировой войны. У него не было профессии и постоянной работы в Клецке, он был скандалистом, поэтому родственники, оказав ему финансовую помощь, отправили его с женой в США на поиски лучшей жизни. Жили они там более 50-ти лет, не давая о себе знать, и только после Второй мировой войны жена Александра, встретив М. Абрамовича, и обрадовавшись этой встрече, «компенсировала» расходы на их эмиграцию в количестве одного символического доллара США. По ее рассказу, жили они с мужем в штате Нью-Арк (New Ark) на квартире в еврейском доме, в семье у них был сын (электрик по профессии) и две дочери. Сам Александр много пил, болел и вскоре умер. Однако поскольку жили они в еврейском доме, а фамилия у них была Абрамович, то евреи после смерти хозяина оказали семье материальную помощь, которой было достаточно для последующего благоустройства.

Имам Минской мечети А. Смайкевич, эмигрировавший после Второй мировой войны в Англию, прожил там недолго. У него был брат в США, поэтому в 1950 году он вместе с семьей туда уехал и жил в городе Ворчестер (Worchester). Его сын женился, старшая дочь вышла замуж за Александра Байрашевского из Слонима, а младшая – за выходца из Турции, с которым жила в западных штатах. Сам А. Смайкевич имел небольшой дом и работал на временных работах.

В Ворчестере жил также Али Богушевич, изменивший фамилию на Бош (Bosh), татарин из Клецка, выехавший в поисках

лучшей жизни в США еще в 30-х годах XX столетия. Он в Клецке работал на временных работах у татар, которые профессионально занимались гарбарством. В США у него жил отец, который быстро оформил ему вызов. Там Али Бош построил свой домик, имел свой мясной магазин, создал свою семью, имел двух сыновей и дочь. При встрече с Абрамовичем он вспоминал свои юные годы и жизнь в клетке татарской общине.

После Второй мировой войны в США оказался и Адам Александрович из Клецка. Во время немецкой оккупации его не один раз немцы пытались вывезти на работы в Германию, и в 1944 г. это им удалось. В Германии он много работал физически, часто попадал под авиационные бомбежки. Сразу после войны в Германии было много беженцев из разных стран мира, в том числе бывших военных и гражданских, вывезенных на принудительные работы в Германию, а также вышедших из концентрационных лагерей и т.д. Международные организации старались, чтобы как можно больше и быстрее они уехали из Германии к себе на Родину. Многие так и поступили, но многие и остались: это те, у кого были родственники в других государствах, либо те, кто боялся возвращаться в СССР. Многие уже были в советских лагерях и знали не понаслышке, что их там ожидает. Для решения этой проблемы западные правительства согласились на выдачу квот в свои государства. Вначале выбрали тех, у кого там были родственники, а затем – холостых молодых людей. Тем семьям, где были больные родители, старики и дети, визу не выдавали, а силой заставляли возвращаться к себе на родину. Впоследствии эта квота была уменьшена, и стали брать только тех, кто преследовался по политическим мотивам.

А Александрович ожидал визу в течение пяти лет в лагере для перемещенных лиц, абсолютно не зная, где окажется в дальнейшем. Чтобы не терять время, он поступил в техническую польскую школу, которую окончил через три года, а затем через друзей получил разрешение на выезд в США. В то время в Германии было несколько белорусско-польских татар: Александр Байрашевский из Слонима, Стефан Мухля из Вильнюса, Арслан Шинкевич из Крыма, Олек Байрашевский из Слонима с женой

Евой Жданович из Клецка. Накануне их выезда в разные страны Ева Жданович устроила прощальный ужин и приготовила всем татарские «колдуны». А назавтра все разъехались: Александрович и Байрашевский – в США, Шинкевич – в Англию, Мухля – в Польшу, Олек Байрашевский с Евой Жданович – в Австралию.

В США А. Александрович вначале был холостяком, так как предполагал, что семейному человеку будет тяжело начинать жизнь на чужбине. Так оно и было: после переезда в США пришлось тяжело физически работать. Ведь там на деле действует коммунистический принцип «кто не работает – тот не ест». Для того, чтобы там что-то иметь, необходимо работать и самому, и жене, и детям, работать, не боля, только тогда можно обеспечить семью и сэкономить на старческие годы. По рассказам некоторых татар, посещавших США, современное американское общество сильно привержено капитализму и подчинено доллару: за него все борются, работают ради него, экономят все больше и больше и на всем. Взаимоотношения у американцев менее гуманны, чем у других народов: они самолюбивы и эгоистичны, мало считаются с другими, целиком устремлены и подчинены богатству, из-за чего многие из них теряют интерес к другим жизненным ценностям.

Например, переехавший из Англии в США татарин Виленской общины Али Полторжицкий так активно воспринял американский образ жизни, что в погоне за деньгами и богатством забыл о своей болезни, сахарном диабете. Как-то в поезде, возвращаясь с работы, он впал в кому, потерял сознание и умер. Живя в США, он никуда не выезжал, ни с кем не контактировал, с утра до вечера работал и одновременно строил свой «палац»-особняк. Второй белорусский татарин, Александр Байрашевский, также работал в США не покладая рук, без отпусков, никуда не выбираясь и никого не видя, собирал доллары и внезапно умер, не дожив до пенсионного возраста.

Белорусско-польские татары, эмигрировавшие после Второй мировой войны в Англию, встретили там благоприятную атмосферу для своего проживания. Так же, как и местные англичане, они взаимно помогают друг другу в эмиграции и на своей родине: помогли построить в Гродно польскую школу,

купили в Новогрудке и Несвиже дом для поляков, финансировали строительство костела в Минске. Англичане чувствительны к чужому горю, в местах трагедий и аварий ставят цветы и памятные знаки, у них широко развита общественная помощь, особенно беспомощным и нуждающимся, они оказывают материальную помощь людям в больницах, домах престарелых и т.д.

Некоторые татары Клецкой общины, которые не имели постоянной профессии и не желали заниматься тяжелым физическим трудом, выезжали в далекое зарубежье в поисках работы и более легкой жизни. Так, в начале 30-х годов выезжал в Аргентину Ибрагим Жданович, сын имама Клецкой общины Якуба Ждановича, активный участник Первой мировой войны, не имевший в Клецке ни своей земли, ни своей гарбарни. Однако, счастья там он не нашел, и после нескольких лет скитаний и тяжелых работ заболел, и перед Второй мировой войной возвратился в Клецк, где вскоре и умер.

Татарин клецкой общины Александр
Бекирович Богусевич (1910-1945)
погиб в ВОВ.

Татарин клецкой общи-
ны Адам Степанович
Якубовский (1924-1944)
погиб в ВОВ.

Хуссейн Мухарремович Якубовский (Немежис)
(1919 - 1978).

Этнические процессы

Миграционные явления и расселение белорусско-польских татар среди других народов мира в XX столетии оказали отрицательное влияние на их количественный и качественный состав, на религию ислама, их традиции обычаи и другие этнические процессы. О том, как происходит изменение этнической культуры мусульман в отдельных странах, можно проследить на примерах их проживания в Польше, Германии, Англии, США и других странах.

В течение столетий в эпоху сильного влияния клерикальных правительств миграция мусульман в Европу была резко ограничена. Во второй половине XX столетия Европа стала меняться и начала заниматься прибывающим народом из арабских, среднеазиатских, африканских и других мусульманских стран. Проблема миграции встревожила весь мир. Под влиянием ислама оказалась Франция, о чем неоднократно показывали по телевидению. В Германии появилось около 4,3 млн мусульман, или более 5% населения, а есть места, на 80% заселенные выходцами из арабских стран и места, где около 25 тыс. немцев приняли ислам. В другие страны Запада – Англию, США – также прибыло много мусульман, которые занимаются в основном бизнесом и торговлей любыми товарами. В связи с этим возникают различные этнические, политические и моральные проблемы.

Европа в целом пока спасается от наплыва мусульман и влияния ислама на христианство. Костелы во главе с папой римским открыто не выступают против ислама, однако с опаской относятся к тому, как ислам постепенно распространяется и «захватывает» Европу. Население, возможно, и смотрит косо на все это, однако современная власть и правительства тесно связаны с мусульманскими странами и на это не обращают внимания. Например, в Швейцарии, где проживает почти полмиллиона мусульман, общенародный референдум высказался против строительства высотных минаретов в мечетях, подобно тому, как

когда-то царь в России запретил строить культовые здания выше православных церквей.

Во второй половине XX века произошло и происходит слияние белорусско-польских татар с мусульманами арабских и африканских стран. Хотя это и слияние родственных душ, однако, оно происходит не без коллизий и конфронтаций. Так, татары, эмигрировавшие в Польшу, подвергаются там интенсивной полонизации. Многие из них, второе и особенно третье поколение стали христианами. В последней переписи населения Польши, проводимой в 2002 г., лиц татарской национальности было записано только около 500 человек из 2000 эмигрировавших из Беларуси.

Взаимоотношения сторонников ислама в Польше из среды белорусско-польских татар и выходцев из разных исламских государств сложные – не совсем конфликтные, но в общении между собой довольно заметные. Ответственными за это явление являются обе стороны. Белорусско-польские татары, будучи частично эгоцентристами, считали и продолжают считать себя единственно правильными интерпретаторами ислама. Когда прибывшие мусульмане обращали их внимание на некоторые ошибки в понимании ислама, то единственный ответ был таков: «Так поступали наши деды и родители, поэтому так будем поступать и мы», – хотя наши предки не имели специального духовного образования⁵⁰ и были далеки от научного толкования ислама. С другой стороны, прибывшие в Европу мусульмане из арабских и других стран, не желают воспринимать наши традиции, обычаи, культуру, которые не всегда согласуются с

⁵⁰ Но были и счастливые исключения, такие как Урьяш ибн Исмаил, написавший свой тафсир Корана (перевод на польский язык с примесью белорусского) в 1686 г. в г. Минске, составители и переписчики китабов и хамаилов XVII-XX вв. В XX в. в татарской среде выделился имам г. Мяделя Али Адамóвич, переводивший фрагменты Корана и молитв на польский язык. – Прим.ред.

фундаментальными основами ислама⁵¹. Попытки навязать свои привезенные извне обычаи и традиции под видом возрождения ислама в европейских государствах сопровождаются многими недоразумениями в наших взаимоотношениях.

Многое зависит от субъективных взглядов контактирующих сторон. Так, Ян Соболевский в период своего руководства Мусульманским религиозным союзом в Польской Республике умел часто договариваться с арабами, контактируя с наиболее рассудительными из них, направляя свою и их деятельность согласно интересам возрождающегося ислама в Польше. Однако после его ухода с этой должности ситуация изменилась – пришли новые люди, считающие, что имеют право на монополию ислама. В результате арабы организационно отделились, создав Мусульманскую Лигу в Польской Республике, а также Объединение мусульманских студентов в Польше. Отношения между мусульманскими группами стали напряженными и часто переходили в тихую междоусобную войну. Начались взаимные оскорбления о нелояльности в отношении исламского объединения в Польше, прекратилось строительство исламского центра в Белостоке.

Создавшаяся ситуация заставила более рассудительных мусульман искать пути сближения между группами с целью создания единого общего координационного органа для объединения ислама в Польше. Тем более, учитывая малое количество мусульман в Польше, для их существования и возрождения необходимо их единство. Особенно такое единство важно при обучении исламу молодого поколения – наших и подрастающих арабских детей, которые становятся гражданами Польши. Их молодежь желает жить и вести себя по-европейски, она все в меньшей степени интересуется своими корнями и культурой своих родителей. Таким образом, с учетом понимания традиций и культуры белорусско-польских татар и в согласии с

⁵¹ Или, во всяком случае, с тем, что привычно для зарубежных мусульман. Некоторые обычные суннитские практики со временем были искажены или смысл их был утрачен (напр., саях, деур, талкин). – Прим.ред.

основами фундаментального ислама могут быть найдены пути в решении возникающих коллизий в период возрождения ислама.

В Англии проживает также много мусульман. В Лондоне действуют несколько мечетей. В Манчестере, где находятся несколько больших и малых мечетей, недавно построена новая мечеть стоимостью 3,5 млн фунтов. В эти мечети приходят много молящихся не только по большим праздникам (байрамам), но и по пятницам и другим дням, когда проводятся пятикратные ежедневные молитвы. В различных залах мечетей установлены микрофоны и громкоговорители, благодаря которым хорошо слышен голос имама. В английских мечетях, как и в белорусских, нет внутри скамеек, а пожилые люди не могут сидеть на коленях, поэтому они посещают молитвы реже, чем хотели бы.

Сами англичане относятся к мусульманам довольно лояльно, даже разрешая на предприятиях и в организациях делать пятнадцатиминутные перерывы для совершения намаза в оплачиваемое время. Многие англичане в жизни очень практичны, редко посещают свои же протестантские и католические костелы, которые в последнее время пустуют, частично закрываются, так как не в состоянии платить налоги, и переходят во владение частных фирм.

Большую роль в консолидации белорусско-польских татар и сохранении их национального самосознания, как в Беларуси, так и в других странах мира, играла и играет религия Ислам. Проживавшие более шести столетий на территории Польши, Беларуси и Литвы татары бережно сохраняли свою религию, традиции и обычаи. Благодаря сохранившимся до Второй мировой войны на этой территории примерно двум десяткам мечетей, стараниями имамов и годжиев при них, татары активно и бережно поддерживали основополагающие заветы ислама, добросовестно изучали и читали Коран и исполняли его предписания в своей жизни. И хотя татарский язык был ими утерян, однако они сохранили знание арабского языка, необходимого при чтении Корана и выполнении всех религиозных обрядов. По словам ветерана крымскотатарского народа Исмаила Меметова «белорусско-польские татары, по сравнению с крымскими,

турецкими и среднеазиатскими мусульманами, до сегодняшнего дня более полно и точно сохранили все требования и предписания ислама».

К сожалению, после Второй мировой войны, после интенсивной миграции и, особенно, после полувекового негативного влияния коммунистической идеологии роль религии в сохранении национального самосознания татар резко ослабла (подробнее об этом в главе «Религия и этнические процессы»). Мечети в Беларуси, кроме одной, в Ивье, были уничтожены; в Западной Польше, кроме г. Гданьска, также нет мечетей⁵². Татарская общность лишена возможности встречаться, контактировать между собой, молиться. В Минске, Варшаве и других городах благодаря помощи посольств мусульманских стран молитвы на праздники (байрамы) проходят в специально приспособленных для этого залах гостиниц или клубов. Среди татар, как в Беларуси, так и в Польше, ощущается недостаток идейных лидеров мусульман.

Особенно разительные изменения в отношении религии можно заметить, если сравнить предвоенное время с концом XX столетия. Например, в Клецком регионе в довоенное время существовали татарские общины в городах Клецке, Ляховичах, Мире, в д. Иваново и Орда. В каждой из этих общин действовали свои крупные мечети, включающие два зала (для мужчин и женщин) площадью около 100м² каждый. Во время молитв, особенно по пятничным и праздничным дням, наполняемость мечетей была полной. После окончания Второй мировой войны и к концу XX столетия картина резко изменилась: татарские общины в д. Иваново, Орда, в Ляховичах и Мире прекратили существование, мечети либо сгорели, либо были уничтожены, а жившие в этих местах татары рассеялись, умерли или эмигрировали. В Клецке количество их сократилось в 4-5 раз, так что вместо сгоревшей мечети молитвы проходят в маленьком доме площадью около 40

⁵² Причины этого разные: в Беларуси многие мечети были закрыты и разрушены, в Западной же Польше их никогда и не было. Мечеть в Гданьске была построена уже в XX в. – Прим.ред.

м² при неполном его заполнении. Вопрос о строительстве в этих общинах новых, по образцу довоенных, мечетей даже не ставится. Все это очень грустно, хотя средства массовой информации сообщают о массовом возрождении ислама в Беларуси.

Особенно полно и точно сохранялись, и выполнялись у татар все религиозные обряды и предписания Корана в довоенное время при Польше и в период немецкой оккупации. Имамы при мечетях, хотя и не имели высшего духовного образования, строго проводили молитвы так, как это делали их предки, прибывшие с далеких татарских стран. Соборные молитвы в мечетях, особенно джума-намазы по пятницам и праздничные молитвы по поводу месяца Рамадан и байрамов, проводились очень торжественно в духовно поднятом настроении. Все участники молитвы, а их было не менее сотни верующих, приходили в точно назначенное время в мечеть в новой и чистой одежде и головных уборах, после выполнения дома обряда гусля (полного омовения), с Кораном и хамаилом. Молитвы начинались с призыва к молитве, выполнявшейся в минарете мечети группой молодых мусульман во главе с годжием-муэдзином. Затем читающие Коран мужчины и дети садились в зале мечети в единый саф⁵³ и под руководством имама поочередно и громко читали нараспев суры Корана. После чтения Корана все присутствующие в мечети (женщины в другом зале) во главе с имамом совершали молитвы в несколько ракаатов⁵⁴, а затем, после коллективного чтения некоторых молитв и аятов, заканчивалась молитва. Продолжительность молитв составляла около двух часов и более.

Также тщательно под руководством имамов выполнялись и другие мусульманские обряды: захоронения, вступления в брак, произнесения азана детям и другие. Например, в обряде захоронения участвовали взрослые мужчины, которые под

⁵³ Здесь – ряд молящихся (араб.). – Прим.ред.

⁵⁴ Молитвенный цикл, ряд слов и действий, составляющих одну из частей молитвы. Число ракаатов может быть разным в зависимости от времени (рассветный – 2, послеполуденный/зухр – 4, предзакатный – 4, вечерний – 3, ночной – 4 ракаата) и статуса выполняемого намаза (фарз, сунна). – Прим.ред.

руководством имама вначале обмывали умершего, затем вечером и ночью читали Коран (разделенный на 30 частей-джузов). Назавтра утром индивидуально читали не менее 40 раз суру «Йа-син» за душу умершего⁵⁵. Захоронение на мизаре также проводилось мусульманами-мужчинами во главе с имамом с совершением определенных молитв.

В послевоенное время, после иммиграции в Беларусь мусульман из арабских стран, исполнение мусульманских молитв, обрядов и других процедур существенно упростилось⁵⁶ и сократилось. Намазы в мечети совершаются в течение 15-20 минут, часто без предварительной подготовки, в обычной одежде и в рабочих условиях с упрощением всех других процедур. Также в Польше мусульмане все чаще отходят от былых татарских традиций. Например, при захоронении используют не доски, традиционно применявшиеся ранее, а обычные христианские гробы. Во время намаза у могилы умершего не отступают на 40 шагов⁵⁷, как это делали ранее, оставляя только одного имама. Никто, кроме имама, не молится рядом с умершим⁵⁸. Часто даже перед опусканием гроба в могилу на трубе исполняется траурная мелодия⁵⁹. После похорон, по примеру христианских поминок, проводятся коллективные обеды-«вечёры» с приглашением родственников и близких друзей, однако без распития алкогольных напитков.

В США и Англии также, в соответствии с традициями мигрантов из арабских стран и по сравнению с прежними традициями белорусско-польских татар, молитвы выполняются более индивидуально, значительно короче, объясняя тем, что это

⁵⁵ Татарский поминальный обычай. – Прим.ред.

⁵⁶ Приблизилось к традиционному классическому исламу: были выделены фарзы как обязательные намазы, сунны как дополнительные, выполняемые по желанию и т.п. – Прим.ред.

⁵⁷ Татарский местный обычай. – Прим.ред.

⁵⁸ Имеется в виду «талкин», чтение напоминания покойному ответов на вопросы ангелов Мункара и Накира. – Прим.ред.

⁵⁹ Что противоречит канонам шариата. – Прим.ред.

соответствует учению арабских фундаменталистов. Например, в Англии в мечетях молятся первые два ракаата каждый индивидуально, а следующие два – совместно с имамом. Причем, в отличие от мечетей в Беларуси, каждый приходит в течение одного часа и, помолившись два ракаата, ожидает имама на следующие два.

Захоронения белорусско-польских татар проводятся на мусульманских мизарах. Многие из них сохранились с глубокой древности. Они досматриваются и поддерживаются в порядке татарами. Государство никакой помощи в этом не оказывает, поэтому состояние многих из них остается неудовлетворительным: доступ на мизар, особенно в осенне-зимний период, затруднен из-за отсутствия подъездных дорог, отсутствуют ограждения, мизары не охраняются, зарастают травой и дикой порослью и т.д. Все заботы по обеспечению захоронения умерших ложатся на родственников, а поскольку количество татар в последние годы уменьшилось, то и мизары соответственно приобрели запущенный вид. В отличие от мизаров на Беларуси, в некоторых западных странах, например, в Англии, кладбища, в том числе мусульманские мизары, находятся под государственной опекой, на каждом из них имеется свое правление со своим персоналом, которое обеспечивает уборку, ограждение, охрану и наблюдение за состоянием кладбищ.

Такие воспоминания остались у нас от жизни белорусско-польских татар в XX столетии, переживших тяжелые годы двух мировых войн, времена миграции и ассимиляции в различных политических и социально-экономических условиях. Естественно, что многие публикации о тех событиях по-разному излагаются и воспринимаются общественностью Польши, Беларуси и других стран, так как точка зрения тех, кто все это видел и переживал, часто не совпадает с точкой зрения тех, кто все это видел и переживал, часто не совпадает с точкой зрения тех, кто ничего этого не видел, а писал историю в тиши своих кабинетов (*Punkt widzenia zależy od punktu siedzenia*).

По многим вопросам наши воспоминания совпадают с мнением других татар, переживших эти времена в различных

условиях: с воспоминаниями Евы Воронович-Якубовской из Польши, Романа и Яна Соболевских из Польши, Мустафы Абрамовича из Англии и др.

Сегодня, когда ислам распространяется все шире, а мусульман становится все больше, их влияние на развитие общества возрастает, а вместе с тем все ярче проявляются и негативы в нашем поведении по отношению к своим и другим народам. Теория и практика нашей современной жизни заставляет нас задуматься о прошлом и будущем и о непростых путях достижения единства наших мусульман, так необходимого для возрождения ислама в нашей стране. Залогом успеха является наш 610-летний опыт проживания среди других народов мира в служении Всевышнему Аллаху.

Послесловие

В связи с широким распространением ислама в мире и участием белорусско-польских татар в миграционных процессах XX столетия, определенную мировую известность получила татарская община Клецкого региона. Так, в начале 2010 г. дочь и внучка Евы и Али Вороновичей в Польше (Щецин) Тагира и Камилла Щенсновичи прислали мне ксерокопию статьи из интернета о татарах нашего региона, представляющую определенный интерес для наших татар, и помещена в конце моих воспоминаний. Ниже приводится перевод основного содержания статьи «Potomkowie Tatarów krymskich w miasteczku Kleck (Białoruś)»:

Появление татар в Клецком княжестве, принадлежавшем королеве Боне, а затем семье Радзивиллов, связано с военными нападениями ордынских татар в начале XVI века. Войскам Княжества Литовского удалось тогда разгромить крымских татар в некоторых стычках. Так, они были побеждены под Лидой князем Михаилом Глинским и окончательно разгромлены под Клецком, укрепленным местечком с замком на реке Лань. Пятого марта 1506 года польско-литовские войска (7 тысяч кавалерии и 3 тысячи пехоты, «hałastry»⁶⁰) во главе с Глинским уничтожили пятитысячный татарский отряд, возглавлявшийся перекопским (крымским) ханом Бети-Гиреем, захватив при этом в плен много татар и освободив около 40 тыс. польских пленных.

Вероятно, мусульманская общность, проживавшая до довоенных времен XX века в различных поселениях над рекой Лань (и до настоящего времени проживающая в Клецке) состояла именно из этих бывших пленных татар. Это подтверждается Литовской Метрикой из Варшавского главного архива древних актов. В подтверждение этого предположения там приводятся следующие факты:

⁶⁰ Букв. «сброд». – Прим.ред.

- а) татар не селили большими группами, а расселяли среди местного населения;
- б) им выделяли небольшое количество земли (около одной волоки – 21,7 га) на одну семью в Клецком регионе, что было сравнимо в то время с крестьянскими наделами земель. В этой местности не селили крупных ордынских феодалов и членов их дружин, как это имело место в северных литовских районах, а чаще это были люди из прислуги. Поэтому клецкие татары не создавали своих татарских хоругвей, а несли военную службу вместе с местными боярами (шляхтой) и крестьянами под одной местной хоругвей.

В 1519 г. Клецк был передан королем Зигмундом I во владение своей жене, королеве Боне. В последующие девять лет татары с этих земель на охрану Клецкого замка поставляли семнадцать коней, а после смерти королевы в 1558 г. Клецк вместе с несколькими соседними поселениями перешел во владения Миколая Радзивилла «Черного». «Клецкое Княжество» с местечком Синявка, четырьмя фольварками и пятью сельскими округами (*wojtowstwa*) стали частной собственностью. В период с 1552 по 1575 гг. на этих землях была проведена земельная реформа, в результате которой татары расширили в этой округе свои земельные наделы сначала до 27 волок, а через 11 лет владели уже 70 волоками земли. В мирное время они охраняли, а в военное – защищали Клецкий замок. Начиная с 1563 г., татары были переселены в три деревни: Орда, Войшневичи (по-видимому, Иваново) и Осмолово, которое стало центром татарского населения и мусульманских общин на Радзивилловских землях с мечетью XVI века. Каждому, кто нес военную службу с конем, к имевшимся двум волокам земли добавлялось еще по одной волоке. Согласно последней после реформенной земельной переписи, в 1575 г. татары имели уже 101 волоку земли, с которой обязаны были поставлять 32 коня.

Указанные три места поселения татар, по-видимому, не полностью отражали их количество. Единственный доступный экземпляр книги из Радзивилловского архива оказался поврежденным, а в описной книге «Клецкого княжества»

перечисляются около 10 мест проживания татар. Согласно этой книге, в 1552-1555 гг. татары проживали также в таких местах, как Лысковичи, Ходаловичи, Якшицы, Малищицы, Кошмовичи, Малево, Залесье, Зувильчицы и др. Татары, получившие в результате земельной реформы земли, обязаны были нести конную военную службу – с одной волоки выставляли одного коня, т.е. вооруженного конника. Таким образом, земельная реформа укрепила положение татар не только экономически, но и в правовом плане – их приравнивали к окружающему крестьянству и так называемой шляхте. Эта прослойка, независимо от признаваемой религии (православие, католицизм, ислам) имела равные права и обязанности так же, как и в отношении юрисдикции суда.

Клецк в то время был типичным местечком, образовавшимся вокруг административных центров – вокруг замков, хозяйских дворов и резиденций крупных землевладельцев. В 1750 г. источники сообщают о наличии в Клецке одной семьи, в 1782 – пяти семей, а в 1791 г. – десяти татарских семей, занимающихся, главным образом, гарбарством. В соответствии с перечневой ведомостью о прихожанах Осмоловской мечети за 1836 г., там проживало 74 человека, а в 1841 г. – 83 человека мусульманского вероисповедания.

После 1918 г. Клецк находился в границах Польши (Несвижского района), и в соответствии с данными муфтията в 1931 г. мусульманская община в Клецке насчитывала 215 татар женщин и мужчин. В 1927 г. в Клецке проводились выборы в магистрат, куда было избрано семь советников (радных) из христианско-мусульманского списка. Одним из них был татарский крестьянин и бывший чиновник Халиль Якубовский; а в 1930 г. в состав магистрата от татар был избран Адам Александрович. Седьмого ноября 1930 г. в связи с предвыборной кампанией состоялось большое собрание татар под руководством имама Якуба Ждановича, на котором был принята резолюция о полной поддержке на выборах главы государства маршала Юзефа Пилсудского, который гарантировал всем слоям общества мир и благополучие, и обещал привести государство к полной победе.

В 1932-1934 гг. в Клецке проводилась хуторизация (komasacja) земель, расположенных вокруг города в количестве 1200 гектаров, в единые наделы взамен полосных земель, расположенных в тех различных местах района. Представителем от клецких татар в состав комиссии был избран Мустафа Александрович, который уделил этой кампании много внимания и энергии. Был он кассиром, принимал оплату от всех крестьян, чьи земли подлежали хуторизации. Через его руки прошло более 5 тысяч злотых, и с этой задачей он справился отлично, получив после этого благодарность за честность и добросовестность в работе. Благодаря его деятельности, клецкие татары получили земли в одном месте, что способствовало повышению урожайности и эффективности сельского хозяйства.

Следующая информация, составленная на основе журнала «Życie Tatarskie», относится к 1934 г. Так, в августе 1934 г. в Клецке состоялось собрание татарской молодежи, на котором выступил Кембиров с предложением создать культурное объединение татарской молодежи в Клецке (ZK-OTRP). Оно было создано в сентябре того же года с резиденцией, расположенной по ул. Закостельной, 21. Председателем отделения стал Хасень Якубовский, кассиром – Якуб Жданович, секретарем – Адам Александрович. В 1935 г. на общем собрании клецких татар с докладом выступил Амурат Якубовский на тему «Крым и крымские татары», а в 1936 г. он же выступил с докладом на тему «Независимое движение в Крыму и на Кавказе». В июле 1936 г. на собрании татарской молодежи в Клецке выступил Эдиге Шинкевич на тему «Народное движение тюркских татар Идель-Урала и Крыма в 19-м и 20-м столетии», а также рассказал о своих впечатлениях от поездки в Иран, Турцию и Румынию. В марте 1936 г. в первый день Курбан-байрама Коло молодежи татарской⁶¹ организовало в Клецке лотерею, а на второй день – танцевальный вечер с целью сбора средств для приобретения книг, газет и оборудования для своей резиденции. В 1938 г. в Клецке

⁶¹ Кружок татарской молодежи, что-то типа неформального клуба по интересам.
– Прим.ред.

ремесленным союзом из Новогрудка проводились занятия татар по изучению технологии переработки кож, а по предложению Али Вороновича началась подготовка к организации гарбарской артели в Клецке, что способствовало бы механизации облегчению процесса переработки кож, а, следовательно, улучшению жизни татар. В 1945 г. число мусульман в Клецке составляло 150 человек.

До середины 19-го века центром общественной и религиозной жизни татар Клецкого региона было Осмолово, где находилась татарская мечеть. Согласно записи в хамаиле семьи Халембеков следует, что еще в 1829 г. религиозное обслуживание татар в Клецке совершал местный татарин Воронович. На создание самостоятельной татарской общины в Клецке оказала влияние находящаяся в Клецке российская воинская часть, в которой служило много мусульман. В 1876 г. согласие на строительство мечети в Клецке дал Таврический (Крымский) муфтий, а годом позже – и губернские власти в Минске. Строительство деревянной мечети было закончено в феврале 1881 г. Пляц (участок земли) под мечеть еще годом раньше в качестве дара для мечети дал Якуб Якубовский. Главным фундатором⁶², кроме других мусульман города Клецка, был его сын Мустафа. Дерево для мечети подарила благопрятно относящаяся к татарам семья Радзивиллов, остальные расходы несли последователи ислама. (Кстати, сообщение о том, что участок для мечети подарил Якуб Якубовский, подтверждает наше предположение о том, что Якуб Якубовский был нашим прадедушкой по отцу, то есть отцом нашей бабушки Фурши. На этой же территории впоследствии были усадьбы сыновей бабушки Фурши – Александра Александровича (справа от мечети) и Мустафы Александровича (слева). После замужества с Иосифом Александровичем бабушка Фурша подарила небольшую часть своего огорода брату своего мужа Амурату Александровичу, дом которого впоследствии находился слева от усадьбы Мустафы Александровича (прим. авт.).

⁶² Здесь – спонсор, благотворитель.

В XX столетии мечеть в Клецке дважды подвергалась ремонту: в 1911 году на ремонт одну тысячу долларов дали местные татары при поддержке Константина Якубовского, а в 1930-1931 гг. деньги выделил муфтият, и 160 долларов дали татарские эмигранты в США. Других источников финансирования у мечети не было. В 1937 г. татарская община в Клецке насчитывала 228 человек. Функции имамов в мечети исполняли сын предыдущего имама Мустафы Якуб Жданович (1895-1937 гг.), и затем Мустафа Александрович (1937-1953 гг.). В августе 1937 года имам г. Варшавы Али Воронович в течение нескольких недель обучал местных детей в Клецке основам религии ислама, за что ему дети мусульман и их родители в своем письме в муфтият и в журнал «Życie Tatarskie» выразили большую благодарность. За несколько месяцев до начала Второй мировой войны муэдзином (заместителем имама) был назначен Якуб Александрович. Татарская община в г. Клецке функционировала и после 1945 года. Мечеть в Клецке сгорела годом раньше (1944 г.), как будто во время варварской ликвидации еврейского гетто, однако и до сегодняшнего дня около 150 татар участвуют в молитвах, проводимых в доме имама Якуба Ждановича.